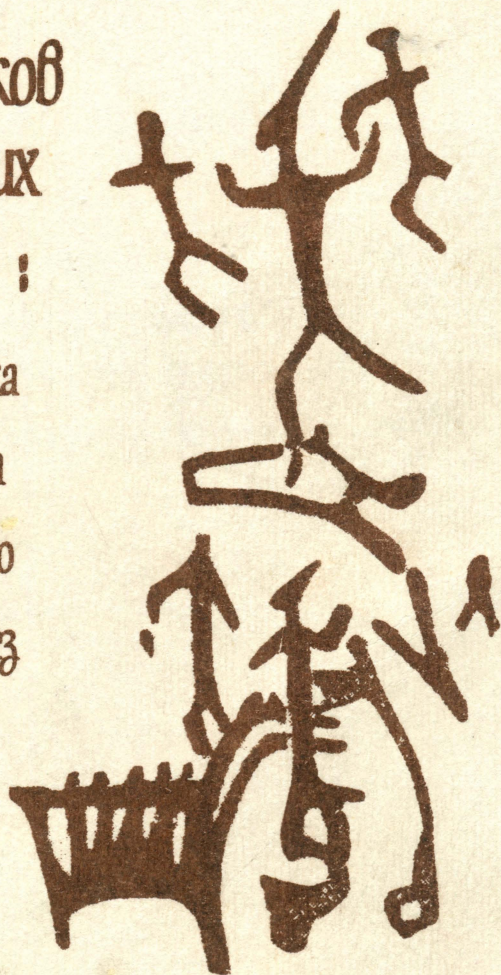

М.Ф.Обыденнов

У истоков
уральских
народов :

- экономика
- культура
- искусство
- этногенез

Уфа 1997

**Восточный институт экономики,
гуманитарных наук, управления и права**

М.Ф.Обыденнов

**У истоков
уральских народов:**

экономика, культура, искусство, этногенез

**Издательство «Восточный университет»
Уфа 1997**

Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. – Уфа: «Восточный университет», 1997. – 202с.

ISBN 5-87865-121-1

В книге доктора исторических наук, профессора М.Ф.Обыденнова рассматриваются вопросы древней истории уральского населения II – начала I тысячелетия до н.э. По материальным остаткам реконструируется духовная культура, искусство, верования. Анализируются проблемы экономического развития населения далекой эпохи.

Книга рекомендуется широкому кругу читателей, интересующихся историей культуры, искусства и происхождением народов Восточной Европы, Урала и Западной Сибири.

Ответственный редактор член-корр. РАН Раиль Гумерович Кузеев

Рецензенты: В.С.Горбунов, д.ист.н., профессор;
Ю.Ф.Кирюшин, д.ист.н., профессор

ISBN 5-87865-121-1

Урал вместе с Карпатами, Кавказом и Алтаем обрамляет великий пояс евразийских степей и сочетает в предгорных ландшафтах зональное разнообразие: лес, узкие полосы лесостепи и близко подступающие степи. В предгорных долинах формировались экологические ниши, где в определенные исторические периоды успешно развивались человеческие коллективы.

Уральский регион охватывает обширные территории, примыкающие с востока и запада к Уральскому горному хребту, за исключением самых северных районов материка. В Уральский регион исторически входят Свердловская, Пермская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области, республики Удмуртия и Башкортостан. Территориально и исторически к региону примыкают смежные юго-восточные районы Тюменской области (Тюменское Притоболье) и восточные районы республики Татарстан (Нижнее Прикамье). В этих границах площадь уральского региона достигает 850 тыс. кв. км, что превышает территорию любой европейской державы.

Уральский регион находится на стыке двух великих этнокультурных и хозяйственных областей, где вследствие протяженности Уральского горного хребта лес и лесостепь несколько смещены. Здесь издревле взаимодействовали традиции нынешних финно-угорских и ираноязычных народов, соседствовало охотничье-рыболовецкое население лесо-таежной зоны и скотоводческо-земледельческое – степной зоны.

Сложный и нестандартный характер взаимодействия различных групп населения обусловил специфику местных археологических культур и отразил в материальных остатках наиболее существенные события древней истории востока Европы, Урала и Западной Сибири в целом.

Западная и восточная части Урала, разделенные низкими, залесенными, мало удобными для обитания человека горами, никогда не были изолированными друг от друга и составляли в различные исторические эпохи одно целое в хозяйственном, культурном и этническом отношении.

Урал отличается исключительным богатством и разнообразием своих природных ресурсов. Здесь в обилии имеются высококачественные породы камня, на базе которых функционировала высокоразвитая индустрия мезолита и неолита; залегающие близко к поверхности полиметаллические руды, на основе которых базировалась металлургия и металлообработка бронзового века. Разветвленная речная система связывает ландшафтные зоны лесов, лесостепей, степей и полупустынь, создавая благоприятные возможности для обменных операций и передвижений групп населения.

Заселение Урала произошло около 100 тыс. лет т.н. (История Урала... – 1989. – С.48). Эпоха раннего металла, открывающаяся с энеолита, наступает, очевидно, в IV тыс. до н.э. (Васильев И.Б., Синюк А.Г., – 1985. – С.71). Начало позднего бронзового века (далее ПБВ) в Урало-Камском регионе так же, как и в Евразийской металлургической провинции, относят примерно к XVIII–XVII вв. до н.э. (Черных Е.Н., Кузьминых С.В. – 1989. – С.260).

Основные черты ПБВ Северной Евразии были выделены Е.Н.Черных. Это гигантский скачок в распространении металлургии и металлообработки среди неолитических культур степной и таежной зон Азии; почти повсеместное распространение оловянистых бронз и начало новой сложной технологии металлообработки – тонкостенного литья наконечников копий и кельтов (Черных Е.Н. – 1978. – С.71–82).

Избранный автором для анализа период падает на постсейминскую фазу ПБВ, выделенную и обоснованную в работах Е.Н.Черных (1970, 1976, 1978а, 1978б и др.), когда функционировала евразийская металлургическая провинция

По представлениям специалистов по раннему металлу, в развитии евразийской металлургической провинции выделяются периоды сложения, стабилизации, переоформления и деструкции. Постсейминское время характеризуется цветным металлом периода переоформления и деконструкции, когда больше, чем в предшествующее или последующее время, наблюдается археологических культур (Агапов С.А. – 1990а. – С.1), а в степной зоне Евразии формируется общность культур валиковой керамики (ОКВК) (Черных Е.Н. – 1984а). Этот период длился около 400–500 лет.

В литературе имеются и другие принципы членения бронзового века (БВ) (См.: Березанская С.С. – 1982. – С.18–23; Археология УССР. – Т.1. – 1985. – С.361–526). Учитывая значительный зональный сдвиг к югу, узость лесостепной зоны, приближенность к Северному Прикаспию и ближневосточным центрам производящего хозяйства, полагаем, что в настоящее время нет необходимости разрабатывать самостоятельную региональную периодизацию БВ Урало-Камского региона, тем более что к теме нашего исследования ранние периоды БВ не имеют прямого отношения.

Несколько иная периодизация БВ для лесной зоны евразийской части СССР изложена в томе «Археология СССР» (Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы... – С.7). Но различия с периодизацией Е.Н.Черных касаются главным образом начальных периодов эпохи раннего металла. Последние века II тыс. до н.э. М.Ф.Косарев относит к периоду поздней бронзы, а первые века I тыс. до н.э. до VIII–VII вв. до н.э. – к переходному времени от бронзового века к железному (там же. – С.7).

Несовпадение различных периодизаций обусловлено, очевидно, неравномерностью исторического развития, что особенно заметно по Уральскому региону.

Рассматриваемая эпоха ПБВ характеризуется значительными экономическими и социальными процессами – совершенствованием бронзовой металлургии и металлообработки, что подготавливает переход к производству орудий из железа и формирование новой эпохи – раннего железного века (РЖВ). В многоотраслевой экономике южно-лесной и лесостепной зон, объединенных залесенным Уральским горным хребтом и густой речной системой, упрочиваются производящие отрасли хозяйства, усиливает-

я этнокультурная и этническая дифференциация населения, активизируются миграционные процессы.

При изучении общественно-экономического процесса следует иметь в виду историческую перспективу исходного состояния общественных коллективов. Поэтому необходимо рассматривать постсейминскую фазу ПБВ Урала и Прикамья в тесной взаимосвязи с культурными образованиями сейминской фазы ПБВ и с археологическими культурами РЖВ на этой же территории.

По мнению лингвистов, в РЖВ на рассматриваемой территории проживали: в Западном Приуралье – финно-угорские или, точнее, пермские, на восточном склоне Урала – угорские, а в лесостепной зоне – кочевые ираноязычные племена.

Вслед за многими авторами мы придерживаемся мнения, что керамика, имеющая консервативные традиции в технологии и орнаментации, а также вследствие своей многочисленности является основным источником о этногенетическим процессам в бронзовом веке (Фосс М.М. – 1952; Чернецов В.Н. – 1971; Косарев М.Ф. – 1981 и др.).

Основной классификационной единицей в археологии, отражающей объективно существовавшие этнокультурные группы населения, является археологическая культура – АК (Брюсов А.Я. – 1952. – С.20).

Механизм и динамика образования АК в достаточной степени еще ясны.

В области палеоэкономики мы следуем за М.Ф.Косаревым, обосновавшим на материалах Западной Сибири вывод о существовании в ПБВ двух огромных экономических областей – пастушеско-земледельческого хозяйства в степной и лесостепной зонах и многоотраслевого комплексного хозяйства, сочетавшего производящие отрасли с присваивающими промыслами в южной тайге и северной лесостепи (1976а, 1981, 1984).

Изучение источников по палеоэкономике (природных условий, орудий руда, результатов остеологических и палинологических определений) позволяет определить общую направленность хозяйственной жизни Урало-камского региона в ПБВ и соотношение отдельных отраслей в экономическом балансе.

На территории южно-лесных районов происходят важные культурно-исторические процессы внутреннего развития, вызванные прогрессивным влиянием интенсивной бронзовой металлургии и активными культурно-обменными связями. Неравномерность экономического развития степной, лесостепной и южно-лесной зон приводила к усилению одних АК и ослаблению других. Неизбежный рост народонаселения усилившихся АК при благоприятных условиях многоотраслевого хозяйства, но слабой технической базе и консервативной социальной структуре требовал отлива избыточного населения. Последнее осуществляется путем переселения в чуждую, еще родственную этническую среду и освоения малонаселенных земель.

Историко-культурное развитие в сейминскую эпоху на Южном Урале не завершилось оформлением древнейшей цивилизации. Урал, несмотря на огромные размеры добычи цветных металлов, высокий уровень пастушеского скотоводства, наличие благоприятных условий для пастушеского и земледельческого хозяйства, разветвленную речную сеть и широкие связи как по ландшафтным зонам, так и по вертикальным, межзональным, не стал центром древней цивилизации. Позднее южно-лесной и лесостепной Урал остался на окраинах кочевой цивилизации скифо-сарматов, в то время как в степной зоне перешли к новым формам хозяйствования.

Без освещения духовной культуры, выяснения ее уровня история любого народа будет выглядеть безжизненной и неполной. Однако круг источников по этой проблеме в рассматриваемом регионе крайне ограничен и фрагментарен. Поэтому одной из задач является систематизация предметов и памятников, связанных с духовной жизнью населения ПБВ, и их интерпретация.

В последние десятилетия появились фундаментальные исследования по археологии Урала эпохи камня, бронзы, раннего железа и средневековья (См. Библиографию. История Урала... — 1989. — С. 531—536). Монографическое исследование по бронзовому веку Южного Урала К.В. Сальникова (1967) и разделы книги А.Х. Халикова (1969), во многом сохраняя свое значение, в свете многочисленных новейших материалов требуют значительных дополнений и уточнений, а в отдельных аспектах и пересмотра.

В настоящей работе предпринята попытка с одних позиций и с использованием данных антропологов, палеозоологов, а также лингвистов и этнографов обобщить и систематизировать материалы, накопленные усилиями многих археологов в течение последнего столетия.

Основные *задачи* выполненного автором исследования сводились к следующему: систематизировать имеющиеся источники по археологическим культурам ПБВ Урало-Камского региона и показать эволюцию исторического процесса; выявить этнокультурные ареалы и отдельные культуры, определить их место среди культур южно-лесной и лесостепной зон района, а также соседних территорий; выявить общие тенденции социально-экономического развития в постсейминскую эпоху ПБВ и в переходный период к РЖВ.

Изучение ПБВ Урала важно также и для понимания проблем первоначальных этапов развития угорских народностей, предков современных хантов и манси — коренных обитателей этого региона до прихода сюда русских. По мнению большинства исследователей (Чернецов В.Н. — 1951; Сальников К.В. — 1967. — С. 373—374; Косарев М.Ф. — 1972; Хлобыстин Л.П. — 1976. — С. 58; Членова Н.Л. — 1984. — С. 97—98), памятники с рассматриваемыми типами керамики следует связывать с ранним угорским этносом на том этапе его развития, когда он начинает активное проникновение на сопредельные Среднему Уралу территории, а также вступает в тесные контакты с ираноязычным населением степей. Следы этих контактов древних

угров с индоиранцами до сих пор сохраняются в языке и культуре современных ханты и манси (Чернецов В.Н. – 1948; Косарев М.Ф. – 1972; Хлобыстин Л.П. – 1976. – С.62; Членова Н.Л. – 1979, 1984. – С.98).

Исходя из позитивного решения этих задач на фактологическую основу была поставлена проблема миграции западно-сибирского, зауральского населения в Восточное Приуралье в позднем периоде бронзового века. Многие исследователи указывали на сильное западно-сибирское влияние в культурах бронзового и раннего железного веков главным образом в предананьинскую эпоху. Однако неясно, что представляло собой население, пришедшее с Востока.

Обращение к данной теме стало возможным в результате значительных успехов археологической науки, расширением масштабов полевых работ, публикационной и методической работы.

Основной фундамент работы составили 20-летние полевые изыскания на Южном Урале, проведенные экспедицией Башкирского государственного университета, возглавляемой автором. Нами изучались археологические фонды во всех областных центрах Урала, Поволжья и Западной Сибири.

Ни в коей мере не противопоставляя периферию центру, заметим, что в последние десятилетия значительно возросла роль региональных центров в археологических исследованиях. Наряду с сибирскими и украинскими археологами большая группа уральских археологов вносит весьма значительный вклад в научные исследования доклассовых и раннеклассовых формаций. С организацией Института истории и археологии Уральского отделения АН СССР завершился процесс организационного оформления уральской археологии, начатый О.Н.Бадером в 1947 г. проведением Уральских археологических совещаний, деятельностью республиканских академических учреждений и археологических групп областных вузов. Появилась возможность работы по долгосрочным программам в рамках огромного Уральского региона.

Глава I. ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УРАЛА И ПРИКАМЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II – НАЧАЛА I ТЫС. ДО Н.Э.

Информационный бум как в целом в российской, так и в региональной археологии привел к недооценке истории археологической науки, которой исследователи уделяют крайне мало внимания. Это ведет к забвению трудов предшественников, а порою просто к повторению уже высказанных гипотез и топтанию на месте.

Российская археология как органическая часть нашей исторической науки, основываясь на материалистическом учении об обществе, рассматривает конкретно-исторический процесс как отражение объективных законов социального развития. Эта концепция лежит в основе теории материалистического понимания истории, рассматривающей это развитие как естественно-исторический процесс.

Недостатком историографических обзоров многих научных археологических работ является то, что в них рассматриваются только те взгляды, которые близки современным воззрениям на археологический материал. Прочие же обычно отбрасываются. Неисторичность подобного подхода несомненна.

Изучение ПБВ Урала и Прикамья тесно связано с изучением двух больших проблем – сущности андроновской культурной общности, ее андронидного окружения и генезиса ананьинской культуры раннего железного века востока Европы. Эти проблемы столь обширны, и литература столь многочисленна – как, впрочем, и разброс мнений, – что они сопоставимы разве только со скифо-сарматской и восточно-славянской проблематикой, и каждая достойна отдельного рассмотрения.

Научное археологическое изучение Урала и Прикамья ведется немногим более 100 лет, хотя первые упоминания об археологических находках относятся еще к XIV веку.

Урало-Камский регион относится к той территории нашей страны, где открытие и полевые исследования памятников археологии долгое время преобладали над их публикацией и осмыслением, а теоретические искания региональных археологов начались только в современный период. История археологии распадается на две части – дореволюционную и советскую. В свою очередь обе эпохи можно делить на значительные по времени и содержанию периоды. Для выделения рубежей периодизации целесообразно учитывать следующие обстоятельства: роль центральных и местных научных учреждений в археологических исследованиях; время открытия первых или основных памятников культур или эпох; проведение большого цикла полевых работ, рассчитанного на ряд лет; написание и публикация обобщающих трудов; важные научные мероприятия (сессии, совещания), подводящие итоги археологического изучения региона.

Основы периодизации и главные вехи археологического изучения Урало-Камского региона изложены в ряде наших работ (1989б, 1990а, 1990б, 1990г, 1992а).

На основе анализа истории археологических исследований всех эпох нами было выделено семь периодов в их развитии: три для дореволюционного и четыре для послеоктябрьского времени (1989б). Становление и развитие научных представлений по эпохе ПБВ Урало-Камского региона необходимо рассматривать по более упрощенной схеме, исходя из состояния историковедческого материала, уровня решаемых в конкретный период задач и полученных при этом результатов. Соответственно выделяется четыре этапа: дореволюционный, 20–50 гг., конец 50–60 гг., 70–80 гг.

1.1. Дореволюционный этап

Первый этап – дореволюционный. Он характеризуется пробуждением интереса к древней истории края и началом исследования археологических памятников, установления факта заселения уральской территории в древности.

Рудознатцы XVIII в. открывали залежи меди на Урале по находкам около расположения большого количества медного шлака и руды, оставленных древними рудокопами и свидетельствующего о плавке медных руд недалеко от места их добычи. Часто близ этих мест основывались медеплавильные заводы, например Полевский медеплавильный завод около современного Екатеринбурга.

XVIII в. ознаменовал начало собирания и описания археологических памятников в государственном масштабе. Особую роль в этом сыграли В.Н.Татищев, П.И.Рычков, П.С.Паллас, И.И.Лепехин, чья научная деятельность тесно связана с Уралом. Деятельность этих ученых-путешественников имела комплексный характер. Первые географы и путешественники XVII–XVIII вв. не ставили целью поиск древностей, а только фиксировали их, когда те встречались на пути. Однако связь древностей с историей уже понималась. Передовые умы старались понять характер и происхождение остатков старины. П.С.Паллас в 1780 г. издал «Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири и их подобию с венгерскими, различествующими от копей римских». Археологические памятники использовались в основном в практических целях: на «чудских коях» возникали промышленные предприятия.

В 20–30 гг. XIX в. в России формируется археология как наука о древностях со своими задачами и методами. Намечаются несколько разделов археологии – славяно-русская, античная и восточная. Несколько позднее, в третьей четверти XIX в., начинает оформляться четвертый ее раздел – первобытная археология. Возникшие в первой половине XIX в. научные общества не интересовались древностями Урала, сосредоточив свое внимание на античных памятниках Северного Причерноморья.

Большое влияние на поиски древностей на Урале и в Прикамье оказало Московское археологическое общество, основанное в 1864 г. графом А.С.Уваровым, и особенно IV археологический съезд (1877), проведенный в Казани и активизировавший археологические исследования в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье. Значительную работу по сбору материалов бронзового века в дореволюционное время проделали Оренбургский и Уфимский статистические комитеты, Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Многие любители и краеведы были членами этих общественных и государственных организаций и положили начало собиранию сведений по эпохе бронзы региона. Наиболее значительные коллекции с вещами ПБВ были собраны В.И.Заусайловым, А.Е. и С.А.Теплоухо-

выми; начало коллекции последних было положено еще в предшествующие годы графом С.А.Строгановым и его управляющим Ф.А.Волеговым.

Доисторическим прошлым Урала одним из первых стал заниматься М.В.Малахов (ум. 1885 г.). В своих работах он повторил описания чудских медных копей, выделяя культуру «эпохи копей» и отмечая многочисленность памятников этой культуры. М.В.Малахов полагал, что «обитатель Урала – человек каменной эпохи ... самостоятельно ознакомился здесь с металлом». Вначале, по его мнению, люди стали изготавливать медных идолов, а затем стрелы, кельты, кирки и т.п. (1908. – С.11–17).

Более или менее регулярные поиски древностей в Прикамье и Заволжье начались в период подготовки и после IV археологического съезда, состоявшегося в 1877 г. в Казани.

В 80-е гг. XIX в. в окрестностях Казани проводят археологические исследования геологи, профессора Казанского университета Н.Ф.Высоцкий и А.А.Штуkenберг. Они провели изучение стоянок у с. Большие Отары. В 1885 г. была опубликована сводная работа этих ученых, подводившая итог их изысканиям в 1878–84 гг.; она является крупнейшей по приказанским стоянкам за весь дореволюционный период.

А.А.Штуkenберг и Н.Ф.Высоцкий (1885) считали, что в эпоху бронзы не было каменных орудий и относили их к каменному веку. Население приказанских стоянок представляется им бродячим, зимой и летом живущим в разных местах. Нет у них описания жилищ, очевидно потому, что при низкой методике раскопок шурфами жилища не могли быть выявлены. Нет также и твердой уверенности о наличии скотоводства, хотя при раскопках было собрано много костей домашних животных.

В Казани успешно работал П.А.Пономарев. В 1882 и 1897 гг. у д. Махлашеевка в Татарии он раскапывал курганы, относящиеся, как впоследствии установлено, к эпохе бронзы (срубной и приказанской культурам). П.А.Пономарев, описывая Ананьинский могильник, раннего железного века, отмечал на его месте предшествовавшее могильнику поселение. Это же поселение отметил и А.А.Спицин (1893).

Понятие бронзового века в Волго-Камье вошло в археологическую практику в 70–80 гг. прошлого века. Характерно, что представления о бронзовом веке Урала и Приуралья базировались на очень пестром материале, зачастую очень позднем (например, ананьинском); они носили общий характер, поскольку представления об отдельных культурах этой территории еще не сложились.

В 80-е гг. финский археолог И.Р.Аспелин систематизировал древнеметаллические предметы Восточной Европы и Западной Сибири и выделил особую, урало-алтайскую, группу меднобронзовых изделий. Бронзовый век к западу от Урала он считал более «молодым» (1884).

Но уже на VII археологическом съезде в 1887 г. казанский любитель-археолог А.Ф.Лихачев выступил с положением о существовании в Казанской губернии самостоятельного бронзового века, хронологически предшествовавшего времени ананьинского могильника (1891). А.Ф.Лихачев продемонстрировал на съезде коллекцию медно-бронзовых изделий с этой территории.

В начале XX в. в зарубежной литературе продолжали господствовать взгляды И.Р.Аспелина на Урало-алтайскую область бронзового века или же представления о бронзовом веке Урала и Волго-Камья вообще отсутствовали.

В 1901 г. А.А.Штуkenберг посвящает бронзовому веку восточной полосы России специальную работу, в которой дал типологию кельтов, копий, топоров, серпов и др. медно-бронзовых предметов, хранившихся тогда в различных собраниях в Казани (1901). Автор сделал важный вывод: восточная половина Европейской России была более или менее обособленной областью развития культуры медного века, отличавшейся, с одной стороны, от центрально-русской, с другой – от сибирской; сырьевой базой древней металлургии здесь могли быть медистые песчаники, распространенные в ряде районов Прикамья и Южного Приуралья.

Против гипотезы И.Р.Аспелина о существовании единой урало-алтайской культуры бронзовой эпохи и заселении якобы пустынного Урала племенами, пришедшими с Алтая, выступил известный финский археолог А.М.Тальгрэн. Его взгляды были основаны на изучении богатых коллекций русских музеев и коллекций Заусайлова, попавших в музеи Хельсинки.

Важным для понимания бронзового века явились раскопки в 1912–1914 гг. могильника у станции Сейма близ Н.Новгорода и находки у д. Турбино на Каме близ Перми. Эти материалы позволили в дальнейшем выделить постсейминские материалы от древностей сейминского времени.

В 80–90 гг. XIX в. рядом уральских археологов, среди которых следует отметить Д.Н.Мамина-Сибиряка (1894), О.Е. и М.О.Клер (1890), К.И.Фадеева (1891, 1894), Н.А.Рыжникова (1927), начали впервые изучаться открытые к тому времени на территории Среднего Зауралья стоянки на Исетском, Первом и Втором Карасьих озерах и др., раскопки которых дали богатый материал по эпохе бронзы.

Первая мировая война надолго прервала археологические исследования в регионе. Но работами дореволюционного периода, несмотря на их существенные недостатки (низкий методический уровень изучения памятников, отсутствие четкой фиксации глубин и местоположения находок, трактовка большинства многослойных поселений как однослойных и т.д.), была создана определенная источниковедческая база из серии археологических памятников, материалы которой использовались советскими археологами для выделения археологических культур этого региона, в том числе культур эпохи бронзы: срубной, андроновской, приказанской, луговской, черкаскульской, межовской, курмантау и др.

После Октябрьской революции археологические работы на Урале возобновились и начался второй этап археологического изучения края.

1.2. Второй этап (20–50-е гг.)

Второй этап (20–50-е гг.) характеризовался попытками осмысления уже накопленного археологического материала, что выразилось в выделении археологических культур эпохи бронзы. Изучение археологических памятников и их осмысление в послереволюционное время долго было связано с формированием областных археологических центров в Свердловске, Челябинске, Уфе, Перми и Казани. Ограничение полевых работ рамками «своей» области или республики накладывало отпечаток на научное осмысление полученных материалов. Появляются культуры и типы, имеющие различные наименования в разных областях. Трудно преодолеваются областные границы. На втором этапе (20–50-е гг.) целесообразно рассматривать формирование научных представлений по позднему бронзовому веку Урала и Прикамья по двум территориям – Зауралью и Приуралью, включая Прикамье.

Принципиально важным для понимания и осмысления зауральских материалов явилось выделение С.А. Теплоуховым на материалах курганов Минусинской котловины в Южной Сибири андроновской культуры (1827). Одновременно с ним М.П. Грязнов констатировал наличие андроновских памятников и в западных районах, в том числе в Зауралье (1927). Выделенная таким образом андроновская культура, которая К.В. Сальниковым была подразделена на три генетически связанных между собой этапа: федоровский, алакульский, замараевский (19486), – послужила основой для интерпретации памятников бронзового века Зауралья.

Полевые работы, проведенные П.А. Дмитриевым в Среднем Зауралье в 20–30-е гг. (1934), и предпринятый им анализ уже накопленного по этой зоне археологического материала позволили выделить на восточных склонах Уральских гор самостоятельную культуру, названную шигирской (1951). Исходя из ошибочного вывода о том, что весь материал Шигирского торфяника представляет собой единый комплекс, П.А. Дмитриев включил в эту культуру разновременный археологический материал, датировав ее XII/XIII – VIII вв. до н.э. Обоснованием начальной даты шигирской культуры послужили находки на шигирских памятниках наконечников стрел срубного типа; обломка литейной формы для отливки кельта сейминского типа; керамики, по форме и орнаментации сходной с андроновской; а конечной – находки ананьинских кельтов и скифских стрел (1951. – С.88–89). Отметив на ряде стоянок этой культуры (Калмацкий брод, Горбуновский торфяник, озера Исетское, Черное, Первое и Второе Карасыи) наличие глиняных сосудов, близких андроновским, П.А. Дмитриев пришел к выводу, что андроновское влияние прослеживается на всех памятниках Среднего Урала (1951. – С.66, 70–71). Это положение П.А. Дмитриева о близости части ши-

гирской посуды андроновской развивалось в работах других исследователей, считавших, что появление подобной керамики есть результат продвижения андроновцев в лесные районы Зауралья (Бадер О.Н., 1947. – С.145; Брюсов А.Я., 1952. – С.163) и слияния андроновской орнаментальной традиции с местной уральской (Кипарисова Н.П., 1960. – С.23–24).

В то же время некоторые археологи обращали внимание на отличия шигирской плоскодонной посуды андроновского облика от собственно андроновской. Так, Д.Н.Эдинг на основании находок керамики андроновского облика в материалах VI разреза и на Береговой стоянке Горбуновского торфяника заметил, что «часть керамики из торфяника является как бы растворением и приспособлением андроновских мотивов к местным традиционным схемам» (1940. – С.15). Еще более определенно об отличии среднеуральской андроновского облика керамики от собственно андроновской писала В.М.Раушенбах. На основании анализа керамики поселений шигирской культуры Калмацкий Брод и Палкинская, она пришла к выводу, что элементы орнамента на сосудах этих памятников «не вполне совпадают с элементами андроновских сосудов» (1952. – С.66), и андроновские элементы проявляются крайне слабо, они растворены в лесной керамике, и появление их объясняется не продвижением андроновских племен к северу в лесные районы, а являются результатом смешения местных горбуновских племен с андроновскими в виде обмена, экзогамных браков и т.д. (1956. – С.29; 1962. – С.52). Учитывая ошибочность объединения П.А.Дмитриевым в рамках шигирской культуры разновременных комплексов и опираясь на новые к тому времени данные, доказывающие неоднослойный характер культурных остатков Шигирского и Горбуновского торфяников (Брюсов А.Я. – 1951; Дмитриев П.А. – 1951. – С.28; Раушенбах В.М. – 1956), В.М.Раушенбах выделила в Среднем Зауралье горбуновскую культуру, прошедшую в своем развитии три этапа, из которых средний соответствовал эпохе бронзы. Но и ее попытка расчленения среднеуральских памятников по эпохам и выделения этапа бронзы оказалась не совсем удачной, так как в него она включила не только андроновскую посуду, но и посуду других культур и эпох. В то же время К.В.Сальников, анализируя керамический комплекс селища Березовское и отмечая наличие в нем андроновской керамики, обратил внимание на то, что в орнаменте андроновской посуды южной полосы лесного Зауралья есть некоторые особенности, сближающие ее с памятниками лесной зоны (1951а. – С.127, 129).

Таким образом, благодаря исследованиям Д.Н.Эдинга, В.М.Раушенбаха и К.В.Сальникова в литературе укрепляется мысль об определенном своеобразии лесной керамики эпохи бронзы и отличии ее от собственно андроновской. В эти же годы вывод о том, что в рамках андроновского ареала могут быть выделены отдельные, имеющие самостоятельное происхождение культуры сделал В.Н.Чернецов (1951; 1953. – С.49–51, 52–56).

Изолированно от Зауралья и несколько по-иному протекает изучение лесной поздней бронзы в Приуралье и в Прикамье.

Первый советский археолог Урала А.В.Шмидт в своей лучшей работе (1934. – С.44–45), основываясь преимущественно на публикациях дореволюционных исследований стоянок у деревень Большие и Малые Отары, Карташиха, Табаево, делает вывод о комплексном хозяйстве обитателей этих памятников, которые он считает синхронными и, видимо, однокультурными. Главную роль в хозяйстве он отводит рыболовству. В это время, по мнению А.В.Шмидта, возникает скотоводство и земледелие, хотя о наличии последнего у Шмидта прямых данных нет. Охота отступает на второй план и не играет большой роли.

Эпоха стоянок типа Карташихи относится, по мнению А.В.Шмидта, к 2000–1200 гг. до н.э. и является временем расцвета родового общества на побережье Волги и Камы. Могильники типа Маклашеевка II, по его же мнению, синхронны абашевскому могильнику в Чувашии и относятся ко времени 1200–700 гг. до н.э., к концу материнского рода в Волго-Камье (1934. – С.67). С 700 г. до н.э., по Шмидту, начинается ананьинская эпоха и становление отцовского рода. Все же Шмидт замечает, что Маклашеевка II является более поздним памятником, чем байбатыревские курганы, которые относили к срубной культуре (1934. – С.72; Ефрименко П.П. – 1929).

В конце 30-х и начале 40-х гг. А.М.Ефимовой и Н.Ф.Калининым была раскопана Казанская стоянка (Калинин Н.Ф. – 1948), А.В.Збруевой – Луговские I и II стоянки и курганы, затем Гулькинская и другие стоянки в Нижнем Прикамье и прилегающих к устью Камы районах Поволжья. Обобщая все известные материалы, А.В.Збруева сделала вывод о принадлежности их к одной культуре с некоторыми локальными отличиями.

Анализируя немногочисленный материал поселения на месте Ананьинского могильника, А.В.Збруева выделяет два типа посуды: срубный и раннеананьинский. Отождествляя Ананьинское поселение со срубной культурой, она считала, что «поселения срубно-хвалынского типа заходили далеко за границы современной степи, проникая в лесную область и соприкасаясь с типичными поселениями лесного края» (1937. – С.108). Важен вывод А.В.Збруевой о пастушеском хозяйстве обитателей Ананьинского поселения. По определению В.И.Громовой, костные остатки с поселения принадлежали домашним животным. К тому же типу поселений, что и Ананьинское, Збруева относит поселение Отарка близ Ананьинского могильника. Она их считает синхронными.

В 1934 г. на трассе железной дороги Уфа – Ишимбаево П.А.Дмитриев исследовал полуразрушенную стоянку на реке Деме вблизи железнодорожного моста. В коротком сообщении об этих исследованиях авторы отметили лишь сходство данной плоскодонной керамики с примесью толченых раковин с сосудами типа городища Кара-Абыз (Сальников К.В., Дмитриев П.А. – 1941. – С.136).

В 1940 г. у поселка Лугового в Елабужском районе Татарии А.В.Збруева начала раскопки, продолженные после Великой Отечественной войны. В раскопе 1940 г. были раскрыты остатки трех жилых землянок и в очаге

гирской посуды андроновской развивалось в работах других исследователей, считавших, что появление подобной керамики есть результат продвижения андроновцев в лесные районы Зауралья (Бадер О.Н., 1947. – С.145; Брюсов А.Я., 1952. – С.163) и слияния андроновской орнаментальной традиции с местной уральской (Кипарисова Н.П., 1960. – С.23–24).

В то же время некоторые археологи обращали внимание на отличия шигирской плоскостной посуды андроновского облика от собственно андроновской. Так, Д.Н.Эдинг на основании находок керамики андроновского облика в материалах VI разреза и на Береговой стоянке Горбуновского торфяника заметил, что «часть керамики из торфяника является как бы растворением и приспособлением андроновских мотивов к местным традиционным схемам» (1940. – С.15). Еще более определенно об отличии среднеуральской андроновского облика керамики от собственно андроновской писала В.М.Раушенбах. На основании анализа керамики поселений шигирской культуры Калмацкий Брод и Палкинская, она пришла к выводу, что элементы орнамента на сосудах этих памятников «не вполне совпадают с элементами андроновских сосудов» (1952. – С.66), и андроновские элементы проявляются крайне слабо, они растворены в лесной керамике, и появление их объясняется не продвижением андроновских племен к северу в лесные районы, а являются результатом смешения местных горбуновских племен с андроновскими в виде обмена, экзогамных браков и т.д. (1956. – С.29; 1962. – С.52). Учитывая ошибочность объединения П.А.Дмитриевым в рамках шигирской культуры разновременных комплексов и опираясь на новые к тому времени данные, доказывающие неоднослойный характер культурных остатков Шигирского и Горбуновского торфяников (Брюсов А.Я. – 1951; Дмитриев П.А. – 1951. – С.28; Раушенбах В.М. – 1956), В.М.Раушенбах выделила в Среднем Зауралье горбуновскую культуру, прошедшую в своем развитии три этапа, из которых средний соответствовал эпохе бронзы. Но и ее попытка расчленения среднеуральских памятников по эпохам и выделения этапа бронзы оказалась не совсем удачной, так как в него она включила не только андроновскую посуду, но и посуду других культур и эпох. В то же время К.В.Сальников, анализируя керамический комплекс селища Березовское и отмечая наличие в нем андроновской керамики, обратил внимание на то, что в орнаменте андроновской посуды южной полосы лесного Зауралья есть некоторые особенности, сближающие ее с памятниками лесной зоны (1951а. – С.127, 129).

Таким образом, благодаря исследованиям Д.Н.Эдинга, В.М.Раушенбаха и К.В.Сальникова в литературе укрепляется мысль об определенном своеобразии лесной керамики эпохи бронзы и отличии ее от собственно андроновской. В эти же годы вывод о том, что в рамках андроновского ареала могут быть выделены отдельные, имеющие самостоятельное происхождение культуры сделал В.Н.Чернецов (1951; 1953. – С.49–51, 52–56).

Изолированно от Зауралья и несколько по-иному протекает изучение лесной поздней бронзы в Приуралье и в Прикамье.

Первый советский археолог Урала А.В.Шмидт в своей лучшей работе (1934. – С.44–45), основываясь преимущественно на публикациях дореволюционных исследований стоянок у деревень Большие и Малые Отары, Карташиха, Табаево, делает вывод о комплексном хозяйстве обитателей этих памятников, которые он считает синхронными и, видимо, однокультурными. Главную роль в хозяйстве он отводит рыболовству. В это время, по мнению А.В.Шмидта, возникает скотоводство и земледелие, хотя о наличии последнего у Шмидта прямых данных нет. Охота отступает на второй план и не играет большой роли.

Эпоха стоянок типа Карташиха относится, по мнению А.В.Шмидта, к 2000–1200 гг. до н.э. и является временем расцвета родового общества на побережье Волги и Камы. Могильники типа Маклашеевка II, по его же мнению, синхронны абашевскому могильнику в Чувашии и относятся ко времени 1200–700 гг. до н.э., к концу материнского рода в Волго-Камье (1934. – С.67). С 700 г. до н.э., по Шмидту, начинается ананьинская эпоха и становление отцовского рода. Все же Шмидт замечает, что Маклашеевка II является более поздним памятником, чем байбатыревские курганы, которые относили к срубной культуре (1934. – С.72; Ефрименко П.П. – 1929).

В конце 30-х и начале 40-х гг. А.М.Ефимовой и Н.Ф.Калининым была раскопана Казанская стоянка (Калинин Н.Ф. – 1948), А.В.Збруевой – Луговские I и II стоянки и курганы, затем Гулькинская и другие стоянки в Нижнем Прикамье и прилегающих к устью Камы районах Поволжья. Обобщая все известные материалы, А.В.Збруева сделала вывод о принадлежности их к одной культуре с некоторыми локальными отличиями.

Анализируя немногочисленный материал поселения на месте Ананьинского могильника, А.В.Збруева выделяет два типа посуды: срубный и раннеананьинский. Отождествляя Ананьинское поселение со срубной культурой, она считала, что «поселения срубно-хвалынского типа заходили далеко за границы современной степи, проникая в лесную область и соприкасаясь с типичными поселениями лесного края» (1937. – С.108). Важен вывод А.В.Збруевой о пастушеском хозяйстве обитателей Ананьинского поселения. По определению В.И.Громовой, костные остатки с поселения принадлежали домашним животным. К тому же типу поселений, что и Ананьинское, Збруева относит поселение Отарка близ Ананьинского могильника. Она их считает синхронными.

В 1934 г. на трассе железной дороги Уфа – Ишимбаево П.А.Дмитриев исследовал полуразрушенную стоянку на реке Деме вблизи железнодорожного моста. В коротком сообщении об этих исследованиях авторы отметили лишь сходство данной плоскодонной керамики с примесью толченых раковин с сосудами типа городища Кара-Абыз (Сальников К.В., Дмитриев П.А. – 1941. – С.136).

В 1940 г. у поселка Лугового в Елабужском районе Татарии А.В.Збруева начала раскопки, продолженные после Великой Отечественной войны. В раскопе 1940 г. были раскрыты остатки трех жилых землянок и в очаге

были найдены кости 13 человек разного возраста, принадлежавших, по определению Т.А.Трофимовой, к двум антропологическим типам – европеоидам и монголоидам. Уже тогда был поставлен важный вопрос о наличии в Нижнем Прикамье в эпоху поздней бронзы двух различных антропологических типов – местного европеоидного и монголоидного, происходящего, по общему в то время мнению, из-за Урала (Збруева А.В. – 1941. – С.110–111). А.В.Збруева устанавливает сильное влияние срубной и андроновской культур на культуру древнего населения Нижней Камы. Дата Луговского поселения – конец эпохи бронзы, точнее конец II – начало I тыс. до н.э. (1948. – С.57). Важен вывод о наличии домашних животных (определение В.И.Трофимовой). А.В.Збруева предполагает, что жители Луговского поселения занимались рыболовством, но о земледелии у нее не было сведений.

В 1948 г. П.П.Ефрименко опубликовал работу, посвященную эпохе бронзы Волго-Камья. В поисках истоков ананьинской керамики в неолите севера европейской части СССР П.П.Ефрименко делает целый ряд замечаний по культуре поздней бронзы Прикамья. В частности, он считает, что в сложении ананьинской культуры приняли участие «занесенные» в Прикамье с востока лесные племена. Первые появления этого населения в Прикамье П.П.Ефрименко относит к периоду до VIII века до н.э., к периоду ананьинской «предстадии» (1948. – С.6). В целом же П.П.Ефрименко в этой работе выступает сторонником «тесных исторических связей, которые объединяли широкую территорию лесной полосы Восточной Европы и Сибири» (1948. – С.18).

В 1952 г. вышел в свет обобщающий труд А.В.Збруевой по ананьинской культуре. Специальная глава этой работы посвящена анализу памятников эпохи поздней бронзы в связи с вопросом о происхождении ананьинской культуры. Она развивает высказывавшееся в прежних работах мнение, что Южное Прикамье в эпоху поздней бронзы было местом обитания нескольких групп племен с различной культурой (1952. – С.190). Это памятники луговского типа, позднеандроновские, позднесрубные (1952а. – С.193) и поселения с «сетчатой» керамикой, типичной для дьяковской культуры (1952а. – С.204; 1952б. – С.31).

Однако основную группу племен составляли, по мнению А.В.Збруевой, местные племена, оставившие памятники типа Луговского поселения. «Эта культура, имевшая целый ряд характерных черт, наблюдаемых на обширной территории – примерно от устья р. Свияга в ТАССР до устья р. Уфимки в БАССР», – была названа А.В.Збруевой луговской культурой. К луговской культуре А.В.Збруева относит более 25 памятников, в том числе стоянку Курман-тау в Башкирии. Датирует А.В.Збруева луговскую культуру концом II – началом I тыс. до н.э. (1952а. – С.190). Примечательно, что нижекамские памятники она считает лишь одним из локальных вариантов широко распространенной в Прикамье культуры эпохи поздней бронзы, которая «в общих чертах довольно однообразная» (1952б. – С.30).

Луговскую культуру А.В.Збруева членит на 4 группы: западную – стоянка в окрестностях Казани и прилегающие к ней в районе устья Камы, южную – стоянка на р. Утке; центральную – стоянки I и II Луговская, Ананьинская; и восточную – стоянка Курман-тау в БАССР (1952а. – С.191).

А.В.Збруева отмечает большое влияние на западную группу луговской культуры племен с «сетчатой керамикой» (1952а. – С.204).

Важно отметить вывод А.В.Збруевой о том, что внешние, инокультурные «влияния не нарушают местного характера этой культуры с ее богатством и своеобразием орнаментальных мотивов». Несмотря на то, что А.В.Збруева оперирует материалом Луговской культуры с вполне определенной территории, ведущий вывод о сложении ананьинской культуры несколько удивительный. Она пишет: «Ананьинская культура складывалась на значительно более широкой территории, чем бассейн Нижней Камы. Местом ее формирования и сложения ананьинских племен было Прикамье в целом и даже еще более обширная область. Значительное сходство в материальной культуре между ананьинскими племенами Западной Сибири наблюдается и в более раннее время. Это позволяет говорить о формировании ананьинской культуры на еще более широкой территории не только Прикамья, но и лесостепной части Западной Сибири. Об этом же свидетельствует и происходящая в Прикамье метисация европеоидных и монголоидных типов., причем последние элементы, по-видимому, проникли с востока, из Сибири» (там же).

Анализируя погребальный обряд луговской культуры, А.В.Збруева ранними считает скорченные погребения, отличающиеся от срубных лишь ориентировкой и положением на левом боку, поздними – вытянутые.

От южных соседей – земледельцев и скотоводов (срубных и андроновских), – влияние которых было особенно сильно, луговские племена, по мнению А.В.Збруевой, получили культурные растения и домашних животных (1952б. – С.31).

В 1953 г. О.Н.Бадер выступил в нескольких статьях с новой гипотезой происхождения ананьинской культуры (1953; Бадер О.Н., Соколова З.П. – 1953, 1954), в которой значительное место отводилось турбинским-борским племенам. Но эта гипотеза не нашла подкрепления в археологических материалах.

Значительное место в этих работах принадлежит характеристике культур эпохи бронзы в Прикамье и Среднем Поволжье.

Касаясь племен поздней бронзы Нижнего Прикамья, О.Н.Бадер вслед за А.П.Смирновым выделяет приволжскую (западную) культуру, а восточную предлагает назвать нижекамской. Здесь же О.Н.Бадер высказывает сомнения в правомочности предложенного А.В.Збруевой термина «луговская культура», так как ему неясно, насколько Луговская стоянка типична для памятников этой культуры (1953. – С.60).

Для приволжской культуры О.Н.Бадер считает характерным наличие плоскодонной сетчатой керамики и керамики «близкой к срубной», кото-

ые близки больше западным районам, вплоть до поздняяковской культуры на Средней Оке. Антропологический тип приволжской культуры О.Н.Бадер реконструирует как европеоидный. Сложение приволжской культуры было обусловлено около середины II тыс. до н.э. продвижением степных срубных племен вдоль волжского левобережья и Камы. Это продвижение было облегчено, по мнению О.Н.Бадера, сдвигом ландшафтных зон к северу (Бадер О.Н., Кадиков Б.Х. – 1957. – С.155).

Срубные племена «принесли с собой резко выраженный европеоидный тип и в сочетании с местным населением обусловили сложение приволжской культуры конца II тыс. до н.э. Приволжскую культуру О.Н.Бадер считал одной из небольших культур, сложившихся на северной границе срубной общности. Ее восточной границей была Вятка (1953. – С.61).

С начала 50-х гг. А.Х.Халиковым было предложено культуру стоянок в Приволжье близ Казани именовать приказанской (1953, 1960). С выявлением общих черт в керамике памятников Среднего Прикамья, Белой, Вятки, Марийского Поволжья с приказанскими А.Х.Халиков расширяет территорию этой культуры. Трехчленная периодизация приказанской культуры заполняет всю эпоху бронзы от неолита до ананьинской культуры раннего железного века (1980. – С.6–8).

В это же время К.В.Сальников опубликовал статью «К вопросу о происхождении ананьинской культуры» (1954). Разобрав точки зрения А.В.Збруевой, П.П.Ефрименко, А.П.Смирнова и О.П.Бадера, он переходит к изложению своей рабочей гипотезы происхождения Ананьина, полностью соглашаясь с мнением П.П.Ефрименко, А.П.Смирнова, А.В.Збруевой о разнородности предшественников ананьинских племен». К.В.Сальников предлагает все предананьинские памятники Нижнего Прикамья разделить на две территориальные группы: западную, включив в нее западную и южную группы по Збруевой, и восточную, состоящую из центральной и восточной по Збруевой. Границей между ними служит устье реки Вятки.» (1954. – С.19). Западную группу Сальников, вслед за Смирновым, предлагает назвать «приволжской культурой», характерной чертой которой является наличие на поселениях текстильной керамики и примеси песка в ней помимо толченых раковин. Восточную группу автор предлагает объединить понятием «культура курман-тау».

К.В.Сальников, как и А.В.Збруева, не соглашается с О.Н.Бадером о генезисе Ананьино из борских памятников Северного Прикамья. Он вслед за А.В.Збруевой нисколько не сомневался, что памятники приволжской и Курмантауской культур непосредственно предшествовали ананьинской похе и считает, что «обе они легли в основу культуры ананьинской». Время бытования обеих культур К.В.Сальников относит к X–VIII вв. до н.э. Основной территорией сложения ананьинских племен К.В.Сальников считает берега Среднего и Нижнего течения р. Белой с прилегающим отрезком реки Камы (между устьем р. Вятки и Белой) (1954. – С.24).

К.В.Сальников поддерживает высказывание В.Н.Чернецова о «вероятности этнических связей нижекамских племен предананьинского времени с племенами Нижнего Приобья, оставившими памятники типа Сузгуна II». В пользу этого К.В.Сальников приводит «тождество некоторых типов керамики Луговской стоянки с керамикой Сузгуна II, в частности появление пояса из ямок» (там же. – С.22–23).

К.В.Сальников считает, что пришлые в Прикамье монголоиды «могли проникнуть... только из более северных районов Прикамья или из Зауралья».

Нужно отметить, что в культуру Курман-тау К.В.Сальников включил следующие памятники: стоянки на Ананьинской дне, Луговскую II, Нижнее Курман-тау (им. М.И.Касьянова), Демскую, Зап. Куштау и могильники: Урнякский, Луговские курганы и Маклашеевка II. Также отметим, что К.В.Сальников не считал возможным стоянку Луговская I относить к культуре Курман-тау. Он писал, что она датируется более ранним временем, чем памятники культуры Курман-тау, и, ввиду сложного состава керамических находок, затрудняется в определении ее культурной принадлежности (там же. – С.19). Культуру курмантау К.В.Сальников в то же время выводил из абашевской, а происхождение приволжской ему представлялось более сложным. Начало приволжской культуры К.В.Сальников видит в смешении абашевской и срубно-хвалынской культур при генетической связи с сейминской, балахнинской и культурой с сетчатой керамикой (там же. – С.20). Однако, не располагая убедительными материалами в пользу генетического родства Абашево – Курман-тау – Ананьино, К.В.Сальников не смог доказать это родство. Вскоре после открытия двухслойного Береговского I поселения, где абашевская керамика залегала ниже срубной. К.В.Сальникову стало ясно, что абашевская культура относится к более раннему времени, чем срубная, и что между Абашево и Курман-тау существует большой хронологический разрыв (1959).

Однако и в следующих работах К.В.Сальникова появляется гипотеза о генетической связи культур Курман-тау и ананьинско-бельской с абашевской культурой (1960. – С.11). Окончательно от прямой преемственности Абашево – Курман-тау он отказался лишь позднее (Сальников К.В. – 1964б. – С.81–83). О.Н.Бадер сразу же отрицал предложенную К.В.Сальниковым цепочку Абашево – Курман-тау – Ананьино (1956. – С.39).

Возникшие в археологии Волго-Камья различные мнения О.Н.Бадера, К.В.Сальникова, А.Х.Халикова по вопросу о формировании ананьинской культуры побудили А.В.Збруеву вновь обратиться к этой теме (1957). Не соглашаясь с предположением О.Н.Бадера о борском генезисе Ананьино и К.В.Сальникова о генетической связи Курман-тау с абашевской культурой, А.В.Збруева излагает свое понимание проблемы. Она, как и прежде, считает, что в эпоху поздней бронзы в Прикамье не могли придти новые племена, которые создали бы ананьинскую культуру (1957. – С.28). Фактически

то означает отрицание роли каких-либо инокультурных пришельцев в Прикамье в эпоху поздней бронзы и их влияния на генезис Ананьина.

А.В.Збруева подтверждает свою прежнюю гипотезу о наличии в Прикамье выделенной ею луговской культуры, которую Н.К.Калинин и А.Х.Халиков назвали приказанской. Она считает неправомерным включение К.В.Сальниковым в круг памятников культуры Курман-тау Луговской I стоянки и Луговского могильника. «Форма и орнамент луговской посуды в целом отличны от башкирских» – считает А.В.Збруева (1957. – С.32), хорошо знавшая как луговские материалы, так и керамику стоянки Курман-тау Нижнее, которую она раскапывала в 1953–1954 гг. Одним из главных аргументов в пользу этого А.В.Збруева считает плоскостность керамики Луговской II стоянки, наличие баночных форм, сосудов на поддоне. Попада же стоянки Курман-тау Нижнее (им. М.Касьянова) вся круглодонная.

Как один из аргументов против включения нижекамских памятников в культуру Курман-тау Збруева приводила то, что в нижнем течении р. Белой курмантауские памятники не были известны. Поэтому среднебельские памятники, расположенные группой около стоянки Курман-тау Нижнее (им. М.Касьянова), представлялись оставленными отдельной изолированной группой населения поздней бронзы, которая сыграла определенную роль в формировании культуры городищ раннего железного века карыбызской культуры (1957. – С.21).

Совершенно неожиданно А.В.Збруева делает еще один вывод: «...племена эпохи поздней бронзы на территории Башкирии не были настолько многочисленными и передовыми, чтобы объединить вокруг себя все остальные родственные племена эпохи поздней бронзы Прикамья» (там же. С.32).

А.В.Збруева в следующих словах очерчивает культуры, располагавшиеся в Нижнем Прикамье и прилегающих районах Среднего Поволжья. С севера его (район) населяли местные «луговские» племена, соседями с востока, правда отдаленными, были «андроновские» племена, создавшие так называемую дьяковскую культуру. Области расселения этих племен не имели постоянных границ и в различные отрезки времени они или отодвигались вглубь своей территории или выдвигались в район расселения соседних племен» (там же. – С.33).

Ниже А.В.Збруева, разбирая выделенные Н.Ф.Калининым и А.Х.Халиковым в приказанскую культуру памятники, относит Балымскую стоянку к позднесрубным памятникам, отрицая ее чисто местный, «приказанский» характер. Она аргументирует это наличием на стоянке скорченных огребений с сосудами срубного типа. А.В.Збруева также не согласна с высказыванием Н.Ф.Калинина и А.Х.Халикова о преобладании скотоводства слабой роли земледелия. В то же время она вслед за Н.Ф.Калининым, А.Х.Халиковым и др. считает, что луговские (приказанские) племена генетически связаны с местным неолитом. В предананьинское время местные луговские племена (потомки неолитических) ассимилировали незадолго до

того продвинувшиеся сюда срубные племена. В пользу этого А.В.Збруева приводит срубный могильник Маклашеевка III, а также позднебронзовый и раннеананьинский могильники – Маклашеевка I и II. (1957. – С.34–37). Таким образом, А.В.Збруева полагает, что в предананьинскую эпоху на юге территории расселения ананьинских племен существовали племена, испытывавшие на себе сильное влияние срубной культуры. На основе этих племен и происходит формирование южной части ананьинских племен (там же. – С.35).

Касаясь термина «приказанская культура», Збруева далее пишет, что всю культуру, памятники которой выходят далеко за пределы прилегающих к Казани районов Волги и устья Камы, называть «приказанской» не оснований и ссылается на то, что памятники поздней бронзы Нижнего Прикамья были ею объединены в луговскую культуру (1957. – С.36; 1952. – С.30).

А.П.Смирнов в своей обобщающей работе по железному веку Башкирии в эпоху поздней бронзы на рубеже II–I тыс. до н.э. выделил на Южном Урале и Приуралье три группы населения: срубное, андроновское и абашевское (1957). Стоянки Курман-тау он относил к андроновской культуре с элементами срубной, а к северу от территории распространения андроновской и срубной культур предполагал существование какой-то особой культуры типа Луговской стоянки (там же. – С.9–10). Очевидно, памятники этого типа ему не были известны.

1.3. Третий этап (конец 50-х – 60 гг.)

Третий этап характеризовался выделением из рамок андроновских древностей самостоятельных андроновских культур лесной полосы Зауралья и Западной Сибири – черкаскульской, сузгунской, еловской. Определены были на основе имевшихся к тому времени материалов основные признаки этих культур, территории их распространения, созданы основы внутренней периодизации и хронологии, поставлены вопросы происхождения, исторических судеб носителей этих культур и др.

Принципиально важной в этом отношении явилась статья В.И.Мошинской, посвященная анализу керамических комплексов поселения Сузгун II, расположенного в районе г. Тобольска (1957). Отмечая своеобразие керамики этого комплекса, а также отличие ее от андроновской посуды и керамики ряда лесных памятников Зауралья (Коптяки IV, V, стоянки Горбуновского торфяника), она приходит к выводу, «что близость сузгунской и уральской керамики с андроновской не является результатом влияния андроновской культуры, эта близость едва ли может быть понята, пока остается неясным вопрос о генезисе андроновской культуры и родственных ей лесных культур эпохи бронзы» (1956. – С.134).

Более активно, чем в Зауралье, ведутся археологические исследования в Прикамье и прилегающих районах Поволжья. В.Ф.Генинг, касаясь памятников поздней бронзы на Правобережье Камы против устья Белой -

Нырғындинской и Зуевской стоянок – отметил, что они относятся к культуре, близкой к позднеприказанской и Луговской II стоянки (1959. – С.93). Можно заключить, что в конце 50-х гг. В.Ф.Генинг различал культуры позднеприказанскую и типа Луговской II стоянки.

Более определенно В.Ф.Генинг высказывался в статье, написанной им совместно с В.Е.Стояновым. В ней они к эпохе поздней бронзы в южных районах Удмуртии отнесли Зуевскую, Нырғындинскую и Быргындинскую стоянки. Авторы выделили три группы посуды на этих стоянках. В первую группу они отнесли сосуды Нырғындинской стоянки, во вторую – сосуды, близкие посуде Луговской II и стоянке на Ананьинской дюне. В третью группу выделены шаровидные сосуды Быргындинской стоянки, близкие сосудам Маклашеевского II могильника, селища Отарка и отчасти, как отмечают авторы, посуде Касьяновской стоянки (1959. – С.79).

Ниже авторы отмечают, что культурный слой Кумысского поселения с керамикой первых двух типов прорезан погребениями с сосудами третьей группы маклашеевского типа. Здесь ими приводятся даты: керамика первой группы ограничивается концом II тыс. до н.э.; вторая группа датируется XI–IX вв. до н.э.; а третья – VIII–VII вв. до н.э., что соответствует ранним ананьинским поселениям (там же. – С.79).

Во втором томе трудов Куйбышевской археологической экспедиции публикует большую работу Н.Я.Мерперт (1958). Хотя эта работа посвящена племенам срубной культурной общности Среднего Поволжья, автор обращается к северным ее соседям – к племенам приказанской культуры, известным автору преимущественно по работам Н.Ф.Калинина и А.Х.Халиова. Главную задачу при этом Н.Я.Мерперт видит в изучении взаимодействий и синхронизации двух культурных областей – срубной и приказанской. Задача Н.Я.Мерперта свелась к разбору и уточнению датировок приказанской культуры, предложенных А.Х.Халиковым в работах 1954 и 1955 гг. Мерперт поддерживает выделение на материалах II и III стоянок Займище раннего этапа, характеризуемого займищенскими жилищами, которые при своем формировании на раннем этапе не испытали заметных влияний со стороны южных соседей; наличием металлообработки и медных орудий, земледелия и животноводства. Отмечает он и большое значение охоты. Однако уже на этом этапе, пишет Н.Я.Мерперт, «в общем процессе приказанского населения... продвижение срубных племен на север сыграло, несомненно, решающую роль» (1958. – С.74–75).

Н.Я.Мерперт высказывается по вопросу о культурной принадлежности Зеленовского и Гулькинского поселений, исследованных А.В.Збруевой и р. Утке. Он считает их памятниками смешанного характера, где типичная керамика срубной культуры сосуществует с не менее типичной приказанской керамикой (в том числе с круглодонными сосудами). По мнению Н.Я.Мерперта, хронологического различия между этими группами керамики нет (там же. – С.141).

Севернее р. Утки, по мнению Н.Я.Мерперта, начинается приказанская культурная область, в которой основными памятниками являются поселения в районе Карташихи и Займища, Отар и Атабаево. Главным содержанием этого этапа племен приказанской культуры является «значительная интенсификация их связей с племенным массивом срубной культурной области и постепенное проникновение отдельных его племен на территорию племен – носителей приказанской культуры» (там же. – С.142).

На основании находок на приказанских памятниках керамики типа основной группы I Сусканского поселения и в курганах №/№ 4 и 6 у с. Хрящевки Н.Я.Мерперт расширяет датировку А.Х.Халикова и относит второй этап к периоду с XII до начала VIII в. до н.э. В частности, Н.Я.Мерперт считает Балымское поселение одним из самых поздних приказанских памятников (в том числе ритуальный комплекс, близкий по конструкции жертвенникам, открытым в центре больших курганов срубной культуры). Абсолютная дата Балымского поселения, по мнению Мерперта, – VIII в. до н.э. Срубное влияние на балымское население Мерперт усматривает не только в составе находок, но и в погребальном обряде. Если скорченность костяков автор считает срубным признаком, то отсутствие насыпей, вытянутые погребения, а для скорченников – положение на правом боку с восточной ориентировкой, видимо, приказанским (1958. – С.145).

Публикуя материалы стоянки им. М.И.Касьянова, А.В.Збруева (1959) относит этот памятник к началу I тыс. до н.э., к наиболее поздним памятникам эпохи бронзы, предшествующим ананьинской культуре. Однако в работе, опубликованной годом раньше (1958), она пишет более определенно о населении типа жившего на стоянке им М.И.Касьянова.

После культур андроновской, срубной и абашевской А.В.Збруева называет культуру Курман-тау. Ниже автор пишет, что она «не знает, какое население было на стоянках типа Курман-тау». К этой культуре она относит два памятника в Гафурийском районе – Курман-тау Нижнее (им. М.И.Касьянова) и Михайловскую стоянку – и предполагает наличие одной-двух стоянок в Кушнаренковском районе Башкирии.

А.В.Збруева предполагает, что ананьинскую культуру, т.е. поселения Гафурийского района каразбызской культуры, можно связать генетически с культурой Курман-тау (1958. – С.238). Но так как ананьинцы были финно-уграми, то и принадлежность курмантаусцев у А.В.Збруевой подразумевается европеоидная, финно-угорская. Здесь же А.В.Збруева высказывается по вопросу о сложении ананьинской культуры. Она пишет, что ананьинцы сложились на основе родственных племен, живших на Верхней и Средней Каме (турбинские племена), на нижней Каме и отчасти на Средней Волге (приказанские племена), на Белой (вероятно, племена культуры Курман-тау), Вятке и Ветлуге. При этом ведущая роль принадлежала так называемым приказанским племенам, у которых во второй половине II тыс. до н.э. существовал очаг металлургии с особыми формами бронзовых орудий.

В 1960 г. В.П.Денисов публикует материалы с ряда памятников, в частности стоянок Ерзовка, Заюрчим, Старушка, Камский бор II (1960). В следующей работе он выделяет ерзовскую культуру, к которой относит 11 памятников, расположенных на р. Каме между устьем Чусовой и г. Сарапулом, и этапы этой культуры. Первый этап он датирует XI–X вв. до н.э., «хронология второго этапа – по аналогии с материалами культуры Курман-тау», а заканчивается примерно в VIII в. до н.э., когда в Прикамье проникают гамаюнские племена. Касаясь хозяйства, Денисов говорит, что, «кроме скотоводства, значительную роль в хозяйстве играло примитивное пойменное земледелие» (1961. – С.69–73).

О.Н.Бадер, завершая в начале 60-х гг. исследование по древнейшей истории Прикамья, касается проблем поздней бронзы. По его мнению, в XI в. до н.э. в Прикамье происходит смена турбинской культуры поселениями ерзовского типа, которые близки Луговским, Курмантауским, Гулькинскому. Ерзовская культура сочетает «следы более древней культуры» (т.е. турбинской), а также пришлые балановские, абашевские и срубные (1961. – С.271; 1963. – С.41). Однако детального анализа культуры поздней бронзы в работах О.Н.Бадера нет.

Значительные работы по изучению нижекамских стоянок были проведены Куйбышевской экспедицией, в каждом томе отчетов которой авторы касаются проблем приказанской культуры. В III томе А.П.Смирнов отметил, что пока «еще не определены характерные черты данной культуры... В ней очень четко выступают элементы срубной культуры и ...абашевской. На ее поздней стадии появляются черты, типичные для последующей культуры, однако продолжают оставаться неясными черты, характерные для самой приказанской культуры (1960. – С.5). Как явствует из текста, А.П.Смирнов понимает под территорией приказанской культуры район, доходящий на востоке до Вятки, а на западе проходящий по правому берегу Волги. Территорию Чувашии он не включает в район распространения приказанской культуры. А.П.Смирнов считает, что к востоку от Вятки существовала «другая культура с иными специфическими чертами, с наличием материала, подчеркивающего влияние андроновской культуры с присутствием некоторых черт, свойственных стоянкам этого времени в Западной Сибири» (1960. – С.6). Приказанскую культуру сближают с Луговской стоянкой только жилища многокомнатного типа; весь же остальной материал настолько своеобразен, что нет никаких причин всю эту большую территорию отводить одним и тем же племенам. Носителей этих двух культур (приказанской и луговской) А.П.Смирнов считает предками финно-угорских народов.

Большая статья А.В.Збруевой (1960) посвящена описанию ряда памятников эпохи поздней бронзы. Она публикует материалы стоянок Луговой I, II, Степное Озеро, Гулькинской, Луговских курганов. Эти памятники А.В.Збруева относит к одной культуре – луговской. Она считает назва-

ние «приказанская культура» незакономерным (1960. – С.11, 33). К наиболее типичным относит памятники у п. Лугового, полагая их неодновременными, но принадлежащими одной культуре.

Б.Г.Тихонов в работе, посвященной металлическим изделиям, оперирует выделенной Н.Ф.Калининым и А.Х.Халиковым приказанской культурой, считая, что ведущая роль в ее экономике принадлежала земледелию, а не скотоводству, как предполагали Н.Ф.Калинин и А.Х.Халиков (1960. – С.90). Некоторые типы бронзовых орудий Б.Г.Тихонов считает характерными для приказанских племен. Это прорезные наконечники копий, ножи и др.; выделяет нижекамский металлургический очаг, который локализует в Приказанском Поволжье, Нижней Каме и частично в бассейне Белой (там же. – С.91, 93), т.е. на территории, почти совпадающей с выделенной А.Х.Халиковым территорией приказанской культуры.

В 1960 г. выходит в свет большая работа А.Х.Халикова (1960). Он считает, что приказанское население проникло в район правобережья Камы от устья Шешмы до устья Белой в первой четверти I тыс. до н.э. До этого времени здесь обитали срубные племена. Южная граница приказанской и северная срубной культуры проходила по бассейну Свияги. Максимальное расширение площади культуры приказанцев падает на рубеж II–I тыс. до н.э. Решающую роль в оформлении приказанской культуры А.Х.Халиков отводит местным турбинско-волосовским элементам. Формирование собственно приказанской культуры он относит к 3 четверти II тыс. до н.э. По его мнению, в левобережье Камы и ниже по Волге происходило смешение приказанских и пришлых срубных племен.

В начале I тыс. до н.э. в бассейне р. Белой распространяются курмантауские племена, обнаруживающие ряд сходных черт с культурой приказанских племен, в основе которых лежат местные элементы (там же. – С.154–156).

А.Х.Халиков аргументирует выделение трех этапов в развитии приказанской культуры (там же. – С.157–167). Первый, ранний – 3 четверть II тысячелетия до н.э., – этап формирования приказанской культуры; второй, основной, – XII–X вв. до н.э.; третий, этап перехода от эпохи бронзы к эпохе железа, – X–VIII вв. до н.э.

Поскольку в адрес А.Х.Халикова высказывались упреки за то, что он «не определил специфику приказанской культуры, не выделил ее характерные черты» (Смирнов А.П. – 1960. – С.9), в работе 1960 г. он подробно пытается обосновать правомерность выделения приказанской культуры, используя определение А.Брюсовым археологической культуры (1960. – С.162). Территорией приказанской культуры, по А.Х.Халикову, являлись Казанское Поволжье в широком смысле и Нижнее Прикамье. Отмечая влияние срубной культуры на приказанское население, А.Х.Халиков пишет, что это влияние «ни в коей мере не означало ассимиляцию местного населения, а наоборот, в начале I тыс. до н.э. приказанское население, стойко сохранив

свои культурные традиции, в конечном итоге ассимилировало наиболее северную группу племен срубной культурной области, оторвавшуюся от своего центра». Контакт между срубными и приказанскими племенами, «вероятно, проходил в южных районах по Волге, между Самарской Лукой и устьем р. Камы, не затрагивая основную территорию населения приказанских племен.» (там же. – С.183).

Полемизируя с высказываниями О.Н.Бадера (1951), А.Х.Халиков доказывает, что поздняяковская и приказанская культуры не составляют одной общности, так как у них различные основы сложения: у приказанских – местная неолитическая, у поздняяковских – полностью ассимилированные срубными племенами поздненеолитические племена. Различны они и по материальной культуре. А.Х.Халиков отмечает, что приказанские племена «гораздо ближе стоят к племенам верхнекамским и бельским курмантау, нежели к поздняяковским». А.Х.Халиков считает, что текстильная керамика западных районов распространения приказанской культуры является не местной, а появляется «и распространяется в казанских районах Среднего Поволжья лишь в конце II и в начале I тыс. до н.э.». Происхождение текстильной керамики А.Х.Халикову не ясно и, очевидно, связано с влиянием западных, волго-окских племен (там же. – С.184). А.Х.Халиков выделяет пять групп концентрации позднеприказанских памятников (I четв. I тыс. до н.э.). В западной группе памятников берега от устья р. Казани до р. Какшаги чувствуется значительное западное влияние. А.Х.Халиков предполагает, что неукрепленные ананьинские поселения оставлены позднеприказанскими племенами, так как они непосредственно приурочены к их поселкам.

Вторая группа памятников располагалась по левому берегу Волги ниже устья Камы. Здесь также меньше чувствуется влияние текстильной керамики. Третья группа выделяется по левому берегу Камы, от ее устья до р. Вятки, где приказанские памятники составляют нижние слои городищ ананьинского времени. Четвертая расположена по Вятке. Пятая группа максимальной концентрации позднеприказанского поселения определяется А.Х.Халиковым для центрального района ананьинской культуры по берегам Камы от устья Белой.

А.Х.Халиков утверждает в этой работе, что позднеприказанское население явилось той непосредственной основой, на базе которой сформировалось ананьинское население Нижнего Прикамья и центральных районов Среднего Поволжья. «Приказанское население оказалось той ведущей группой, вокруг которой сконцентрировались все предананьинские племена» (1960. – С.166-167).

По другому представляются исторические процессы В.П.Шилову, который смещение пришлых монголоидов и местных племен усматривает в поселениях Луговском, Ананьинской дюне и Курман-тау, а появление монголоидов связывает с миграцией с востока в конце II тыс. до н.э. В.П.Шилов поддерживает А.В.Збруеву в выделении луговской культуры, считая, что ананьинские котлообразные сосуды с воротничком, украшенные вер-

вочным орнаментом, возникают в луговской культуре. В целом же В.П.Шилов склоняется к мысли, что в Прикамье проникли «какие-то этнические группы» из Западной Сибири. Время этого проникновения, по В.П.Шилову, конец II тыс. до н.э. (1961. – С.121).

Несколько по-иному, в соответствии со своими старыми взглядами, подходит к проблеме А.А.Халиков. Он считает, что в конце II тыс. до н.э. приказанские племена, сформировавшиеся на базе волосовских на правом берегу Камы, переходят Каму и ассимилируют на ее левом берегу срубное население. В качестве свидетельства такой ассимиляции А.Х.Халиков приводит материалы Деуковского могильника и Подгорно-Байларского поселения на р. Ик (1964. – С.51).

Ерзовские памятники А.Х.Халиков считает позднеприказанскими. Проникновение приказанских племен в Среднее Прикамье началось в XII–XI вв., когда здесь повсеместно прекращают существование поселения турбинского (гаринского) типа (там же. – С.53). Приказанские племена, по мнению А.Х.Халикова, настолько активны, что воздействуют на население Северного Казахстана (Алексеевское поселение) и имеют связи с племенами лесостепного Зауралья (Сузгун II).

Большую роль в изучении культур эпохи поздней бронзы Приуралья сыграло IV Уральское археологическое совещание, проходившее в Перми в 1964 г., посвященное происхождению и локальным вариантам ананьинской культурной области. По проблеме происхождения ананьинской культуры и анализа культур поздней бронзы основные доклады сделали В.Ф.Генинг и Н.И.Совцова, А.Х.Халиков, В.П.Денисов.

А.Х.Халиков построил свой доклад на основании уже высказанных положений о реконструированной им приказанской культуре, которая, по его мнению, занимала всю территорию будущей ананьинской общности еще в конце II тыс. до н.э. Основываясь на этой автохтонной гипотезе генезиса ананьино, А.Х.Халиков пишет, что в эпоху бронзы и в начале эпохи раннего железа «в Волго-Камье не наблюдается проникновения каких-либо этнических образований со стороны и не прослеживается резкого изменения культуры местного населения в результате внешнего воздействия» (1967. – С.9). Формирование приказанской культуры на основе Волосово А.Х.Халиков относит к середине II тыс. до н.э. Центральным районом приказанской культуры считает область слияния Камы с Волгой.

В отличие от работы 1960 г. А.Х.Халиков ранний период приказанской культуры разделил на два этапа – займишенский и балымско-карташинский, усилив этим аргументацию местного происхождения приказанцев. Периодизация основных этапов приказанской культуры уже выглядит следующим образом: займишенский (XVI–XV вв. до н.э.), балымско-карташинский (XIV–XIII вв. до н.э.), атабаевский (XII–XI вв. до н.э.), маклашеевский (X–IX вв. до н.э.).

На двух ранних этапах приказанское население испытывает сильное влияние, но, по мнению А.Х.Халикова, это воздействие не смогло изменить ни особенностей культуры, ни этноса, и приказанское население продолжало развивать свою самобытную культуру (1967. – С.12). Отдельные памятники в Среднем Прикамье А.Х.Халиков относит к займишенскому этапу, указывая на наличие скошенных бортиков по краю горла.

Для 3 четверти II тысячелетия до н.э. А.Х.Халиков все же отмечает воздействие андроновских (федоровских) племен на Нижнее Прикамье (Луговское, Балымское поселения). Металлургия второго этапа приказанской культуры находилась еще под воздействием андроновско-срубного мира (там же. – С.13).

Развитие третьего этапа, атабаевского, автор связывает с ослаблением срубного мира и оставлением этими племенами значительных областей Среднего Поволжья. В то время только на атабаевском этапе проявляются черты, специфические впоследствии для ананьинской культуры. Это погребальный обряд, глиняная посуда, металлургия, украшения и формы хозяйствования. Наконец, целые группы памятников, родственных по культуре памятникам на Нижней и Средней Каме, Белой, объединяются в одну культуру. Находки за Уралом керамики, близкой атабаевской (Алексеевское поселение), А.Х.Халиков вновь объясняет проникновением туда приказанского населения (1967. – С.18).

В маклашеевский период развития приказанской культуры активизируются связи с южными районами Восточной Европы, а для чувовского Прикамья – с Зауральем. Однако какие-либо этнические включения в позднеприказанскую среду автор полностью отрицает.

В докладе на IV Уральском археологическом совещании В.П.Денисов предложил новую периодизацию ерзовской культуры, выделив в ней три периода: XII–X вв., X–IX вв., IX–VIII вв. до н.э. Он предлагает не распространять термин «приказанская культура» на все Прикамье, как это делает А.Х.Халиков, а принять точку зрения О.Н.Бадера, который считает территорией «приказанской культуры Приказанское Поволжье и прилегающую к нему часть района Нижней Камы» (1967. – С.29–51).

Далее В.П.Денисов отмечает, что в бассейне Вятки и в низовьях Камы следует выделять в качестве самостоятельной культуры луговскую и, может быть, мелекесскую, в Среднем Прикамье – ерзовскую, в бассейне р. Белой – культуру Курмантау. В.П.Денисов предполагает, что формирование ерзовской культуры на раннем этапе шло под влиянием черкаскульской культуры, а на позднем – гамаюнских племен; турбинские племена приняли участие в сложении ерзовской культуры, и это прослеживается в сохранении древних форм жилищ, орнаментальных узорах, примесях в керамике.

В.Ф.Генинг и Н.И.Совцова подчеркнули, что культуры приказанская, луговская, ерзовская и курмантау представляют локальные варианты одной общности, а «приказанская культура не могла служить основой формирования всех культур эпохи финальной бронзы» (1967. – С.63).

Далее авторы замечают, что керамика памятников Западной Сибири конца II тыс. до н.э. чрезвычайно близка по форме и орнаментации керамике памятников предананьинского времени северо-восточной Европы, что не могло быть связано только с проникновением в северо-восточную Европу значительных групп западно-сибирского населения (там же. – С.66).

IV археологическое совещание не могло ответить на все вопросы о происхождении ананьинской культуры. Однако для нас важно то, что комплексная постановка вопроса с привлечением широких археологических материалов позволила акцентировать внимание исследователей на памятниках поздней бронзы.

После совещания создалось впечатление, что, несмотря на критику (Оборин В.А. – 1967. – С.218, 219, 221, 223), точка зрения А.Х.Халикова наиболее разработана и аргументирована. Тем более, что А.Х.Халиков свои взгляды широко пропагандировал в печати (1966. – С.26–32; 1968. С.23–38; 1969. – С.240–321; 1980).

Проблемы приказанской культуры А.Х.Халиков касается и на V археологическом совещании в Сыктывкаре в докладе «Волго-Камье в эпоху неолита и бронзы». Он писал, что к середине II тыс. до н.э. в результате дальнейшего развития культуры местного населения в условиях активного воздействия пришлых инкультурных племен балановского, полтавкинско-срубного и раннего андроновского типа на базе волосовско-турбинской общности вырастает ряд культур бронзы. Это поздняя волго-окская в Волго-Окском бассейне, чирковско-сейминская в западном Поволжье, черкаскульская в бассейне р. Белой и на Урале. Однако в последней четверти II тыс. до н.э. и далее, вплоть до эпохи раннего железа, решающей этнокультурной силой в Волго-Камье становятся местные племена носителей волосовско-турбинской культурной общности. Среди них особенно активными оказались приказанские племена, которые к рубежу II–I тыс. до н.э. освоили почти все основные районы Волго-Камья от р. Ветлуги на западе до верховий Камы и Белой на востоке. (1967б. – С.15).

Иного мнения придерживается К.В.Сальников. Его окончательная точка зрения на проблему культур бронзового века Волго-Камья нашла отражение в последних работах (1965, 1967, 1968. – С.39). Суммарно они сводятся к следующему.

В третьей четверти в Волго-Камье господствовали срубные племена, но на хвалынском этапе, в последней четверти II тыс. до н.э., в северной Башкирии появляются черкаскульские племена межовского этапа из Зауралья. Через территорию Башкирии черкаскульцы продвинулись на запад – на Волгу и Каму. В XI–X вв. в бассейне Белой появляются племена культуры Курмантау. В их хозяйстве большую роль еще играет охота. Ко времени проникновения на территорию северной Башкирии племен культуры Курмантау там обитали позднесрубные и черкаскульские группы. На заключительном этапе эпохи бронзы эти разнородные этнические элементы

ассимилировались. К.В.Сальников не соглашается с А.Х.Халиковым в части объединения культур поздней бронзы в одну – приказанскую. Считая, что все они входят в одну культурно-этническую общность, полагает, что внутри нее намечается несколько археологических культур (1967. – С.385). Сультура курмантау имеет свои особенности в керамике, преимущественно то «флажки».

Интересное замечание по рассматриваемой проблематике имеется в краткой информации 1970 г. о конференции по этногенезу башкир, написанной Ю.А.Красновым и А.П.Смирновым. Отмечая доклад А.Х.Халикова «Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья», они пишут: «В эпоху бронзы, как справедливо указал А.Х.Халиков, Башкирия являлась зоной срубно-андроновских контактов. Докладчик отмечает распространение на эту территорию племен приказанской культуры, к которой он относит и памятники типа курмантау в Башкирии. Едва ли можно так расширительно толковать приказанскую культуру, характерный черт которой мы еще, к сожалению, не знаем.» (1970. – С.295).

Изучение поздней бронзы Зауралья было связано с выделением лесных андронидных культур, самой западной из которых была черкаскульская. Еще в начале 60-х гг. Л.П.Хлобыстин в результате анализа материалов поселения Липовая Курья, расположенного в южно-лесном Зауралье, приходит к выводу о существовании особой андронидной культуры. Эта культура сложилась на базе развития потомков местных неолитических племен и оказалась в сфере влияния андроновской культуры, или в результате непосредственного проникновения андроновцев в лес и ассимиляции их лесным населением, или же в результате воздействия более высокой по уровню развития андроновской культуры на местное население (Косин П.М. – 1966. – С.120).

Наконец, в том же 1964 г. вышла работа К.В.Сальникова «Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы», в которой им была выделена в лесном Зауралье новая культура – черкаскульская, отличная от андроновской и генетически связанная с местными культурами предшествующего времени. Эта вновь выделенная культура К.В.Сальниковым была подразделена на три генетически связанных друг с другом этапа – черкаскульский, межовский и березовский, – время существования которых определялось в пределах с середины II тыс. по первые века I тыс. до н.э. (1964а. – С.11–23). Кроме того, К.В.Сальниковым был выделен коптяковский тип керамики, по поводу хронологического соотношения которого с черкаскульской культурой у исследователя не было устоявшегося мнения. С одной стороны, учитывая более яркое, по сравнению с черкаскульской, проявление в коптяковской керамике орнаментальных черт горбуновской посуды, К.В.Сальников предполагал и более ранний, чем черкаскульский, возраст коптяковской керамики. С другой стороны, отмечал, что генетической связи между ними нет, и формировались они на различных территориях: коптяковский – севернее, в районе Екатеринбурга, черкаскульский –

южнее, на территории Челябинской области, но примерно в одно и то же время – около середины II тыс. до н.э., и оба на базе развития горбуновской культуры (1964а. – С.20–22). Позднее, в связи с передатировкой федоровского этапа андроновской культуры XVIII–XVI вв. до н.э., К.В.Сальников передатировал примерно этим же временем и черкаскульский этап, а коптяковский тип керамики вообще не упомянул (1967. – С.341, 334–374). Рамки последующих – межовского и березовского – этапов К.В.Сальниковым в этой работе определены соответственно последней четвертью II тыс. до н.э. и начальными столетиями I тыс. до н.э. (1967. – С.363). Здесь же К.В.Сальников выделил, кроме лесного зауральского, еще один район распространения черкаскульской культуры – Башкирию, куда, по его мнению, зауральские черкаскульцы проникли на межовской стадии развития (1964. – С.364–366). Он поддержал также точку зрения В.И.Мошинской о самостоятельном, независимом от андроновцев генезисе лесных культур эпохи бронзы урало-сибирского региона и считал, что «андроновидная керамика черкаскульского типа возникла на месте в процессе развития горбуновской посуды, и местные элементы в ней объясняются генетической связью последней» (1967. – С.363, 370).

Рассматривая происхождение черкаскульской культуры, К.В.Сальников пытался выяснить соотношение керамики коптяковского и черкаскульского типов, но не смог дать ему убедительного объяснения. Отмечая наличие в черкаскульской и коптяковской керамике ряда черт, характерных для посуды лесного энеолита, К.В.Сальников подчеркнул наличие в орнаментации коптяковской посуды большего количества энеолитических элементов, чем в посуде черкаскульской культуры. Возникновение первой произошло хронологически раньше, чем второй (1964а. – С.20), но в другом месте этой же статьи он утверждает, что генетическая связь между этими типами керамики не улавливается. Возможно, что эта внутренняя противоречивость во взглядах на соотношение черкаскульской посуды и удревнение затем возраста первой до XVIII–XVI вв. до н.э. (1967. – С.363, 325) привели к тому, что К.В.Сальников в итоговой работе вообще не упоминал памятники коптяковского типа (1967).

В общем плане решался вопрос о происхождении черкаскульской культуры В.С.Стоколосом. Он считал ее, наряду с алакульской, местной зауральской культурой (черкаскульская – лесная, алакульская – степная), а федоровскую – культурой, пришедшей в Зауралье (1972. – С.92–96, 132–146).

Более определенно ставится вопрос о происхождении черкаскульской культуры Л.П.Хлобыстиным. Подвергая сомнению точку зрения К.В.Сальникова о несовпадении территорий распространения памятников коптяковского и черкаскульского типов и доказывая, что черкаскульская и коптяковская керамика в лесном Зауралье встречаются на одних и тех же поселениях (например, Липовая Курья, Черкаскуль II, Карасье Озеро) и что черкаскульская керамика найдена даже севернее Екатеринбурга, в районе

Нижнего Тагила (Горбуновский торфяник, Кокшарово I), Л.П.Хлобыстин считает, что коптяковская керамика не только предшествует черкаскульской на лесной территории Зауралья, но и является основным компонентом в сложении последней. Сама же коптяковская керамика сложилась в результате продвижения из Северного Казахстана степных петровских (раннеалакульских) племен и их ассимиляционного воздействия на местную аятскую культуру, то есть была по своему составу сложной. Еще более сложный этнический состав имела черкаскульская культура, так как помимо коптяковского компонента черкаскульцы, осваивая новые территории, включали в свой состав и новые группы населения, а в самых южных районах своего расселения они к тому же еще испытывали на себе значительное влияние андроновского компонента (1976. – С.58, 61–63). Процессы формирования этих культур происходили, по мнению Л.П.Хлобыстина, в XVI–XV вв. до н.э. для коптяковцев и не древнее XIV в. до н.э. для черкаскульцев (1976. – С.52–53).

Определяя место черкаскульской культуры среди синхронных ей культур урало-сибирского региона, К.В.Сальников отмечал близость ее черкаскульского этапа федоровскому, синхронность межовского этапа сузгунской, ирменской, а березовского – западно-карасукской культурам; подчеркивал также, что все эти культуры сформировались на базе родственных культур урало-казахской общности эпохи неолита и энеолита, чем и объясняется определенное сходство между ними (1967. – С.369–370). Пришлые же в Башкирию межовцы, по мнению К.В.Сальникова, вступили в контакт сначала с абашевцами, а затем с позднесрубным населением (1967. – С.371).

Рассматривая черкаскульцев как древних угров, К.В.Сальников, на основании анализа находок керамики в районах к западу от Зауралья, отмечал вслед за В.Н.Чернецовым (1951) движение ранних угров из-за Урала в бассейн нижнего течения Белой и Камы (1967. – С.373–374) и далее в Среднее Поволжье (1964б. – С.81). Это же движение черкаскульцев в район Бельско-Икского междуречья отметил А.Х.Халиков (1969. – С.235–236). Бельские памятники черкаскульской культуры межовского этапа были описаны А.П.Шокуровым, А.В.Збруевой и Б.Г.Тихоновым под наименованием памятников типа стоянки Ахметово I, раскопанной этими исследователями в конце 50-х годов. Они отметили, что стоянка Ахметово I представляет собой своеобразный памятник, в культуре населения которого прослеживаются как древние черты срубной культуры, так и черты, роднящие его с восточными и северными памятниками». Датируют авторы этот памятник концом II тыс. до н.э. (Збруева А.В., Тихонов Б.Г. – 1970. – С.96–97).

По мнению К.В.Сальникова, черкаскульское население сыграло большую роль в исторических судьбах народов лесной и лесостепной полосы Волго-Уралья в последующий период развития, так как позднечеркаскульцы явились одним из компонентов формирования иткульской культуры в

Зауралье и ананьинской, в ее бельском варианте, в Башкирии (1967. С.363, 374).

Анализируя хозяйство населения этой культуры, К.В.Сальников под черкивал наличие охоты, рыболовства, скотоводства (отличие черкаскульского стада от андроновского заключалось в большем удельном весе свиньи) и земледелия. Знакомо было и бронзолитейное производство (1967. С.363–369).

Характеристика погребального обряда проводилась К.В.Сальниковым на основании анализа одного известного в то время черкаскульского могильника – Тартышево I. Исследователь отмечал, что основной его элемент – устойчивый обряд положения умершего на правый бок головой к востоку – абсолютно чужд андроновским и срубным могильникам (1967. – С.373). Отличие черкаскульского населения от андроновского подтвердилось антропологическими данными: со ссылкой на М.С.Акимову исследователь подчеркивал, что череп из рассматриваемого могильника является европеоидным, но явно не андроновского облика (1967. – С.373).

Монголоидность в ананьинском этногенезе К.В.Сальников предположительно относит за счет черкаскульской культуры, хотя отрицает, что это население антропологически было однородно, т.к. могильник Тартышево I дал материал европеоидного типа (Акимова М.С. – 1968. – С.14).

Точка зрения К.В.Сальникова на относительную хронологию и периодизацию черкаскульской культуры была воспринята В.Ф.Старковым, отметившим в материалах I Кокшаровского поселения наличие не только черкаскульского и межовского типов керамики, но и переходного, связывающего эти два типа (1970а. – С.102). Анализируя обнаруженное на этом же поселении погребение, совершенное по обряду трупосожжения, В.Ф.Старков высказывается о родственности по происхождению федоровского и черкаскульского населения (1970. – С.108). Тезис о близости федоровской, черкаскульской и сузгунской культур выдвинул в это время и М.Ф.Косарев (1972а. – С.83).

Значительное влияние на культурно-генетические построения всегда оказывали результаты антропологических исследований.

В 1968 г. выходит в свет монография М.С.Акимовой, посвященная в основном происхождению народов средневековья. Однако в распоряжении автора был немногочисленный антропологический материал по эпохе бронзы и раннего железа, который она включила в работу.

М.С.Акимова проанализировала два черепа из Татышевского I могильника черкаскульской культуры, которые она называет андроновскими. Оба черепа оказались европеоидными. Причем один отличается от средних величин андроновской серии более узким и высоким лицом. Однако М.С.Акимова предполагает, что подобный череп может встречаться и в андроновской серии (там же. – С.31). Касаясь сложения ананьинской общности, М.С.Акимова считает, что эта культура «развивалась в основном на базе местных прикамских племен» (там же. – С.15). Она делает вывод, что

население ананьинской культуры по антропологическому составу было неоднородным и включало как монголоидные, так и европеоидные компоненты. По ее мнению, был также третий компонент – смешанного происхождения. Эти компоненты имели различное происхождение. Что касается европеоидного и смешанного, есть основание считать их местными. «Монголоидная часть населения ананьинской культуры, представленная в Луговском могильнике, имела, вероятно, восточное происхождение», – считает М.С.Акимов. Европеоидные группы оставили Деуковский, Кумысский, Рождественский и др. могильники эпохи поздней бронзы (1968. – С.19).

Местное население оставило также могильники Маклашеевка I, III, Полянки II. Процесс смешения населения, оставившего последний могильник, происходил, по мнению М.С.Акимовой, задолго до рубежа II–I тыс. до н.э., т.е. задолго до того времени, к которому относится могильник Полянки II. М.С.Акимов не склонна считать людей могильника Полянки II пришедшими с востока и делает упор на их местном происхождении.

Какие же племена, местные или пришлые, составляли преобладающую часть населения Прикамья в ананьинское время? – спрашивает в заключение автор. И склоняется к мысли, что население это было в основном местным. Однако выявить местные и пришлые компоненты, участвовавшие в ананьинском этногенезе, М.С.Акимовой не удалось ввиду фрагментации антропологических материалов. Буквально единичные черепки не могли дать точного ответа.

1.4. Четвертый этап (70–80-е гг.)

Четвертый этап характеризуется интенсификацией полевых и теоретических изысканий по ПБВ Северной Евразии, в том числе и в рассматриваемом регионе; углубленным изучением андроновской проблематики, металла ПБВ и выделением пласта общности культур валиковой керамики (КВК). Значительную роль в формировании представлений по ПБВ сыграло исследование Е.В.Черных по металлу Восточной Европы (1970, 1976), первая часть которого, посвященная металлу Волго-Уральского региона, вышла в свет в 1970 г.

Крупным достижением археологической мысли было разделение культур эпохи бронзы региона по хронологическим горизонтам: досейминскому, сейминскому и предананьинскому. В предананьинское время, по мнению Е.В.Черных, приказанский металлургический очаг был одним из самых мощных в регионе. Е.Н.Черных соглашается с А.Х.Халиковым по вопросу о синхронизации ранних памятников приказанской культуры (Мапиновский II, Бозяковский III могильники) с сейминским хронологическим горизонтом. Для Приуралья, вслед за основным исследователем этой культуры А.Х.Халиковым, он выделяет приказанскую культуру, считая ерзовские и курмантауские памятники лишь ее вариантами. Он присоединяется к точке зрения К.В.Сальникова, что черкаскульская культура возникла при

взаимодействии материальной культуры андроновского типа и местных лесных племен Зауралья. Однако из-за малочисленности находок предметов из металла Е.Н.Черных считает, что говорить о характере металлургии черкаскульской культуры пока нет возможности (1970. – С.8).

Интересно утверждение Е.Н.Черных о том, что ерзовские и гаринско-борские племена пользовались совершенно различным металлом (1970. – С.85–86). Следовательно, нельзя говорить о преемственности этих культур в Прикамье, по крайней мере в плане металлургии.

Ю.А.Краснов, рассматривая производящее хозяйство лесной зоны, отметил, что племена лесной зоны этого региона восприняли большую часть знаков и животных от предшествующих им во времени культур. А другую часть – путем заимствования от южных степных культур. Однако это заимствование, хотя и играло большую роль, не было определяющим (1971. – С.149–163). Он отмечает, что в лесной части Среднего Поволжья в эпоху бронзы существовали два типа стада: с преобладанием крупного рогатого скота и лошадей и с преобладанием лошадей и свиней. Мелкий рогатый скот в обоих случаях занимает незначительное место. Эти же различия сохраняются здесь и в эпоху раннего железа. Различия в количестве свиней Ю.А.Краснов относит за счет влияния условий микроландшафта. Важно отметить, что оба типа стада встречаются в одно и то же время и на одной ограниченной территории.

В 1972 г. была опубликована монография В.С.Стоколоса «Культура населения бронзового века Южного Зауралья», в которой предпринимается попытка пересмотра хронологии и относительной периодизации памятников черкаскульской культуры. Начальной датой черкаскульской культуры признается XIII в. до н.э. (1972. – С.94–95). Точка зрения на XIII в. до н.э. или, по крайней мере, на XIV в. до н.э. (Хлобыстин Л.П. – 1976. – С.52) как на начальную дату этой культуры была воспринята большинством исследователей (Косарев М.Ф. – 1976а. – С.18, 26; Потемкина Т.М. – 1976а. – С.105; 1985. – С.288; Членова Н.Л. – 1984. – С.97 и другие). Кроме того, В.С.Стоколос пересмотрел и культурную принадлежность тех зауральских памятников, которые К.В.Сальников относил к замараевскому этапу андроновской культуры (Сальников К.В. – 1951а. – С.115–118; 1967. – С.241–352), и отнес их к черкаскульским (Стоколос В.С. – 1972. – С.94–95). В.С.Стоколос подверг сомнению и реальность существования этапов черкаскульской культуры в том виде, как их выделил К.В.Сальников, и, с учетом омолаживания возраста культуры вообще, предложил для черкаскульцев новую хронологическую шкалу, основанную на керамике четырех памятников: Новая – Черкаскуль II и Замараево – Лужки – Межовское селище, – и охватывающую период с XIII по VIII вв. до н.э. (1972. – С.92–96). Самая же верхняя граница черкаскульской культуры была определена началом иткульской культуры, т.е. V–IV вв. до н.э. (1972. – С.96). В.С.Стоколос отметил также сдвиг черкаскульского населения к югу, в лесостепь

ную зону Зауралья, начало которого он датировал XIII–XII вв. до н.э. Здесь черкаскульское население вступило в контакт с местным алакульским и пришлым в этот район, по его мнению, федоровским населением (1972. – С.130–132, 144–146).

С середины 70-х гг. наметилось и разделение единой, в понимании К.В.Сальникова, черкаскульской культуры на две самостоятельные культуры, имеющие разный круг аналогий. Л.П.Хлобыстин, правда без каких-либо доказательств, предложил заключительный этап Черкаскуля выделить в самостоятельную березовскую культуру (1976. – С.15), а М.Ф.Косаревым, затем и нами обосновывается выделение в рамках единой, по К.В.Сальникову, черкаскульской культуры двух самостоятельных – черкаскульской и межовской. Хотя между собой они генетически связаны, но имеют разный круг аналогий и связей: черкаскульская – с федоровской и андроновидными культурами Западной Сибири, межовская – с культурами более позднего периода: позднеприказанской, ирменской, карасукской, алексеевско-саргаринской (Косарев М.Ф. – 1976а. – С.23–24; Обыденнов М.Ф. – 1981а – С.14). Хронологические рамки этих культур определены в пределах XIII–XI вв. до н.э. для черкаскульской (Косарев М.Ф. – 1981. – С.168) или XII–VII вв. до н.э. (Обыденнов М.Ф. – 1981. – С.10–11; 1986. – С.48–58) для межовской.

Появляется ряд публикаций, в которых авторы лишь вскользь касаются теоретических вопросов культур ПБВ Волго-Камья. И.Б.Васильев выделил на Дуванейском поселении группу керамики, содержащей в орнаментике черкаскульские (межовские) и курмантауские черты. И.Б.Васильев соглашается с теми исследователями, которые утверждают, что локальные предананьинские культуры (курмантау, ерзовская, луговская, позднеприказанская) «относятся к единой предананьинской культуре с несколькими вариантами.» (1975а. – С.256).

В другой статье в соавторстве с В.С.Горбуновым им был сделан вывод, что черкаскульский слой с межовской керамикой предшествовал слою, в котором курмантауская и раннеананьинская (шнуровая) залежали совместно. «Вероятно, считают авторы, черкаскульские племена приняли участие в сложении курмантауского населения Башкирии, а не ананьинских или кара-абызских.» (1975. – С.156).

Важное значение для осмысления материалов ПБВ имеют опубликованные в 70-х гг. работы Т.М.Потемкиной (1985), Г.Б.Здановича (1988), Е.Е.Кузьминой (1986, 1988а) по андроновской проблематике и работы Матющенко В.И.(1974), Косарева М.Ф. (1981) по северным соседям андроновцев. Определенную положительную роль сыграли проблемные совещания по срубной общности в Куйбышеве в 1976 г. и андроновской общности в Петропавловске – Челябинске в 1980 г.

Разбираемые здесь проблемы нашли отражение в работе I Поволжского археолого-этнографического совещания в Казани в 1974 г., на котором интерес представлял доклад Н.Л.Членовой (1976а), утверждавшей, что

все памятники, вытянутые длинной извилистой лентой вдоль рек Исети, Миасса, Белой, Камы и Волги до Казани, являются черкаскульскими и однокультурными. Большинство их расположено по границе лесостепи и лиственных лесов, меньше – в лесостепи. Территория черкаскульской культуры получалась огромной: от Нижнего Тагила на СВ до Тобола и южнее Кустаная и Ишима на ЮВ; на западе территория памятников доходит до Самары. Н.Л.Членова возражает против гипотезы К.В.Сальникова о проникновении черкаскульской культуры на запад от Екатеринбурга с переходом через р. Уфу.

Отмечая, что во многих местах известна «переходная» черкаскуль-курмантауская керамика, Н.Л.Членова считает, что обе культуры являются синхронными. Под культурой курмантау Н.Л.Членова понимает одновременно ерзовские и приказанские памятники. Черкаскульская керамика также часто встречается с федоровской, что еще раз подтверждает распространение федоровской керамики «в смешанном с черкаскульской керамикой виде». Н.Л.Членова высказывает ряд принципиальных соображений по географии культур поздней бронзы. На одной и той же территории в одно и то же время могли существовать две (и более) различные культуры. Четких границ между ними не было. Стабильными границами для археологических культур Приуралья были границы природных и климатических поясов.

Черкаскульская культура, по мнению Н.Л.Членовой, является сложной по своему составу, впитавшей элементы многих культур. Основой же этой культуры, считает исследовательница, служит карасукоидная культура. Многие черты роднят ее с западносибирскими карасукоидными культурами – ирменской и памятниками сузгунско-абатского типа (1976б. – С.10–11). Эту точку зрения Н.Л.Членова дополнительно аргументирует в специальной статье (1981).

Точку зрения Н.Л.Членовой поддержал антрополог А.В.Шевченко, исследовавший черепа из Красногорского могильника. Он считает, что «население черкаскульской культуры, оставившее после себя Татышевский и Красногорский могильники, имеет наибольшее сходство именно с карасуками, но не утверждает о наличии между ними прямой генетической связи (1977. – С.36–37).

Близкой к точке зрения А.В.Шевченко оказалась позиция антрополога Н.М.Рудь. Она допускает участие андроновского типа в формировании населения могильника Такталачук (по ее выражению, «черкаскульской культуры восточных районов Татарии») (1981. – С.90,91).

В 70-х – начале 80-х гг. конкретизируются и уточняются (Л.П.Хлобыстин, М.Ф.Косарев, М.Ф.Обыденнов), даже пересматриваются (Н.Л.Членова) вопросы происхождения черкаскульской и межовской культуры.

Л.П.Хлобыстин отметил сложный этнический состав черкаскульской культуры, унаследованный ею еще от предшествующей и генетически связанной с ней коптяковской культуры, которая, в свою очередь, включала в

себя местный раннебронзовый аятский компонент и пришлый степной петровский, генетически связанный с западноандроновскими племенами (1976. – С.58–62). Генетическими предшественниками черкасульцев считает коптяковцев и М.Ф.Косарев. В то же время он отмечал, что коптяковцы были генетическими предшественниками и федоровцев, подразумевая тем самым местное зауральское происхождение и федоровской и черкасульской культур через коптяковскую (ее он датировал XVI–XIV или XVI–XIII вв. до н.э.) от местных раннебронзовых культур лесного Зауралья, где уже хорошо были выражены андронидные орнаментальные традиции (1976а. – С.17–18).

Важно отметить, что М.Ф.Косарев обратил внимание и на существование еще двух групп керамики, которые он условно отнес к тобольскому варианту андроновской культурной общности. Одна группа сочетает в себе коптяковские и федоровские, вторая – федоровские и черкасульские традиции; причем первую группу он считает более ранней, чем вторую (1981. – С.112–116).

Касаясь происхождения и развития межовской культуры, М.Ф.Косарев предположил, что хотя она и вытекает из андронидной черкасульской, но характеризуется уже иным типом керамики, аналогии которому нужно искать в замараевско-ирменском историко-хронологическом пласте, куда наряду с межовской (замараевской) входит и ирменская культура (1981. – С.133, 162–163). Не отмечал М.Ф.Косарев и принципиальной разницы между межовскими и березовскими типами керамики, поэтому рассматривал оба эти типа как один – межовский (1976. – С.27). Точке зрения М.Ф.Косарева на происхождение межовской культуры во многом близки наши взгляды. Мы тогда предполагали, что она сложилась на базе андронидной черкасульской культуры, но при участии карасуко-ирменского (1981. – С.14–15) и срубно-андроновского компонентов (1986а. – С.59–60).

Отличную от других исследователей точку зрения на происхождение черкасульской культуры высказывает Н.Л.Членова. По ее мнению, одной из основ черкасульской культуры была карасукоидная, а другой – какая-то местная, связанная с зауральскими культурами. Андроновская (федоровская) же культура лишь повлияла в той или иной степени на эти основы, поэтому черкасульскую культуру следует относить не к кругу андроновских, а к кругу карасукоидных культур, и она родственна прежде всего сузгунской, ирменской и другим культурам Западной Сибири (1977. – С.44–46).

В 70-е гг., наряду с зауральской и икско-бельской группами черкасульских и межовских памятников, исследователи отметили и новые районы распространения этих культур. Л.П.Хлобыстин на основании работ Д.Н.Эдинга на Горбуновском торфянике (1940) и В.Ф.Старкова на Кокшаровском I поселении (1970а), выделил северный – кокшаровский – вариант черкасульской культуры, распространенный в районе Нижнего Тагила и севернее его (1976. – С.43, 60–61). Основания для выделения этого ло-

кального варианта черкаскуля подтвердил и М.Ф.Косарев (1981. – С.136). Для керамики кокшаровского варианта, как отметили оба исследователя, характерно в большей степени проявление северных зауральских орнаментальных традиций (Хлобыстин Л.П. – 1976. – С.60–61; Косарев М.Ф. – 1981. – С.136).

Активное проникновение черкаскульцев и межовцев к востоку от Зауралья, в Среднее Притоболье, фиксируют в своих раскопках Т.М.Потемкина (1976. – С.19; 1985. – С.288, 345), а еще дальше – в Северный Казахстан, – Г.Б.Зданович (1973а. – С.38–39, 43) и В.В.Евдокимов (1983. – С.44). Это черкаскульское население, по мнению С.Я.Здановича, было одним из компонентов, принявших участие в формировании степной саргаринской культуры заключительного этапа бронзового века Северного Казахстана (1979. – С.15–16; 1983. – С.74–77). Т.М.Потемкина и С.Я.Зданович отметили также активные контакты и взаимовлияния черкаскульско-межовского и саргинско-алексеевского населения в приграничной лесостепной полосе Зауралья и в Северном Казахстане (Потемкина Т.М. – 1979; Зданович С.Я. – 1979. – С.15–16).

В.А.Иванов в диссертации, посвященной основным этапам истории населения бассейна р. Белой в ананьинскую эпоху, рассматривая компоненты, явившиеся основой населения раннего железного века, анализирует черкаскульские (межовские) керамические комплексы и усматривает в них сходство с курмантаускими. Он указывает на «несомненное генетическое родство» комплексов типа Старо-Кабаново II и Старо-Янзигитово с курмантауской посудой. По его мнению, упомянутые памятники моложе стоянок межовского типа (Красногорский могильник, Ново-Кизганово II, Жуково). Он согласился с нашей датировкой памятников межовского типа XI–IX вв. до н.э. (1978а. – С.11–12).

Теоретические построения базировались на появлении новых источников, из которых прежде всего следует отметить исследования поселения Юкалекулево, где прослежено залегание черкаскульского строительного горизонта под межовским (Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., Юсупова Г.Т. – 1979; Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. – 1983; Обыденнов М.Ф. – 1991), и особенно первого крупного межовского могильника – I Красногорского, позволившего дать характеристику погребального обряда межовского населения в этом районе (Обыденнов М.Ф. – 1976а. – С.83; Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. – 1980). Работами Е.П.Казакова выявлены новые черкаскульские и межовские памятники, прежде всего Такталачукского и Подгорно-Байларского могильников в Бельско-Икском междуречье (1976; 1978а; 1978б; 1979). Куйбышевские археологи нашли керамику, близкую черкаскульской и федоровской в Куйбышевском Заволжье (Агапов С.А., Васильев И.Б. – 1976. – С.119–120. – Рис.12), а воронежцы обнаружили керамику, имеющую федоровские и черкаскульские черты, даже в Подонье. Благодаря же работам Е.Е.Кузьминой и челябинских археологов в лесостепном Зауралье, на территории Челябинской области, были открыты но-

вые черкаскульские погребения в могильниках Туктубаево (1973), Кинзерово (1975), Приплодный Лог I (Малютина М.С. – 1984).

В это же время была пересмотрена культурная принадлежность ряда могильников – Ново-Бурино, Большая Караболка, – ранее считавшихся федоровскими (Сальников К.В. – 1959б), и доказана принадлежность их к памятникам черкаскульской культуры (Стоколос З.С. – 1972. – С.86–88; Кузьмина Е.Е. – 1973. – С.161.). Это позволило расширить представление о погребальном обряде черкаскульской культуры.

Но формирование новых представлений по основным вопросам черкаскульско-межовской проблематики в этот период шло преимущественно на базе изучения памятников сопредельных со Средним Уралом территорий, где черкаскульско-межовское население было пришлым и немногочисленным. Древности черкаскульско-межовского типа рассматривались исследователями попутно, в связи с созданием картины культурно-исторического развития этих регионов. Исключением являлись лишь диссертационная работа М.Ф.Косарева (1976), в которой при анализе исторической ситуации, сложившейся в Западной Сибири в эпоху бронзы, рассматриваются вопросы черкаскульско-межовской проблематики, и наша диссертация (1981), посвященная изучению межовских памятников Южного Урала. Обе вышли затем отдельными книгами (Косарев М.Ф. – 1981; Обыденнов М.Ф. – 1986). Это крайне затрудняло решение узловых проблем развития черкаскульской и межовской культур на исконной для этих культур территории Среднего Зауралья.

В 70-х гг. активные исследования черкаскульских и межовских памятников в южнотаежном и лесостепном Зауралье ведут археологи Уральского университета. Ю.П.Челякин раскапывал в лесостепном Зауралье многослойное поселение Коркино I, где наряду с алакульской и федоровской встретилась и черкаскульская керамика (1976). А.Ф.Шорин вел раскопки в 1977–1978 гг. (Днепров С.А., Коноркин В.М., Шорин А.Ф. – 1979.), а затем Г.В.Бельгинова в 1979 г. раскапывала многослойное поселение Дружный I, на котором выделен культурный пласт, содержащий керамику алакульской, федоровской и черкаскульской культур.

Плодотворными в изучении древностей ПБВ в Среднем Зауралье были работы Аргазинского отряда Уральской экспедиции под руководством В.Т.Петрина и А.Ф.Шорина (1975–1979 гг.). В результате этих работ обнаружены первые в Зауралье погребения коптяковского времени на могильнике Березки Vб, раннечеркаскульских могильниках Березки Vг и Перевозный Ia, и погребение березовского типа на могильнике Березки Vб. Кроме того, исследованы как многослойные, содержащие черкаскульскую, межовско-березовскую керамику (Березки V, Перевозный I), так и однослойные поселения межовской культуры (Малый Липовый IX, Усть-Мисское IV).

На основе полученных Уральским университетом материалов А.Ф.Шо-

рин в ряде работ дал подробную характеристику материалов черкаскульской и межовской культур лесных районов Среднего Зауралья. Им впервые охарактеризован погребальный обряд черкаскульских племен, выделен нерасчлененный (коптяковско-черкаскульско-федоровский) тип керамики, позволяющий с новых позиций рассматривать происхождение черкаскульской культуры. В Среднем Зауралье А.Ф.Шорин выделил два локальных варианта черкаскульской и межовской культур: кокшаровский и невьяномиясский. Он наметил внутреннюю периодизацию культур: ранний этап черкаскульской культуры отнес к XV–XIV вв., поздний – к XIII–XII вв. до н.э. В развитии межовской культуры Среднего Зауралья выделено два этапа: березовский (XI–IX вв.) и березовский (VIII – начало VII вв. до н.э.) (1988а. – С.15).

В совместной работе А.Ф.Шорина и автора (Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. – 1995) дана характеристика двум основным археологическим культурам позднего бронзового века Урала – черкаскульской и межовской. Поставлены вопросы об их происхождении, развитии и дальнейшей судьбе населения; рассмотрена экономика и миграция среднеуральского населения в Северный Казахстан и Восточную Европу. Большое внимание уделено определению места уральских древностей в кругу культур сопредельных территорий.

Важное значение в разработке андроновской проблематики имеют работы Г.Б. и С.Я.Здановичей, Т.М.Потемкиной и Е.Е.Кузьминой. Г.Б.Зданович разработал в целом автохтонную концепцию андроновской общности (1975, 1988), которая представляет интерес в плане синхронизации уральских материалов. Т.М.Потемкина отчетливо показала место черкаскульских и межовских материалов в комплексе древностей андроновской общности лесостепного Притобья (1985). Работы Е.Е.Кузьминой, обобщенные в конце 80-х гг. в докторской диссертации (1988а), содержащей положения, в которых она аргументирует дату и отвергает идею о генетической связи федоровских и алакульских памятников (1988а. – С.15.). Интересны наблюдения о западных связях и миграции андроновцев в лесостепное Поволжье и далее на запад (Кузьмина Е.Е. – 1987).

Проблему памятников курмантау специально рассматривал В.А.Иванов в диссертации и ряде статей (1977, 1978а, 1982). Собственно курмантаускими он считает касьяновскую группу в среднем течении Белой; нижнебельские памятники относит к маклашеевскому типу, а бирскую группу считает смешанной. Так как курмантауская группа была датирована им VIII–VI вв. до н.э., ее он исключил из процесса формирования ананьинской АК, полагая, что ананьинцы раньше проникли в бассейн Белой в сложившемся виде (1978а. – С.14–15; 1982. – С.73.).

Очевидно, недоразумением в работах этого автора является отождествление комплексов типа Старо-Кабановского II поселения с березовскими черкаскульской культуры Зауралья (1978а. – С.14.; 1982. – С.70). Более подробная публикация березовской керамики М.Ф.Косаревым, А.Ф.Шори-

ным и нами показывает не только эпохальное, но, очевидно, и культурное различие памятников березовского этапа черкаскульской культуры и комплексов Старо-Кабановского II и Старо-Янзигиговского поселений.

В.Ф.Генинг не поддержал построений В.А.Иванова по этнокультурной ситуации переходной эпохи в бассейне Средней Белой (1988. – С.58–60), однако собственной позиции по этому вопросу не изложил.

С иных позиций рассматривает ПБВ Урала и Прикамья Н.Л.Членова. Она считает необходимым объединить ерзовские, маклашеевские и курмантауские культуры в рамках одной, которую называет курмантау. Культура курмантау, по ее мнению, очень близка ирменской культуре, особенно в розановском ее варианте. По мнению Н.Л.Членовой, на фоне восточно-европейских и уральских культур курмантау представляется чужеродным явлением (1981. – С.27). Неясна позиция Н.Л.Членовой в статье относительно компонентов черкаскульской культуры. Она предполагает, что черкаскульский и межовский типы керамики – это два разнородных компонента в единой культуре. В то же время работами М.Ф.Косарева и автора уже была доказана разнокультурность обеих групп керамики (Косарев М.Ф. – 1976; Обиеннов М.Ф. – 1981а).

Привлекая данные антропологических исследований А.В.Шевченко, Н.Л.Членова доказывает, что основной межовский компонент черкаскульской культуры – карасукоидный. А на межовскую основу наслонился коегде черкаскульский андронидный компонент (1981. – С.36).

Л.И.Ашихмина в диссертации, посвященной проблеме происхождения ананьинской культуры в Среднем Прикамье, реконструирует в ПБВ для этого региона две археологические культуры – луговскую (XIV–XI вв. до н.э.) и быргындинскую (XI–VIII вв. до н.э.), каждая из которых имеет две стадии – раннюю и позднюю (1985а. – С.6–11; 1985б). Луговская культура, по ее мнению, представляет эпоху распространения в Южном Прикамье производящих форм хозяйства – земледелия и скотоводства. В планировке жилищных комплексов, керамике и погребальном обряде луговского населения Л.И.Ашихмина отмечает разнокультурные черты, которые по ряду признаков связывает со срубно-абашевскими и черкаскульско-федоровскими влияниями.

В конце XI в. до н.э. на территорию Среднего Прикамья проникают маклашеевские племена. На основе синтеза двух культурных компонентов, местного луговского и пришлого маклашеевского, формируется быргындинская культура.

Двухкомпонентность в ее составе Л.И.Ашихмина прослеживает в структуре жилищ, керамике и погребальном обряде (1985а. – С.10–11). Развитие быргындинской культуры приводит к формированию в Среднем Прикамье зуюво-ключевской стадии (VIII–VII вв. до н.э.) ананьинской культуры (1985а. – С.12, 17, 18; 1985б. – Табл.).

Вопросов формирования ананьинской культуры в Нижнем Прикамье на основе позднебронзовых комплексов вслед за Л.И.Ашихминой касается

В.Н.Марков. По его мнению, в Нижнем Прикамье ананьинская посуда формируется на основе маклашеевской, а маклашеевские могильники продолжают функционировать в раннеананьинский период (Марков В.Н. 1988а. – С.8). Следовательно, полагает В.Н.Марков, ерзовскую группу керамики, а также курмантаускую и быргындинскую следует синхронизировать с раннеананьинскими комплексами Нижней Камы и датировать их раннеананьинским временем – VIII–VI вв. до н.э.

По его мнению, на Средней Волге, от устья Ветлуги до южных границ Татарии, на Каме, от ее устья до г. Перми, и в бассейне Белой была распространена однородная керамика, датируемая им VIII–VI вв. до н.э., которая представляла единый культурный и хронологический пласт раннеананьинского времени, имеющий основу в памятниках маклашеевского типа (1988а. – С.12).

В.Ф.Генинг, рассматривая вопросы периодизации археологических эпох в Прикамье, выделяет два этапа ранней фазы в развитии племенного строя интересующей нас эпохи. К первому этапу он относит археологические культуры от середины II тыс. до н.э. до XII в. до н.э.: приказанскую, луговскую, турбинскую, бельский вариант срубной. Развитие этих культур связано с миграцией с юга скотоводческого населения (луговская, срубная АК) и освоением местным населением (приказанским, турбинским) животноводства. Ко второму этапу ранней фазы (XI–IX вв. до н.э.) относятся АК: атабаевско-маклашеевская, быргындинская, ерзовская, курмантау, поздняя сейминско-чирковская и др. Этот этап, по мнению В.Ф.Генинга, характеризует комплексное хозяйство и равновесие скотоводства и земледелия, хозяйственное обособление патриархальной семьи (Генинг В.Ф. – 1990. – С.21–22).

Значительный интерес для рассматриваемой темы представляют последние работы В.С.Патрушева, посвященные переходной эпохе от бронзового века к железу в лесном Поволжье (X–VI вв. до н.э.). На этой территории исследователь выделяет ахмыловскую культуру, которая формируется с X в. до н.э. на основе смешения приказанско-маклашеевского населения с псевдосетчатой керамикой. Этот первый этап В.С.Патрушев называет кокшайским, синхронизирует его с маклашеевским этапом приказанской культуры и датирует X–VIII вв. до н.э. (1989. – С.74–75).

Весьма интересны разработки В.С.Патрушева по переходному периоду от бронзы к железу в Среднем Поволжье и этнической истории этого района (Патрушев В.С. – 1990а. – С.24–34).

Важное значение для изучения рассматриваемых проблем имело проведенное в 1991 г. в Уфе проблемное совещание по ПБВ Урала, посвященное 90-летию К.В.Сальникова. В докладе Ю.И.Колева были выделены памятники сусканского типа в лесостепном Поволжье, а в докладах тюменских и екатеринбургских археологов А.В. и Л.П.Матвеевых, А.Ф.Шорина сделана попытка проследить генезис культур раннего железа на основе межевской и бархатовской культур.

Подводя итог историографическому обзору становления взглядов на культуру населения Урала и Прикамья в эпоху поздней бронзы, следует отметить, что в этом регионе различными исследователями выделены группы памятников и археологические культуры (черкаскульская, межовская, березовская, замараевская, луговская, быргындинская, приказанская, рзовская, курмантауская, сусканская, срубная и др.); в основном очерчены их территории, поставлены некоторые вопросы взаимодействия их друг с другом и т.д. Но в то же время очевидна разобщенность в изучении приуральских и зауральских АК, различное понимание исследователями самих АК, их этапов, генезиса и содержания.

Схематичность и упрощенность, следование литературной традиции, несоответствие всей совокупности имеющихся материалов нашли отражение в фундаментальных обобщающих трудах по истории и археологии Урало-Камского региона (История ТАССР. – 1973. – С.9; Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы... – С.139–146; История Урала... – 1989. – С.75, 83). Поэтому возникла настоятельная необходимость на основе всестороннего анализа археологических материалов с привлечением данных других наук дать обобщающую картину происхождения и развития археологических культур Урало-Прикамского региона в позднем бронзовом веке и в переходный период к раннему железу. В число задач необходимо поставить решение вопросов хронологии, периодизации, генезиса культурно-исторических взаимоотношений и исторических судеб населения различных АК.

К началу 90-х гг. на территории областей и республик Урало-Приамско-Поволжского региона открыты тысячи археологических памятников позднего бронзового века; опубликованы археологические карты Башкортостана, Татарстана, Марийского края, Коми республики, Курганской области, частично Пермской области; имеются в рукописях карты Суйбышевской, Челябинской, частично Свердловской, Оренбургской областей. Раскопаны сотни памятников ПБВ (отчеты хранятся в ИА РАН, коллекции и экземпляры отчетов – в областных археологических центрах.)

Состояние источников по ПБВ Урала и Прикамья в настоящее время ставляет желать лучшего. Накопленные почти за столетнюю историю систематических раскопок коллекции преимущественно состоят из керамики и хранятся в различных учреждениях областных городов Урала и Приамья, в Москве и С-Петербурге. Значительная часть коллекций погибла или депаспортизирована. Отчеты, хранящиеся в учреждениях и архивах ИА РАН, не могут заменить самих коллекций. Значительная часть источников не издана или опубликована очень поверхностно, так что составить какое-либо представление о комплексах или типах порой просто невозможно. Широкое применение в последние десятилетия математических методов при обработке керамики только запутывает дело: за цифрами и графиками не видно источника.

Нами с 1971 г. осмотрены практически все коллекции керамики по теме настоящей работы в городах региона и в центре, часть коллекций обрабатывалась статистически. Частично привлекались результаты математической обработки керамики, добротнo выполненные Л.И.Ашихминой (1985), В.А.Ивановым (1978), А.Ф.Шориным (1988), которые применяли программу, разработанную В.Ф.Генингом (1973). Использовались результаты, полученные Т.М.Потемкиной, Г.Б. и С.Я.Здановичами, изложенные в их работах.

На современном уровне исследований необходим комплексный подход с сочетанием археологических, антропологических, этнографических, лингвистических данных, а также привлечение результатов естественных наук (палеогеографии, палеоботаники, палеозоологии, спектрального анализа металла, радиоуглеродного анализа для датировки и др.). Поэтому совершенно естественно, что настоящая работа покоится на достижениях различных наук по древней истории Урало-Прикамского региона.

Без комплексного подхода невозможно решение проблем этнокультурного прогресса, экономики, идеологии, социального развития древних обществ.

Методика исследований должна основываться, по нашему мнению, на традиционных археологических методах анализа материала с привлечением методов естественных и точных наук.

ГЛАВА II. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

2.1. Физико-географический очерк

Урал – горная страна, разделяющая европейскую и азиатскую части материка. Уральский хребт не высокий и везде проходимый. В современный Уральский регион входят Средний и Южный Урал и прилегающие к ним предгорные равнины Предуралья и Зауралья, а также территория республики Башкортостан (Башкирия), которая связана с Уралом природно-исторически и экономически. В этих границах Уральский регион достигает площади 824 тыс. кв. км, что намного больше, чем площадь Франции или Испании.

При разнообразии природно-географических условий все районы данного региона тесно связаны и представляют собой единое целое, сформировавшееся в процессе длительного исторического развития. Причем Уральские горы служат своеобразным организующим стержнем, вокруг которого сложилось это целое.

В Уральском (Урало-Прикамском) регионе в числе прочих выделяется несколько самостоятельных районов: лесное Среднее Зауралье, лесостепное Южное Зауралье (близ Притобья), Среднее лесное Прикамье, Южное Приуралье (Прибелье) и Нижнее Прикамье. К северу от Нижнего При-

камья расположен Вятский край, к югу – Южное Прикамье и лесостепное Заволжье, расположенное в междуречье Волги и Белой.

В этих границах Урал подразделяется на две географические зоны: лесную и лесостепную. В лесной зоне выделяются в широтном направлении подзоны южнотаяжных сосновых лесов и широколиственных лесов. В лесостепной зоне сочетаются природные комплексы двух пограничных зон – леса и степи. Здесь характерны дубравы и березовые колки. Почва этого района относится к двум почвенно-биоклиматическим областям: центральной таяжно-лесной и центральной лесостепной и степной.

Своеобразие лесов Приуралья заключается в том, что они являются переходными от европейских широколиственных и хвойно-лиственных к таяжным сибирским ландшафтам. На Урале вследствие сильной залесенности горной его части они несколько смещены к югу, а в пределах одних и тех же географических зон на равнинах Предуралья и Зауралья природные условия не вполне одинаковы. К западу от Уральского хребта осадков выпадает больше и климат более влажный и мягкий; к востоку осадков меньше, климат более сухой, континентальный.

На обширной территории Урала протекает множество больших и малых рек, которые связывают различные районы в единое целое. Уральские горы являются водоразделом между речными системами Тобола и Камы. Верховья притоков этих рек вплотную примыкают друг к другу, беря начало в невысоких горах Южного и Среднего Урала. В лесостепном Зауралье заметную роль играют неглубокие озера. Южно-таяжное Зауралье сильно заболочено, здесь в долинах распространены низинные болота.

Основная масса рек – Тура с притоками, Исеть с Миассом, текущие на восток и впадающие в Тобол. Чусовая с притоками, верховья которой близко подходят к верховьям Исети, перерезает Уральский хребет и имеет сток в Каму, являясь естественной магистралью, соединяющей зауральские регионы с приуральскими. Кроме того, в горных районах Южного Урала, которые в эпоху бронзы были заселены племенами черкаскульской и межовской культур, вплотную друг к другу подходят верховья рек Миасса и Уя, относящихся к Обь-Иртышскому бассейну, а также Урала, текущего к югу, в Каспийское море. Это также облегчало движение населения не только в зауральско-приуральском, но и в южном (прикаспийском) направлении.

Прикамье, расположенное на северо-западе Урала, занимает площадь около 150 тыс. кв. км и почти целиком, кроме южных районов, относится к лесной зоне. Река Кама – пятая по длине река в Европе (2 тыс. км) и самый большой приток Волги. Она имеет в среднем течении пойму шириной 10–15 км, в приустьевой части – более 20 км. Огромный пойменный массив (в настоящее время затопленный водами Куйбышевского водохранилища) был изборужден озерами, старицами и протоками Камы (Милюков Ф.Н. – 1958. – С.225). Северная часть Нижнего Прикамья входит в южную подзону тайги, а южная часть располагается по северной окраине лесостепной полосы.

Река Вятка (длина 1314 км, площадь бассейна – 129,2 тыс. кв. м) является крупнейшим притоком Камы и занимает центральную часть Волжского Камья. Северные районы Вятского края находятся в подзонах южной средней тайги, южные – в подзоне хвойно-широколиственных лесов.

Северная граница лесостепи проходит по линии Киев – Орел – Тула – Саранск – Казань – Уфа – Курган – Ишим – севернее Новосибирска; южная – по линии южные окраины Кодру в Молдавии – Кишинев – южнее Кишинева – Кременчуг – Полтава – южнее Харькова – Валуйки – Лиски – Борисоглебск – севернее Аткарска – Вольск – устье р. Самары – Стерлитамак. За Уралом через Троицк – Явленку – Барнаул (Физическая география СССР. – 1976. – С.41).

Провинция Низменного Заволжья на западе ограничивается правобережьем Волги, на востоке – нижним течением Шешмы до нижнего течения Кондурчи, где постепенно переходит в Высокое Заволжье. Провинция выделяется своим пониженным положением (Мильков Ф.Н. – 1953. – С.224). Преобладающий тип рельефа – слабо приподнятая, волнистая, слегка наклоненная равнина. Климат сухой, континентальный, с очень неустойчивым увлажнением (Мильков Ф.Н. – 1953. – С.227).

Несмотря на близкое пограничное положение Низменного и Высокого Заволжья ландшафтные зоны их заметно различаются. Как уже отмечалось, лесостепная провинция Высокого Заволжья начинается к востоку от р. Кондурчи и нижнего течения р. Шешмы. На севере граница проходит по правобережью Камы, где она граничит с тайгой; на юге идет по р. Самаре (Мильков Ф.Н. – 1953. – С.232); на востоке, в пределах Западной Башкирии, лесостепь протягивается широкой полосой к югу от низовий Белой. Широким фронтом, длиной 400 км от хребта Кара-Тау до южных границ Башкирии лесостепь подходит к горам Южного Урала. К северу от этой полосы она широким языком внедряется в лесную зону правобережья р. Белой между ее низовьями и Уфимским плато (Физико-географическое районирование БАССР. – 1964. – С.52).

В провинцию входят Бугульминско-Белебеевская возвышенность, Чермасано-Демско-Ашкадаровская и Прибельская равнины. Рельеф возвышенный. Орографически большая часть провинции относится к Бугульминскому плато, равнинная поверхность которого рассечена разветвленной сетью глубоких долин рек, впадающих в Каму: Шешмы, Зая, Старого Зая, Ика (Мильков Ф.Н. – 1953. – С.233). Лесостепной рекой является также Белая с притоками Демой, Уршаком, Чермасаном, Базой, Сюнь. Густота речной системы в 3–4 раза больше, чем в других районах лесостепи (Природные ресурсы Башкирии и их охрана. – 1965. – С.39).

Водоразделы Бугульминско-Белебеевской возвышенности лежат на высоте 350–400 м. Они поднимаются при движении на восток, достигая к юго-западу от г. Стерлитамака в водоразделе рек Демы, Ашкадара, Белой 481 м.

Сочетание ландшафта плоских водоразделов составляет главную особенность рельефа Бугульминского плато. Далее на север от Бугульмы к до-

динам Камы и на юго-запад к долине Волги картина рельефа меняется: вместе с углублением происходит расширение границ, увеличивается количество надпойменных террас (Мильков Ф.Н. – 1953. – С.234).

Преобладающими почвами являются выщелочные, карбонатные, типичные, оподзоленные и солонцеватые черноземы и темно-серые лесные почвы. Главная особенность почв сводится к их высокой гумусности – до 4% и более (Природные ресурсы Башкирии и их охрана. – 1965. – С.39).

В связи с неоднородностью рельефа и почв, а также воздействием человека, рассматриваемая территория отличается различной степенью обесценности – от 10,7% в Среднем Демском и Стерлитамакском районах до 12,2% в Правобережном и Среднебельском. Наиболее обесценными являются Стерлибашевско-Федоровская возвышенность и северная часть Белевской. Здесь распространены березовые, дубовые, березово-осиновые, дубово-березовые и смешанные широколиственные леса из липы, дуба, ильма, клена (Физико-географическое районирование БАССР. – 1964. – С.73). Наибольшей остепененностью выделяется Чермасано-Демско-Ашкадаровская равнина. Естественная степная растительность делится на луговые степи и разнотравно-ковыльные (Природные ресурсы БАССР и их охрана. – 1965. – С.40).

Лесостепь Южного Приуралья охватывает территорию бассейна рек Белой, Ика и верхний отрезок нижнего течения Камы от устья Белой до Ятки. По характеру строения поверхности юго-восточное Приуралье является равнинно-возвышенной частью Русской платформы. Почти все толки района имеют связь по речным системам левых притоков Камы.

Река Белая является важнейшей в данном районе. Длина реки – 1410 км, площадь бассейна – 141,9 тыс. кв. км. В ландшафтно-географическом отношении бассейн Нижней и Средней Белой представляет собой границу между двумя природными зонами – лесом и лесостепью. Покрытые смешанными широколиственными лесами пологие возвышенности правобережья Белой, достигающие в ее среднем течении высоты до 460 м, ближе к устью переходят в слегка волнистую Бельско-Таныпскую низменность, изрезанную заболоченными озерами и старицами. Их пологие берега и пойменные станцы покрыты сосновыми лесами, представляющими собой южную окраину узкого массива, тянущегося по краю коренной террасы правого берега Камы (Урал. – 1968. – С.54). В районе устья р. Быстрый Танып (правый приток Белой) начинается подзона широколиственных дубовых с кленом, липой и вязом лесов на типичных серых почвах. Южнее устья р. Уфы, подножья западных склонов Уральских гор, узкой полосой вдоль русла Белой тянется дубово-березовая лесостепь с выщелочными и оподзоленными черноземами. Преобладающими почвами являются плодородные черноземы: выщелочные, слабоподзолистые, а также темно-серые лесные почвы. Правобережье Белой на значительной части течения реки близко отступает к западным отрогам Уральских гор, где узкой полосой тянутся лесостепи. Левобережье Белой в ее среднем и нижнем течении представляет

собой лесостепь, изрезанную руслами небольших рек, окруженных березовыми колками.

В климатическом отношении бассейн р. Белой относится к лесостепной зоне с холодной ($-15,5-17,5^{\circ}$) зимой средней продолжительностью 135–145 дней. Лето здесь умеренно теплое (температура июля $+20-22^{\circ}$). Среднее годовое количество осадков составляет от 400 до 600 мм, а в горных районах и более.

Лесостепь, сравнительно полого спускающаяся к пойме Белой в ее среднем течении, в районе устья реки переходит в плоскую и ровную Бугульминско-Белебеевскую возвышенность. По восточной стороне возвышенности протекает р. Ик (длина около 600 км), которая в приустьевой части образует обширную Камско-Икскую пойму.

Бассейн верхнего течения Белой относится к геоморфологическому району низкого и среднегорского хребтового района средней части Южного Урала.

Среднее течение Белой расположено на Камско-Бельском равнинно-увалистом понижении. Здесь некоторые ее левые притоки берут начало с отрогов Белебеевской возвышенности и Общего Сырта, а правые своими верховьями заходят в низкие горные хребты Южного Урала.

В верхнем течении Белая принимает многочисленные притоки, которые имеют горный характер, мелководны и местами загромождены камнем. Они маловодны в летнюю межень, но полноводны в период половодья.

Климатические условия района Верхнего Прибелья отражают климат низкогорно-предгорных ландшафтов. Территория относится к умеренно влажному, теплому климатическому району. Осадков выпадает в пределах 550–560 мм, в горной части, к востоку от хутора Кузнецовский, годовые суммы осадков увеличиваются до 680–760 мм, что связано с влиянием гор. В районе Мелеуза, который находится вне влияния барьерного эффекта, величина осадков составляет 500 мм. В рассматриваемом районе преобладают ветры южного и юго-западного направления. По утрам в летнее время характерны ветры северного направления; они дуют по долине Белой, отличаясь прохладой и большой силой; прекращаются к 10 часам утра.

Климат Верхнего Прибелья умеренно-теплый, хорошо увлажненный, сменяющийся на высоких вершинах холодным. Среднегодовая температура воздуха – от 1° до -1° , среднеиюльская – $+16^{\circ}$, на высоких вершинах снижается до $+12^{\circ}$; среднеянварская – около -16° . Весенние заморозки кончаются 5 июля, осенние начинаются в конце августа.

Годовое количество осадков достигает 500–550 мм. Две трети осадков выпадает в период апрель–октябрь в виде дождя. С запада на восток количество осадков снижается. Мощность снежного покрова на 10 марта доходит до 40–70 мм.

Климат Среднего Прибелья значительно мягче. Здесь среднеиюльская температура составляет $+19^{\circ}$, а среднеянварская – $14-15^{\circ}$. Весенние заморозки заканчиваются до 25 мая, осенние наступают во второй половине

сентября. Сумма осадков колеблется в пределах 90–550 мм. Мощностью снежного покрова в поле на 10 марта составляет 30–60 см. Спецификой климата этого района являются частые весенние и летние засухи. Среднее число дней с атмосферными засухами за теплый период составляет 54, максимальное – 80.

Почвенный покров Верхнего Прибелья представляет собой горные разновидности дерново-подзолистых, серых, глиносерых и горно-лесных маломощных почв. Он характеризуется ярко выраженной вертикальной поясностью.

Наибольшее хозяйственное значение имеют горные черноземы, горно-лесные, серые и темно-серые почвы, распространенные в долине Белой. Они приурочены к речным террасам и нижней части межгорной депрессии. Гумусовый горизонт доходит до 50 см, имеет зернистую структуру. Содержание гумуса возрастает по мере движения в юго-западном направлении вдоль долины Белой.

Почвенный покров Среднего Прибелья более однороден. Левобережье покрыто выщелочными и обыкновенными черноземами, в которые небольшими участками вкраплены темно-серые почвы. В правобережье чередуются оподзоленные и выщелочные черноземы с темно-серыми, серыми и разновидностями серых лесных почв. Почвы отличаются гумусовыми горизонтами, особую хозяйственную ценность представляют почвы речных пойм. Растительный покров Верхнего Прибелья имеет высотную поясность и сочетает в себе сосновые, сосново-березовые и осиновые леса с разнообразными лугами. Местами еще сохраняются лиственные леса.

Северо-восток Башкирии выделяется территориальной обособленностью и слабой освоенностью человеком (плотность населения в настоящее время 10 чел. на 1 кв. км). Он имеет отчетливые природные рубежи: с востока, юга и запада окаймлен склонами Урала и Уфимского плато и открыт на север. В геологическом отношении северо-восток Башкирии занимает Уфимское таежное плато и Юрюзанско-Айское предгорное понижение. Плато прорезают долины рек Уфы и ее притоков Ай и Юрюзань.

Река Ай глубокая, ее ширина – 4–5 м, длина – 549 км. Пойма имеет ширину от 100 до 400–1000 м.

Юго-восточная часть плато, прилегающая к долине р. Юрюзань, характеризуется сильно расчлененным увалистым рельефом и более мягким климатическим режимом. Этим объясняется преобладание в растительном покрове сосны. На сильно нагреваемых склонах встречаются степные растения. Здесь преобладают подзолистые и светло-серые лесные почвы. Растительный покров состоит из елово-пихтовых лесов и липы в подлеске. В западной, более пониженной части, к ели и пихте часто примешиваются широколиственные породы: ильм, дуб, клен, липа.

Уфимское плато входит в зону умеренно-холодного и влажного климата. Средняя температура января – ниже -16° , июля – $+18^{\circ}$. Продолжительность безморозного периода составляет 80–100 дней. Средняя годовая

сумма осадков – 900–950 мм. Мощность снежного покрова – 55–80 см, в лесах достигает 120 см.

Юрюзанско-Айская равнина находится на крайнем северо-востоке Башкирии, восточнее Уфимского плато, и представляет собой увалисто-грядовое предгорное понижение. Абсолютные высоты нарастают с запада на восток и с севера на юг от 200–300 до 400 м. В Юрюзано-Айской лесостепи серые лесные почвы занимают преобладающее место. Пойменные почвы имеют только кормовое значение. Гораздо выгоднее для земледелия почвы надпойменных террас. Длительное пребывание в прошлом этой части Башкирии под лесами способствовало распространению здесь серых лесных почв. Лишь на давно остепненных незначительных по площади участках получили развитие оподзоленные и выщелочные черноземы. Также развиты иловато-болотные почвы. Поверхность этих почв покрыта кочками, грубой осоковой растительностью. Имеются признаки заболачивания почвы пойм. Сформировались они в поймах рек Ай, Юрюзань, Мелекес (Абзалов Р.М., Кадильников И.П. – 1971).

Со стороны Уфимского плато весной и летом дуют холодные ветры. Они вызывают частые заморозки и, застываясь в низинах, задерживают прогревание почв. Укороченный безморозный период сужает число сельскохозяйственных культур (Хисматов М.Ф. – 1987. – С.239). Животный мир северо-восточной Башкирии богат и разнообразен, здесь представлена как лесная фауна, так и степная (в Месягутовской лесостепи). Кроме того, изредка отмечается проникновение в рассматриваемый район ряда северных животных (северный олень). Надо также отметить, что если в настоящее время численность животных повсеместно сократилась, то здесь она сохранилась наиболее полно.

Из отряда хищных представлены: волк, медведь, горноста́й, лисица, ласка, барсук, куница, рысь; из грызунов: белка, заяц-беляк, заяц-русак; из копытных: лось, косуля. Водная фауна: норка, выдра, ондатра. Фауна птиц гораздо богаче, чем фауна млекопитающих. Из куриных встречаются глухарь, рябчик, тетерев, куропатка; из утиных – кряква, шилохвость, широконоска, чирок-свистунок и др. В реках и озерах наиболее распространены: окунь, ерш, судак, налим, сом, карась, линь, пескарь, лещ, язь, плотва, голавль; в горных реках изредка встречаются хариус, таймень и форель. Из лососевых раньше приходила на нерест в р. Уфу белорыбица (Тахаев Х.Я. – 1959).

Оценивая географические и климатические условия в целом, надо отметить, что северо-восток Башкирии является районом, достаточно благоприятным для обитания человека. Но он мало приспособлен для занятия земледелием. В большей степени – для скотоводства, охоты и рыболовства.

Лесное Среднее Зауралье представляет собой восточные отроги Уральских гор, состоящие из коротких увалов высотой редко более 150–400 м, а самые высокие из них не превышают отметки 800 м (Физическая география СССР. – 1976. – С.264). На севере, на широте г. Верхотурья, постепенно расширяясь к югу и достигая на юге Свердловской и на севере Челя-

бинской областей ширины 90–100 км, к восточным отрогам Уральских гор примыкает зона Зауральского пенеппена. Она представляет собой холмисто-волнистую возвышенность, абсолютная высота которой убывает от 400 м в предгорной части до 190 м на востоке, в районе уступа, через который Зауральский пенеппен переходит в равнинную Западно-Сибирскую низменность. Граница этого уступа проходит примерно по линии городов Верхотурье – Алапаевск – Каменск-Уральский – Челябинск – Троицк и уходит затем в пределы Кустанайской области.

Растительный покров и почвы рассматриваемого региона неоднородны. На основной территории Среднего Зауралья располагается подзона южной тайги с преобладанием ягодниковых и бруснично-черничных сосняков на дерново-подзолистых почвах. Вдоль самого Уральского хребта тянутся леса, в которых преобладает ель. Леса имеют хороший травяной покров, слабую заболоченность по сравнению с Северным Уралом; болота здесь в основном низинные и реже переходные (Колесников Б.П. – 1969. – С.107; Прокаев В.И. – 1976. – С.31). На юго-востоке области, на широте примерно Екатеринбурга, к подножию Среднего Урала подходят лесостепи, хорошо выраженные в северной части Южного Урала. Они характеризуются сочетанием лиственных лесов и луговых степей на серых и черноземных почвах (Прокаев В.И. – 1976. – С.31–32).

Лесостепная зона находится в Зауралье и простирается к югу от границ со Свердловской областью до р. Уй, охватывая северо-восточную и центральную части области. В почвенном покрове преобладают серые лесные почвы и слабо оподзоленные черноземы, местами тучные черноземы и солонцы.

В растительном покрове чередуются сосновые, елово-сосновые и березово-сосновые леса с лугами и участками луговой степи. Здесь расположены районы: Аргаяшский, Каслинский, Красноармейский, Кунашакский, Октябрьский, Сосновский, Троицкий, Увельский, Уйский, Чебаркульский.

Степная зона занимает весь южный выступ области начиная от широтного течения р. Уй до границы с Оренбургской областью. По характеру рельефа вся зона представляет собой холмистую равнину. По середине зоны проходит Урало-Тобольский водораздел, по которому во многих местах обнажаются большие гранитные массивы. Почвы этой зоны в основном черноземные с ковыльно-разнотравными степями.

Климат Среднего Зауралья континентальный. Безморозный период в зоне южной тайги длится 95–105 дней, средняя температура июля – +17–17,5°, годовая сумма осадков составляет 450–500 мм. В лесостепной зоне климат несколько мягче и суше. Безморозный период здесь длится 100–115 дней, средняя температура июля достигает 17–19°, годовая сумма осадков – 400–450 мм (Прокаев В.И. – 1976. – С.31). Зима относительно морозная, снежные покровы в районе Екатеринбурга достигают в среднем 50 см (Шварц С.С. и др. – 1951. – С.133). Среднее годовое количество осадков колеблется от 400 до 600 мм, а в горных районах и более.

Животный мир Среднего Зауралья разнообразен. В лесной зоне встречается 53 вида млекопитающих из 72 видов, известных на Урале, и 195 видов птиц из 229 известных. Среди животных наиболее типичными являются: россомаха, бурый медведь, белка, заяц, волк, лисица, лось, косуля; среди птиц – утки и дикие гуси. Как будет отмечено выше, современный животный мир по видовому составу мало чем отличается от животной фауны эпохи бронзы.

Современные природные условия, кроме северных и горных районов, весьма благоприятны для сельскохозяйственной деятельности, в частности для животноводства и земледелия.

2.2. Данные палеогеографии

Цикличность и изменчивость климата в настоящее время не вызывает возражений в среде специалистов (Косарев М.Ф. – 1984. – С.32–36). Неясным остается уровень цикличности и влияние климатических циклов на окружающую среду в разных регионах Северной Евразии.

По вопросу о природно-климатической ситуации в Урало-Прикамском регионе в эпоху поздней бронзы среди специалистов нет единого мнения. Споры вызывают прежде всего две проблемы: был ли в рассматриваемое время так называемый ксеротермический период и происходило ли смещение ландшафтных зон (изменялась ли граница леса и лесостепи) в рассматриваемый хронологический отрезок времени. Наряду с данными естественных наук для решения этих проблем привлекаются и археологические наблюдения. Нам нет необходимости давать подробный обзор всех точек зрения, высказанных палеогеографами по отмеченным проблемам. Уральские и западно-сибирские археологи проделывали это неоднократно (Бадер О.Н. – 1960; 1974. – С.225–229; Косарев М.Ф. – 1974; 1981; 1984; Потемкина Т.М. – 1976; 1985; Молодин В.И. – 1985). Остановимся только на некоторых итогах.

В работах М.Ф.Косарева (1981, 1984) и Т.М.Потемкиной (1985) на основании большого материала показано, что в Зауралье и Притоболье в эпоху бронзы природная обстановка отличалась от современной более сухим климатом, а в начале раннего железного века (VIII–V вв. до н.э.) отмечается изменение в сторону влажности и похолодания. Невыясненным остается вопрос о ландшафтно-климатических изменениях на Урале и в Приуралье: развивался ли здесь климат по сибирскому или восточно-европейскому образцу.

Восстановлению растительного покрова Приуралья в голоцене посвящено немного работ, но почти все они страдают отсутствием прочного радиоуглеродного датирования. Отсутствие абсолютных датировок приводило исследователей к противоположным выводам. Так, Т.П.Рябова (1965. – С.75), изучавшая растительность Башкирского Приуралья в голоцене, установила, что в древнем голоцене эта территория была покрыта ле-

ли березовые леса с примесью сосны и липы. Местами преобладали сосновые леса. Во второй половине заметно возросло количество липы (Немкова В.К. – 1976. – С.270).

А.Х.Мукатанов на основе изучения почв из срубного кургана Старо-Ябалаклинского могильника пришел к заключению, что погребенная реликтовая почва сформировалась при более континентальном сухом и жарком климате с мягкой и теплой зимой (Морозов Ю.А., Мукатанов А.Х. 1991. – С.100).

Эти выводы подтверждаются и результатами анализа слоев с остатками культур бронзового века. Так, в левобережье нижнего течения Камы, на стоянках Золотая Падь и Дубовая Грива с материалами срубной культуры, выделены спектры, в которых преобладала пыльца березы, но она единична, в остальных же преобладала пыльца хвойных (Немкова В.К. – 1978. – С.37).

Памятники второй половины суббореала на территории Башкирии палинологическим методом не изучались, но в верхних горизонтах суббореальных отложений на стоянках Сюнь II и Муллино II также отмечено увеличение роли хвойных. На фоне сосновых лесов левобережья Белой в рассматриваемое время встречались и лесостепные ассоциации.

В нижнем Прикамье целый ряд памятников содержит культурные слои от неолита до поздней бронзы на одних и тех же высотных отметках от современного уровня водоемов. С учетом этих наблюдений можно предполагать, что колебания увлажненности не имели резко выраженных форм на территории Иско-Бельского междуречья, Нижнего Прикамья и в бассейне Вятки; не были связаны с такими катастрофическими явлениями, как затопление и перенос поселений на более высокие места, наблюдаемыми по материалам Северного Казахстана и юга Западной Сибири.

Для горнолесных районов Среднего Зауралья, где концентрируется основная масса черкаскульских и межовских памятников, характерна не горизонтальная, а вертикальная зональность (Физическая география СССР. – 1976. – С.254, 258). Границы между лесной и лесостепной зонами горной страны Урала сейчас проходят примерно на 200 км южнее, чем на прилегающих горных равнинах и низменностях (Колесников Б.П. – 1969. – С. 129). Видимо, и в древности, если даже придерживать точки зрения об усыхании климата и сдвиге ландшафтных зон к северу, Среднее Зауралье и северная часть горного Южного Зауралья вряд ли выходили за пределы лесной зоны, т.е. горнолесное Зауралье в меньшей степени испытывало на себе влияние отмеченных процессов.

Подводя итоги краткого обзора палеогеографических исследований в регионе, можно заключить следующее. Эпоха поздней бронзы соответствует второй половине суббореальной фазы и совпадает со среднесуббореальным потеплением (2200–1400 гг. до н.э.) и позднесуббореальным похолоданием (1400–500 гг. до н.э.). Отмечая потепление, палеогеографы подчеркивают, что оно не носило характера каких-либо значительных изменений, и резкого смещения ландшафтных зон не происходило. Однако это не озна-

чает, что климатические изменения не оказали влияния на характер растительности в пределах устойчивых ландшафтных зон, что могло повлиять на степень специализации хозяйства обитавшего там населения. В целом же климат суббореальной фазы был значительно холоднее, чем в атлантичское время; более сухим в начале и более влажным во второй ее половине.

Район Предуралья был в это время южной границей лесной зоны, которая проходила севернее широты г. Стерлитамака (Немкова В.К. – 1985. – С.5). Вероятно, такое проникновение лесных массивов в Предуралье на расположение ландшафтных зон следует объяснять влиянием Уральских гор, которые в отличие от соседних территорий вытянуты в меридианном направлении.

Районы Западного и Восточного Закамья представляли территории с преобладанием березовых лесов с примесью липы и хвойных. Значение липового леса здесь особенно возрастает во второй половине суббореала, что указывает на увеличение влажности. В конце этой же фазы увеличивается роль хвойных. Существование лесных массивов в среднем суббореале в лесной зоне не исключает наличия безлесных и слабозалесенных пространств (Краснов Б.А. – 1971. – С.8; Немкова В.К. – 1978 – С.5; Хотинский Н.А., Немкова В.К., Сурова Т.А. 1982. – С.152).

На основании многочисленных наблюдений была доказана топографическая зависимость поселений в бронзовом веке от низкого уровня воды в реках и озерах, в начале железного века – от высокого (Косарев М.Ф. 1984. – С.36).

В Бельском бассейне памятники энеолита все же чаще располагаются на низких пойменных берегах рек или озер (Обыденнов М.Ф. 1978. – С.161). Ряд поселений расположен на участках поймы, ныне заливаемых водой в паводок, или же культурные слои на них перекрыты наносными отложениями глины. К таким, указанным К.В.Сальниковым памятникам на территории Южного Урала (Сальников В.К. – 1967. – С.173–174), можно дополнительно отнести Чесноковское I, Юмагузинское II, Старо-Яппаровское III, Калиновское поселения. Все они перекрыты 40–60-сантиметровым слоем аллювиальной глины. На федоровско-черкаскульском поселении Коркино I в Зауралье при расчистке хозяйственных ям в них проступила вода. Колодцы в жилищах ряда поселений (Тюбяк, Юмаковское и др.) так и не были выбраны до дна из-за проступившей грунтовой воды. Наконец, топографическое расположение части поселений ПБВ на высоких террасах рек может косвенно указывать на высокое стояние грунтовых вод в конце бронзового и в переходное время к железному веку.

Усыхание климата, по мнению М.Ф.Косарева (1981. – С.22), должно было вызвать обмеление озер и речек, ухудшение условий жизни в открытых степях, появление лесов в озерных котлованах и пересыхающих речных поймах, ухудшение условий для рыболовства и охоты на степных копытных, благоприятные условия для пойменного скотоводства и земледелия.

Усыхание климата в начале второй половины II тыс. до н.э. вызвало движение андроновских групп населения к северу как в Зауралье, так и в Приуралье, результатом чего было сложение луговой культурно-экономической общности и ее локальных вариантов на территории лесостепи и в южно-лесной зоне, где, видимо, существовали лесостепные участки. Движение черкаскульского населения из Среднего Зауралья в юго-западном направлении, в Приуралье, очевидно, также следует связывать с этими явлениями.

При увлажнении климата в начальном периоде железного века на уральских материалах так же, как и на западносибирских, наблюдаются перемещения населения, озабоченного адаптацией к изменившимся условиям среды. В Зауралье передвигается к югу население гамаюнской культуры, которого здесь не было. Сдвигается в Среднее Прибье из Прикамья курмантауская группа, затем появляется население с раннеананьинской сложношнуровой керамикой. Из северного Приуралья на Вятку и Каму передвигается волна населения с многошнуровой керамикой, близкой лебяжской, видимо, давшая начало ананьинской культуре Прикамья со шнуровой орнаментацией. В экономике этих культур фиксируется больший удельный вес присваивающих форм хозяйства по сравнению с предшествующим временем.

Таким образом, заключая, можно подчеркнуть, что в предгорных долинах Урала климатические изменения не сказывались в такой мере, как на равнинах (например Западносибирской) и, вследствие вертикально сдвинутой к югу зональности, Урал был более защищен от воздействия климатических колебаний, сохраняя благоприятные условия для устойчивой экономики древних коллективов.

ГЛАВА III. КРАТКИЙ ОЧЕРК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

3.1. Черкаскульская культура

Памятники черкаскульской культуры сосредоточены в южно-лесных районах Зауралья, откуда культура распространилась на другие территории – в Притоболье, Казахстан, Алтай, в Прикамье, в лесостепные районы Урала. В Зауралье поселения располагаются по берегам озер (до 85%), в других районах – по берегам рек, занимая края невысоких террас или их мысы. По наблюдению А.Ф.Шорина, преобладают поселения площадью до 7 тыс. кв. м. Эталонными памятниками являются поселения Черкаскуль II, Березки V, Липовая Курья, Юкаликулевское. Большей частью поселения многослойные, но черкаскульская керамика хорошо диагностируется. Изучено свыше десятка черкаскульских жилищ, представляющих собой изолированные полуземлянки или наземные постройки площадью 20–40 кв. м. и 160–180 кв. м.

Погребальный обряд представлен чисто черкаскульским (Березки V₁, Перевозный Ia) и черкаскульско-федоровскими (Ново-Буринский, Б.Караболкский, Туктубаевский, Кинзерский, Приплодный Лог) могильниками. Наиболее ранними могильниками являются Березки V₁ и Перевозный Ia, охарактеризованные А.Ф.Шориным. Погребения совершены в простых могилах, окруженных оградками из камней; костяки уложены на правый бок в среднескорченном положении; кисти рук перед черепом или на линии таза. Преобладает восточная и юго-восточная ориентировка. Инвентарь представлен сосудами и височными подвесками.

В лесостепных районах Зауралья захоронения совершались под курганами со сложными входами в погребальные сооружения (Приплодный Лог I), которые известны и в чисто черкаскульских могильниках лесной зоны. Черкаскульско-федоровский погребальный обряд характеризуется трупосожжением на стороне с последующим захоронением остатков в могиле (Туктубаевский, Б.Караболкский, Кинзерский и др.). В могилах или около них обычны ребра мелкого рогатого скота, лошади, реже крупного рогатого скота. Кости диких животных (косули, лося и др.) встречены как исключение.

Керамика черкаскульской культуры преимущественно горшечной формы с округлой шейкой и небольшим дном. Примесь – тальк. По технологии сосуды близки федоровским. Геометрический орнамент занимает две трети поверхности, но встречаются неорнаментированные сосуды. В технике орнаментации господствуют желобчатые прочерчивания (до 42%), меандры (до 15%) и треугольники (до 10%), валики, воровнички, елочки, ромбы редки.

Керамические комплексы черкаскульской культуры образуют две хронологические группы (А.Ф.Шорин). Радиоуглеродные даты поселений Липовая Курья (3050±60 л. н.), Туктубаево (1230±40 л. н.), Кокшаровско-Юрьинского (3280±40 л. н.), Боборыкинского (3420±65 л. н.) – дают значительный разброс, но с привлечением данных синхронных культур и вещевого комплекса позволяют датировать XIV–XII вв. до н.э. черкаскульскую культуру.

Вещевой комплекс не многочисленный. Кроме случайных находок на черкаскульской территории (ножи, топор, копья, серпы) в комплексах встречены литейные формы (Кокшарово I, Липовая Курья), иглы, шилья, подвески из бронзы и набор вещей на поселениях Явленка I, Коркино I.

Черкаскульские памятники компактно расположены в Среднем и Южном Зауралье и образуют два локальных варианта: тагильско-кокшаровский и невьяно-миасский; различия между ними были показаны А.Ф.Шориным.

Происхождение черкаскульской культуры связано с коптяковскими, федоровскими комплексами и комплексами нерасчлененного облика. А.Ф.Шорин считает, что оформившаяся около XV в. до н.э. черкаскуль-

культура, уходящая истоками в аятскую, «подавив» коптяковскую орментальную традицию, стала господствующей в Среднем Зауралье.

3.2. Межовская культура

Памятники межовского типа (этапа) были выделены К.В.Сальниковым (1964), затем М.Ф.Косаревым (1976, 1981), автором (1981), А.Ф.Шоным (1988). Последним обоснована межовская культура. В период своего наибольшего распространения памятники этой культуры занимали территорию южно-лесной и лесостепной зон Урала. На востоке межовская культура смыкается с типологически весьма близкой бархатовской культурой, на западе – с луговской на ее позднем этапе. Эталонными поселениями являются Лужки I, Межовское, Юкаликулевское (верхний горизонт), Ново-Кизгановское II, Инзелга.

Всего известно свыше 200 памятников межовской культуры, большая часть которых расположена в Зауралье. Поселения и стоянки занимают в основном террасы (40,2%) или мысы (43,9%), образованные речными террасами. 7% известных памятников расположены на высоких мысах, где в последствии возникли городища раннего железного века.

Долговременные поселения, которых известно 29 или 17,2% от всех поселенческих памятников, характеризуются значительной мощностью культурного слоя и наличием жилых построек. Это поселения Замараевское, Юкаликулевское, Лужки I и Черкаскуль II в Зауралье и Ахметовское I, Старо-Кабановское II, Тюбьяк, Юмагузинское I в Приуралье. В лесной зоне площади отдельных поселений составляют в среднем от 1 до 5 тыс. кв. м с количеством построек от 1 до 4, редко больше. В лесостепи площади, занимаемые поселениями, достигают 10–35 тыс. кв. м с 10–15 постройками, проследиваемыми по котлованным впадинам. Кратковременные стоянки (Ново-Кизганово II, Инзелга и др.) составляют 25,5% известных памятников. Площади стоянок небольшие – 500–2000 кв. м. Почти половина памятников является местонахождением керамики. Постройки на поселениях, вероятно жилого назначения, учтены в количестве 28, из них 71,5% – полуземлянки. По площади постройки делятся на 4 группы: площадью 8–15 кв. м – 18%; 25–40 кв. м – 14%; 70–150 кв. м – 50%; 250–400 кв. м – 18%. Конструкции большинства построек состояли из столбов, от которых сохранилось до 400 ямок в одном жилище. Глубокие полуземлянки имели, очевидно, бревенчатую верхнюю часть. Внутренняя часть помещений была разделена столбами, которые поддерживали коническую крышу. Очаги кострового типа располагались в центре постройки. Выходы в виде нешироких коридоров выводили в сторону реки; при наличии второго выхода, как правило, он был обращен в противоположную сторону.

Могилиники (Красногорский I, Подорно-Байларский, Тартышевский I) дают представление о погребальном обряде межовского населения. Основным видом захоронений являлись поджурганные в количестве от 1 до 7 под

одной насыпью, но обычно 1–3. Погребения большей частью представлены труположениями в неглубоких могилах, размеры которых зависели от возраста и позы погребенных. Некоторые могилы были оборудованы в насыпи курганов деревянными срубам и в один венец или перекрыты деревом. Сверху над могилой сооружалась песчаная площадка. Можно предполагать, что ноги покойника крепко связывали. Костяки в могилах размещаются в вытянутом, реже в скорченном положении. Ориентировка погребенных в основном восточная и частично западная; последняя преобладает в поздних погребениях.

Вторичные захоронения костей производились в могилах и на уровне горизонта под курганными насыпями. Угли в могилах редки. Сожжения и кострища известны на Красногорском I и Подгорно-Байларском могильниках, но удельный вес этого обряда невысок.

Инвентарь, сопровождающий умерших, представлен 1–2 сосудами и единичными вещами. В погребении встречаются испорченные вещи: сломанные ножи, разбитые сосуды. Покойника снабжали заупокойной пищей: найдены кости мелкого и крупного рогатого скота, реже лошади, кости рыб.

Керамика межевской культуры характеризуется четырьмя показателями: технологией изготовления, формой, степенью орнаментированности и характером ornamentации посуды. Примеси в глиняном тесте нестабильны. Это тальк или раковина, реже песок, слюда, шамот, растительные, выгоревшие при обжиге. Примеси в глине четко привязываются к определенным районам: в бассейне Белой – раковина, Прикамье – раковина и песок, растительные, в Восточном Зауралье – тальк. Характерно, что раковина и тальк имеют полярную зависимость: с уменьшением тальковой примеси возрастает раковина.

Характерны горшки с прямой отогнутой шейкой, с закрытым устьем. Редко встречаются банки, чаши. Количественно преобладают горшки с отогнутой шейкой. 14 основных типов шеек сосудов при коррелировании их с памятниками в различных районах Урала показывают локальные различия форм сосудов. На зауральских поселениях (Коптяки II, Березовское) наиболее характерны сосуды с низкими по высоте вертикальными или сильно наклоненными наружу шейками. Для нижнебельских памятников (Старо-Кабановское II, Ново-Кизгановское II) характерны близкие формы, а также сосуды со средней высотой шейки, отогнутой наружу; на среднебельских поселениях (Затонское II, Жуковское, Ибрагимовское II, Максютинское II) распространены сосуды с низкими и средними по высоте вертикальными и отогнутыми наружу шейками.

Выявленная на основе статистических методов дифференциация форм керамики позволила установить распространение одинаковых форм сосудов на зауральских и приуральских поселениях и уверенно утверждать об их однокультурности.

По территориальному распространению валиковой керамики наблюдается следующая тенденция. Камские памятники содержат ее больше, чем

жнебельские. Но больше всего она фиксируется на зауральских поселениях. Ворогничковая посуда распространена на камских и отдельных бельских поселениях. В Зауралье такая керамика не характерна.

Почти вся посуда орнаментирована по шейке и плечикам. Наиболее типичная техника нанесения узора – резная. Зубчатая орнаментация не является преобладающей на каком-либо памятнике и характерна больше для ранних комплексов.

Статистической обработкой керамики 39 поселений выявлено 16 основных элементов геометрических узоров, наиболее употребляемыми из которых были следующие: горизонтальная «елочка», линии, решетка, зигзаги, штрихованные ленты и каплевидные насечки. Выявлены элементы орнамента, характерные для отдельных памятников и различных районов Урала. Елочная орнаментация является наиболее типичной, хотя по удельному весу среди 16 элементов занимает не первое место, уступая горизонтальным прочерченным линиям и насечкам. Елочный мотив занимает ведущее место в орнаментике керамики памятников Южного Приуралья и части памятников Зауралья. Обычно шейки сосудов украшались орнаментальным мотивом, состоящим из решетки, горизонтальных линий, каплевидных вдавлений, наклонных насечек, а стенки – мотивом ромбов, штрихованных лент, наклонных линий с бахромой.

Исходя из анализа керамики определены хронологические позиции признаков и ряда комплексов, которые корректируются и по вещевому инвентарю. Ранними признаками являются наличие баночных форм сосудов, более полное заполнение орнаментом поверхности сосудов, высокий удельный вес зубчатых и уголкового вдавлений, гладкое оформление шейки. К поздним признакам относятся такие, как высокий удельный вес чашевидных форм, наличие валиковой и воротничковой посуды, резная упрощенная орнаментация, появление ямок и шнуровых оттисков. Так, например, на Юкаликулевском поселении удельный вес в слое сосудов с гладкими шейками возрастает с 53 до 92%, а валиковой посуды сокращается с 42 до 8%. Угловые оттиски также увеличиваются с 2,8 до 18%.

Другой инвентарь характеризуется разнообразными орудиями из бронзы (кельты, долота, серпы, шилья, иглы, рыболовные крючки, наконечники стрел, копий, дротиков, бритвы), немногочисленными украшениями (браслеты, подвески, серьги, бляшки), железом (ножи, мотыга, шило), многочисленными изделиями из кости (лощила, проколки, ножи, штампы, рукояти ножей, кочедыки, тесла, молотки, наконечники стрел, гарпуны), деталями одежды и быта (пуговицы, пряжки, амулеты, ложечки), деталями конской сбруи (псалии).

Каменный инвентарь представлен изделиями из кремня (наконечники стрел, дротиков), из других пород камня (песты, топоры, молоты, тесла, терочники и терочные плиты, наковальни, оселки, диски, шары, булава). Найдены многочисленные орудия для обработки металла (литейные фор-

мы из камня и глины), орудия ткачества (пряслица), предметы для иго (вюрфели).

● Глиняный инвентарь составляют изделия для ткачества (пряслица, лепные и из стенок керамики), ложила, орудия литейного производства (литейные формы, тигли чашевидные и рюмкообразные, льячки, поделки и скульптурные изображения рыбы, уточки, вюрфели).

В развитии межовской культуры намечено два этапа – собственно межовский, к которому относятся большинство поселений и могильников Зауралья и Приуралья, и березовский, характеризующий заключительный этап межовских древностей. Березовских памятников немного, и они локализованы в предгорьях Зауралья.

Межовская культура синхронизируется с КВК Евразии, их начальные этапы принято относить не ранее XIII–XII вв. до н.э., к тому же нижняя дата Межово определяется верхней границей черкаскульских памятников. Таким образом, начало межовской культуры датируется XII–XI вв. до н.э., а ее поздние памятники, очевидно, доживают до VII в. до н.э.

Межовская культура генетически связана с черкаскульской, является ее продолжением. Об этом свидетельствует как эволюционное развитие керамики (В.С.Стоколос), так и антропологический тип населения (А.В.Шевченко). В то же время следует иметь в виду другие компоненты, главным образом андроновский, а в Приуралье – луговской, которые оказали влияние на формирование межовской культуры.

Межовские памятники на Урале можно разделить на два подрегиона – зауральский и приуральский – и рассматривать их в качестве локальных вариантов. Зауральский вариант межовской культуры смыкается с территорией бархатовской культуры (А.В. и Н.П.Матвеевы, В.И.Стефанов, О.Н.Корочкова), которая, видимо, входит в родственную ей ирменско-бархатовско-межовско-луговскую культурно-хозяйственную область, обусловленную андроновидной основой. При участии межовской культуры зауральского варианта складываются три родственные культуры: иткульская, горюховская и гафурийская. Несколько ранее межовцы приняли участие в формировании курмантауского варианта маклашеевской культуры бассейна р. Белой.

3.3. Луговская культура

Срубные поселения и могильники являются самыми многочисленными из всех видов памятников бронзового века Заволжско-Приуральского региона. Несмотря на кажущуюся однородность культуры Волго-Бельского региона, в разных районах обитания срубных племен прослежены специфические особенности. Наибольшие отличия наблюдаются между северными (Закамский, Нижнебельский) и южными (Заволжский, Демский, Среднебельский) районами. Они проявились в погребальном обряде, керамике и в степени связей с окружающими их культурами (Обыденнова Г.Т. – 1985)

Аргументировано выделение трех этапов развития срубных древностей лесостепных районов Заволжья и Приуралья: первый – XVI в. до н.э.; второй – XV – начало XIV вв. до н.э.; третий – середина XIV в. до н.э.

По погребальному обряду выделяются две группы захоронений – ранняя и развитая, которые синхронизируются с ранним и развитым этапами срубной культуры региона; 43% ранних погребений имеют сложные могильные конструкции: ступеньки, перекрытие деревом и т.д. Костяки в погребениях лежат скорченно, на левом боку, головой на северо-восток (58%) или север (29%). Характерными признаками погребального обряда памятников раннего периода лесостепной зоны Заволжья и Приуралья являются насыпи крупных размеров, круглой в плане формы с небольшим количеством погребений (от 3 до 5); могильные ямы четкой прямоугольной формы, наличие ступенек в них; большой процент могильных ям ориентирован по линии северо-восток – юго-запад; наличие в могилах мела и охры, растительной подстилки; слабая степень скорченности костяка (Обыденнова Г.Т. – 1985).

На поселениях этого этапа встречается абашевско-срубная синкретическая керамика, орнаментация посуды веревочкой и кружковым узором.

На втором этапе сложной и более разнообразной организацией погребального обряда отличаются курганы южных районов лесостепного региона. В это время появляются курганы, содержащие от 5–6 до 20–25 погребений и даже больше. В погребениях второго этапа отсутствуют ступеньки в могилах. Деревянные конструкции в могильных ямах зафиксированы в 18% погребений. Сооружение их в это время прослежено только в южных районах. Ведущим остается положение костяка на левом боку со средней степенью скорченности, с северной (29%) и северо-восточной (24%) ориентацией. В южных лесостепных районах региона (Заволжский, Демский, Среднебельский) ведущей являлась северная, в северных же районах (Закамский, Икский, Нижнебельский) – северо-восточная ориентация погребенных. Чаще, чем на первом этапе (2,6%), встречается в окраинных районах региона положение умершего на правом боку.

Погребения третьего этапа развития срубной культуры региона немногочисленны. Поселения с валиковой керамикой содержат керамические комплексы более поздних культур: луговской, черкаскульской, межовской (поселение Тавлыкаево и др.).

Прослеживаются срубно-андроновские контакты с алакульской культурой, проникновение элементов которой особенно сильно шло по левым притокам Волги – Самаре, Соку, Кондурче. В северных окраинных районах число срубных памятников с алакульскими чертами незначительно. Воздействие алакульской культуры ощущается уже на раннем этапе развития срубной общности. Если алакульское проникновение на запад фиксируется по югу лесостепи, то федоровское – по северным лесостепным районам, граничащим с южнолесной зоной и только на материалах поселений.

Обоснованная в 50-е гг. А.Х.Халиковым приказанская культура не претерпела значительных трансформаций, хотя произошло существенное увеличение источниковедческой базы по ПБВ Волго-Уралья. В настоящее время совершенно очевидна невозможность объединять древности ПБВ Волго-Камья в рамках одной, автохтонно развивающейся от энеолита до раннего железа археологической культуры. Очевидно, что памятники маклашеевского этапа, по А.Х.Халикову, знаменуют образование единой культурно-исторической общности с несколькими вариантами, назвать которую возможно маклашеевской. Более ранние памятники Прикамья целесообразно вслед за А.В.Збруевой и Л.И.Ашихминой рассматривать в рамках луговской культуры, в состав которой следует включать сусканский вариант лесостепного Заволжья. За собственно приказанской культурой необходимо сохранить типологически близкие по керамике памятники Волго – Усть-Камского района, содержащие значительные черты срубной культуры. Связь приказанской культуры с волосовской по-прежнему сомнительна (В.П.Третьяков), хотя займищенская группа поселений содержит относительно много энеолитических черт. В то же время связь немногочисленного населения, близкого к чирковосейминскому, с более поздними памятниками приказанской культуры (балымско-карташихинскими) на широком материале не прослеживается. В отличие от принятого в работах А.Х.Халикова понимания приказанской культуры собственно приказанскую культуру (без маклашеевских и луговских памятников) целесообразно называть балымско-приказанской.

Луговская культура выделена А.В.Збруевой и подробно охарактеризована на среднекамских материалах Л.И.Ашихминой (1985). Поселения (Луговское I, Ананьинская дюна, Агидельское и др.) располагаются по берегам Камы и ее притоков, стариц. Дополнительные (1987–1988 гг.) раскопки К.И.Корепанова на Луговском I, III, IV поселениях, а также раскопки 1991 г. Агидельского поселения в устьях р. Белой позволили наметить периодизацию луговских поселений.

Характерным элементом луговских жилищ являются соединенные переходами многокамерные полуземляночные постройки, сохраняющие традиции волго-камского энеолитического домостроительства. Встречаются и изолированные постройки.

В керамике луговской культуры прослеживается переход от баночных форм к горшковидным, увеличение отогнутости горловины горшков, переход от гладко оформленной шейки к оформлению ее валиком и воротничком. Если ранняя луговская керамика (Агидельское поселение) сохраняет черты андроновидной геометрической орнаментации, то поздняя луговская близка межовской посуде по линейной и резной слочной орнаментации.

Погребальный обряд луговской культуры характеризуется погребениями Такталачукского могильника, который весьма близок черкаскульским могильникам, однако содержит и иную керамику, в которой выделяются только черты черкаскуля. К Такталачуку примыкают Балымское, Со-

оловский IV могильник в устье Камы. Погребальный обряд луговской культуры характеризуется подкурганными захоронениями в простых ямах глубиной до 0,6 м, костяк в скорченном положении на левом или правом боку, реже вытянут на спине. Инвентарь состоит в основном из одного сосуда и бронзового ножа, другие вещи встречаются редко.

В Заволжской лесостепи на материалах поселения Сускан, Лебяжинка I, Русская Селитьба и др. Ю.И.Колевым (1991) была выделена сусканская группа памятников, которую мы, ввиду тождественности этих материалов с луговскими, склонны рассматривать в качестве сусканского варианта луговской общности.

Сусканские древности представлены поселениями и несколькими случайными находками, характеристика которых дана Ю.И.Колевым. В Южном Приуралье сусканским близки материалы Старо-Яппаровского I и Кангуловского I поселений, относимых нами ранее к межовской культуре. Достоверных могильников сусканского варианта в Среднем Поволжье пока неизвестно, но, очевидно, погребальный обряд их будет близок к Тактачукскому могильнику.

На Средней Каме и Вятке прослеживаются своеобразные памятники луговской общности, которые также возможно рассматривать в качестве локальных вариантов. На Средней Каме – это Симонихинское, Поваренкинское, Дикое Озеро, Половинное, возможно, Красноплотбищенский могильник. Керамика Симонихинского поселения близка раннелуговской по суду и сохраняет черты позднечеркасульского орнаментального комплекса.

В Вятском бассейне близкий материал дает поселение Изран; ряд поселений (Акшубань I, Буй I, Лобань I) относится к позднелуговскому времени. Для лесных таежных районов характерно отсутствие могильников (известен только Красноплотбищенский) и крайняя малочисленность изделий из бронзы или следов металлообработки.

В вопросе о происхождении луговской культуры по-прежнему много неясного. На керамике ранних памятников отчетливо прослеживаются черты андроновско-федоровской и черкасульской культур, поздних - межовской. В тоже время нельзя не доучитывать роль срубного субстрата в сложении луговской культуры.

В XV-XIV вв. до н.э. в Заволжско-Приуральской лесостепи, в среде срубного населения фиксируется мощное андроновское влияние (металл, андроновский антропологический тип, появление федоровской керамики). По северной границе лесостепи и южной кромке лесов вплоть до устья Камы фиксируется проникновение черкасульских групп населения. Все эти перемещения, очевидно, привели к тому, что, растворив срубный субстрат и, возможно, включив остатки местного населения лесного Прикамья (типа поселения Заосиновское VII и керамики какрыкульского типа), они дали начало луговской культурной общности. Видимо, исходные компоненты ее в разных районах Прикамья и Заволжья были разные, но все они впитали ведущий андроновский субстрат. В этом смысле луговскую куль-

туру можно включать в круг культур андроновидной общности наряду с черкаскульской и еловской.

Датировка луговской культуры укладывается в период XIV–XII/XI вв. до н.э., что основывается на находках вещей, переходных от сейминских к постсейминским, и преобладанием последних.

3.4. Маклашеевская общность

В переходный период от бронзы к железу в Прикамье начинают формироваться основы ананьинской культурно-исторической общности. Переходное состояние представляет собой поиски новых форм хозяйственной адаптации, увеличение производственно-технических возможностей общества, нарастание темпов развития производительных сил (М.Ф.Косарев).

Маклашеевские древности, блестяще охарактеризованные А.Х.Халиковым, на современном уровне уже невозможно рассматривать в качестве завершающего этапа приказанской культуры и вслед за многими исследователями (В.Ф.Генингом, С.В.Кузьминых, Н.Л.Членовой, Л.И.Ашихминой и др.) их следует рассматривать в рамках пяти локальных вариантов (маклашеевского, кокшайского, быргындинского, курмантауского и ерзовского) маклашеевской культурно-исторической общности.

Маклашеевский вариант локализован в прилегающих к устью Камы районах Среднего Поволжья и низовьях Камы. Характеристика его дана в работах А.Х.Халикова. Поселения площадью 3,5 тыс. кв. м в основном с 4–5 постройками располагаются на краях надпойменных террас, но появляются и поселения-городища (Казанка II, Курган). Характерны удлиненные изолированные жилища наземного типа. Могильники (Маклашеевские I–III, Полянские I, II, Ново-Мордовские V, VIII, Тетюшский, Березово-Гривский II, Криушинский) содержат 113 погребений и характеризуются биритуальностью с постепенным изживанием курганного обряда и переходом к речной ориентации.

Среди маклашеевской посуды обращают на себя внимание две группы сосудов: профилированные круглодонные сосуды с прямой или отогнутой шейкой и чашевидные круглодонные сосуды со слабо выраженной шейкой, украшенные в верхней части ямочными наколами. Последняя группа керамики, распространенная в могильниках, сближается с раннеананьинской посудой.

По многочисленным наблюдениям А.Х.Халикова, П.Н.Старостина, В.Н.Маркова и др., на основе маклашеевских материалов устькамского района Волги формируется раннеананьинская культура, отличная от шнуrowой ананьинской. Появление последней В.Н.Марков (1988) связывает с проникновением с Вятки населения многошнуровой керамики, у которого обряд погребения в могильниках был неизвестен.

Памятники кокшайского варианта были выделены В.С.Патрушевым в Марийском Поволжье (1984). Он считает, что на кокшайском этапе проис-

ходит слияние маклашеевского и псевдосетчатого населения и формируются ранний этап ахмыловской культуры. Другие исследователи (А.Х.Халиков, С.В.Кузьминых, В.В.Никитин, Б.С.Соловьев, В.Н.Марков) рассматривают территорию Марийского Поволжья как контактную зону между двумя самостоятельными культурными образованиями – маклашеевской и текстильной керамикой, причем отмечается, что процесс слияния населения не завершился и в раннем железном веке. Солидаризируясь с последней точкой зрения, отметим своеобразие маклашеевских материалов Марийского Поволжья и возможность выделения их в своеобразный кокшайский вариант, главным содержанием которого являются этнокультурные связи с населением текстильной (псевдотекстильной) керамики.

Поселения кокшайского варианта занимают невысокие дюнные всхолмления, вытянутые вдоль рек или края террас. На поселениях зафиксировано от 1 до 13 впадин от 9 изолированных, подквадратных в плане построек со слегка углубленным полом и каркасно-столбовой конструкцией наземной части (Кокшайское IV, Барлужерское IV, Ахмыловское и др.). На Волжском I и Кокшаровском II поселениях прослеживаются следы ограждений (ров, частокол).

Могильники маклашеевской общности здесь неизвестны.

Помимо маклашеевской посуды на кокшайских памятниках распространена текстильная керамика, причем количество ее даже в одном районе неодинаково. Малое количество текстильной керамики в кокшайских комплексах, весьма возможно, является хронологическим признаком.

Металлических изделий на памятниках Марийского Поволжья нет, а случайные находки, видимо, являются импортами из Нижнего Прикамья. Формирование кокшайского варианта маклашеевской общности происходило на территории Марийского левобережья Поволжья под влиянием устькамских групп маклашеевского населения и племен текстильной керамики.

Датировка кокшайского варианта при отсутствии датирующих вещей в собственно кокшайских комплексах устанавливается на основании ахмыловских могильников (VII в. до н.э.), функционирование которых связано с дальнейшим развитием кокшайского населения. Видимо, это время датируется IX–VIII вв. до н.э. В.С.Патрушев вслед за А.Х.Халиковым датирует начало кокшайского этапа X в. до н.э., что находится в противоречии с датированными комплексами восточных районов маклашеевской общности.

Восточнее, по берегам Камы, очерчивается быргындинский вариант маклашеевской общности, выделенный Л.И.Ашихминой (1985) в быргындинскую культуру. Нами (Обыденнов М.Ф. – 1981) выделялся быргындинский этап в развитии поздней бронзы Приуралья. В настоящее время это один из наиболее изученных вариантов маклашеевской общности. Содержание быргындинского варианта определяется многокомпонентностью: дальнейшим развитием предшествующего луговского населения, появлением с запада пришлого, маклашеевского, компонента. В качестве местно-

го добыргындинского компонента, очевидно, будет выступать не только позднелуговской, но и межовский комплекс Южного Приуралья.

Поселения быргындинского варианта локализуются в среднекамском и нижнекамском районах, смежных с устьем Белой и Вятки. На поселениях выделяются постройки трех типов: соединенные переходами полуземлянки, изолированные полуземлянки и наземные постройки (Ашихмина Л.И. – 1985). Погребальные памятники (Луговской и Кумысский могильники) также характеризуют многокомпонентность населения, что фиксируется по двум типам погребений: скорченному на боку с северной ориентировкой и вытянутому на спине головой к реке. Л.И.Ашихмина полагает, что происхождение обряда скорченного погребения связано с луговским наследием, а вытянутого – с пришлым маклашеевским. Следует иметь в виду, что обряд вытянутого захоронения на спине был характерен и для межовского населения Приуралья, чей компонент присутствует в быргындинских древностях. Керамика быргындинского варианта детально разобрана Л.И.Ашихминой. Выделено два типа сосудов – плоскодонные горшки и круглодонные сосуды с высокой вертикальной шейкой, на которых распространены горизонтальные зигзаги, елочки, решетки, треугольники, ромбы, бахрома. Сочетание этих форм ведет к появлению только круглодонных сосудов со смешанной маклашеевско-луговской орнаментацией. Нами (Обыденнов М.Ф. – 1981) и Л.И.Ашихминой (1985) обоснована дата быргындинских памятников XI–VIII вв. до н.э.

Культура курмантау рассматривалась в работах К.В.Сальникова и А.В.Збруевой. В.А.Иванов (1982), специально занимавшийся проблемой культуры курмантау, пришел к выводу, отрицающему выделение этой культуры «в археологическом понимании». Для нас совершенно ясно, что курмантауские памятники бассейна Белой представляют собой локальный вариант маклашеевской общности и не имеют специфических черт, позволяющих рассматривать их в качестве самостоятельной культуры, отличной от других вариантов общности.

Установлены три района концентрации курмантауских памятников: нижнебельский, бирский и касьяновский (Иванов В.А. – 1978). Небольшая группа памятников локализуется в горных верховьях Белой, типологически смыкаясь с касьяновской группой.

Курмантауские жилища принципиально не отличаются от быргындинских. Постройки на поселениях Какры-Куль, Кумлекуль, Кюнь II, Дуванейском, Касьяновском иллюстрируют наличие полуземляночных и наземных жилищ прямоугольной или подквадратной формы со столбовой конструкцией стен.

Урянский могильник также обнаруживает связь в основных чертах погребального обряда с нижнекамским населением быргындинского варианта.

С курмантауских поселений получена значительная коллекция кремневого инвентаря – наконечники стрел, скребки (поселения Старо-Кабановское III, Касьяновское, Куштау Западное, Максютовское II), – показы-

вающая возросшую роль охотничьих промыслов по сравнению с предшествующим временем. Одновременно орудий, связанных с животноводством, намного меньше. Также меньше свидетельств металлообработки.

Полное представление о керамике курмантауского варианта дает материал Касьяновского поселения (Васильев И.Б., Иванов В.А., Обиеннов М.Ф. – 1985). Здесь характерны низкорослые круглодонные сосуды с вертикальной либо отогнутой наружу или внутрь шейкой. Орнамент на шейке состоит из вертикальной елочкой, парного горизонтального зигзага с насечками и пояска (11,2%), а также шнуровыми отпечатками (1,3%).

В керамике нижебельской, бирской и касьяновской групп имеются некоторые отличия, главным образом в мотивах орнаментации (Иванов В.А. – 1982), что позволяет сближать нижебельскую группу с быргындинской, а бирскую рассматривать как промежуточную между первой и касьяновской. Парные коэффициенты сходства (нижебельская-бирская – 43,1%, нижебельская-касьяновская – 30,6%, бирская-касьяновская – 45,9%) позволили В.А.Иванову (1977) отнести касьяновские и нижекамские поселения к различным культурам, что было оспорено В.Ф.Генингом (1988). Впоследствии и сам В.А.Иванов (1982) пришел к заключению, что касьяновская группа не составляет особой культуры.

Происхождение памятников курмантауского варианта вряд ли целесообразно связывать с миграцией карасукского населения в Прикамье (Л.Н.Членова. – 1981), так как имеются памятники переходного луговско-курмантауского типа, типа Старо-Янзигитовского поселения. Подтверждая тезис К.В.Сальникова, А.Х.Халикова, В.А.Иванова и других исследователей о появлении курмантауской керамики в сложившемся виде, отметим справедливость этого тезиса только для Среднего и Верхнего Прибелья.

Касьяновская группа памятников была датирована (Иванов В.А. – 1977; Членова Н.Л. – 1977, 1981) VII–VI вв. до н.э. на основании серии бронзовых предметов Касьяновского поселения (бубенчик, обломок прорезного наконечника копья, серьга-подвеска, два железных ножа), имеющих аналогии в раннеананьинских, савроматских и карасукских комплексах. В пользу этой даты свидетельствует найденный в котловане жилища поселения Кюнь II обломок ножки от каменного савроматского жертвенника VI–V вв. до н.э. Наличие небольшого процента керамики со сложно-шнуровой орнаментацией в курмантауских комплексах и их совместное с раннеананьинскими залегание в одних слоях позволяет датировать курмантауский вариант маклашеевской общности VIII–VII/VI вв. до н.э. В IX в. до н.э. в Среднем Прибелье еще функционировали памятники межовской культуры.

Дальнейшая судьба курмантауского населения была прервана продвинувшимся в бассейн Средней Белой раннекарабызским населением (Иванов В.А. – 1977).

Культурное развитие в южнотаяжном Прикамье имело своеобразие по сравнению с более южными районами. В.П.Денисовым (1967) здесь была выделена ерзовская культура, два первых этапа которой близки материалам быргындинского и курмантауского вариантов маклашеевской общности. Вряд ли есть основания объединять материалы третьего этапа – по В.П.Денисову, типа поселения Заюрчим – с собственно ерзовскими. Заюрчимские материалы характеризуют начало нового, раннеананьинского периода этнокультурного развития этого района.

Таким образом, к ерзовскому варианту мы относим древности I и II ерзовских этапов (по В.П.Денисову), солидаризуясь с А.Х.Халиковым, который считает их локальным вариантом единой общности.

Жилища ерзовского варианта представлены полуземляночными и наземными постройками, иногда двухкамерными, сохраняющими традиции местного энеолитического и луговского населения. По площади жилища составляют четыре группы от 20 до 280 кв. м. Характерным элементом ерзовских жилищ являются очаги на глиняной подушке, традиция сооружения которой прослеживается в дальнейшем в культурах раннего железного века и перерастает в возведение глинобитных печей. Функциональное назначение построек прослеживается на Заосиновском VI поселении, где постройка площадью 102 кв. м была жилой, а другая, площадью 280 кв. м и без очагов, использовалась под хлев.

Ерзовская керамика представлена двумя типами. Первый из них, с ворончиком на шейке, близок к курмантауской и быргындинской посуде; второй тип частично украшен эсвидными и струйчатыми отпечатками, шнуровыми оттисками и ямками, расположенными в шахматном порядке и имеющими отвороты, элементами, характерными для гамаюнской посуды. С этим типом посуды встречается и собственно гамаюнская керамика.

Верхнюю границу ерзовского варианта лимитируют материалы раннеананьинских могильников VII в. до н.э., нижняя более расплывчата.

Формирование ерзовского варианта проходило как в результате дальнейшего развития среднекамского населения, так и влияния пришлых из южного Прикамья и Зауралья этнокультурных групп.

Глава IV. Многоотраслевая экономика лесостепной и южно-лесной зон Урала и Прикамья в позднем бронзовом веке

Вопросы палеоэкономики Урала и Прикамья в ПБВ ставились в работах многих археологов. Особенно интересны в этой связи исследования О.А.Кривцовой-Граковой, Н.Я.Мерперта, К.В.Сальникова, А.Х.Халикова, А.В.Збруевой. В последние годы хозяйство отдельных культур рассматривалось Г.Т.Обыденновой, Ю.А.Морозовым, А.Ф.Шориным и автором. Однако всесторонний, комплексный подход к вопросам уральской палеоэкономики характерен только для работ М.Ф.Косарева (1981, 1986).

М.Ф.Косарев очертил ареалы коллективной охоты на лесных копытных в таежном Зауралье, комплексное охотничье-рыболовецкое хозяйство в таежном Обь-Иртыше, оседло-рыболовецкий тип хозяйства в Нижнем Приобье и пастушеско-земледельческую экономику в лесостепной и степной зонах. По мнению М.Ф.Косарева, формирование многоотраслевой экономики началось в доандроновское время в степной зоне, а в пограничье тайги и лесостепи Западно-Сибирской равнины предпосылки сложились уже на рубеже каменного и бронзового веков (1986. – С.115). Для поздних этапов бронзового века, времени бытования черкаскульской и сопутствующих ей культур о многоотраслевом характере экономики можно говорить более определенно. Из интересующих нас АК М.Ф.Косарев анализирует только очень небольшой материал по черкаскульской и межовской культурам Зауральского района, имевшийся в его распоряжении ко времени написания книги.

Особый интерес в плане развития хозяйства представляет юго-лесная зона Урала и Прикамья в позднем бронзовом веке, когда после освоения скотоводства население края переходит к освоению земледелия и завершается этап перехода к производящему хозяйству.

В южно-лесной зоне Прикамья местное население, переняв пастушеско-скотоводческий уклад от южных срубных и андроновских племен, не сразу осваивает земледелие. По крайней мере, археологически начало земледельческой деятельности начинает фиксироваться только в эпоху поздней фазы ПБВ, не ранее второй половины II тыс. до н.э.

4.1. Особенности производящих отраслей хозяйства

Проникновение производящей экономики на Южный Урал началось в эпоху неолита (Матюшин Г.Н. – 1976. – С.266), и в энеолите уже можно говорить о прочном производящем хозяйстве в форме домашнего пастушеского скотоводства (Матюшин Г.Н. – 1982. – С.277–294; Моргунова Н.Л. – 1989. – С.19). Природно-климатические и ландшафтные особенности лесостепи и юга леса обуславливали заметные различия в хозяйстве населения разных зон и даже районов. Экологические и культурно-исторические традиции накладывали свой отпечаток на экономику древнего населения края.

Анализируя археологические материалы с поселений ПБВ, следует отметить, что соотношение костных остатков животных в меньшей степени зависит от культурной принадлежности, но в значительной мере определяется географическим положением и природными условиями, в которых формировалось стадо (Косинцев А.П., Варов А.И. – 1992). Для реконструкции скотоводства и охоты приходится пользоваться в основном кухонными остатками, собранными в культурных слоях поселений.

Ландшафтно-климатические и почвенные особенности способствовали становлению в лесостепи комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. На это обратили внимание многие исследователи (Сальни-

ков К.В. – 1967. – С.181; Качалова Н.К. – 1977. – С.23; Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. – 1979. – С.10–11). Считается установленным, что основу хозяйства срубного населения в лесостепи составляло скотоводство, носившее пастушеский придомный характер. Этим хозяйство лесостепного населения существенно отличалось от такового в степной зоне, где замечается тенденция к развитию подвижных форм скотоводчества (Шилов В.П. – 1975).

В целом проблема животноводства культур позднего бронзового века Восточной Европы была рассмотрена В.И.Цалкиным в специальной работе (1972). Однако полученные им результаты нуждаются в уточнении вследствие того, что он суммировал в таблице данные с памятников различных археологических культур. Так, в таблицах по абашевской и срубной культурам (он их рассматривает совместно) включались межовские (Япрык I, Ногаево II, Кабаново II) или курмантауские (Касьяновское) поселения (1972. – С.69. – Табл.14 и др.). К тому же в настоящее время имеются новые определения костного материала, позволяющие более аргументированно охарактеризовать животноводство срубных племен в лесостепи. В частности, имеются определения остеологического материала с 15 поселений лесостепи, относиться к которым следует с известной долей осторожности ввиду двуслойности поселений. Часть костных материалов происходит с абашевско-срубных поселений (Береговское I и II, Салиховская I) или поселений, где имеется небольшой процент абашевских или срубно-абашевских находок (Сусканское I, Иманлейское I, Давлекановское IV), другая часть – со срубно-межовских (Уразаевская I, Ахметовская I и II, Жуковская) поселений.

В одну таблицу сведены суммарные данные костных остатков домашних животных по 17 поселениям лесостепи. Методическая правомерность такого приема основывается на допущении тезиса, что хозяйство срубных племен, обитавших в одинаковых природно-географических условиях, имеет общие особенности. Вместе с тем при суммировании данных нивелируются отклонения чисто случайного характера, которые имеют место в результате ограниченности материала по отдельным памятникам. Подобный прием был блестяще использован В.И.Цалкиным (1972 /4/. – С.61).

Соотношение между домашними животными по количеству особей характеризует состав стада у лесостепного срубного населения. Совершенно очевидно, что основу животноводства составляло разведение крупного рогатого скота (41,5%). По этому признаку стадо лесостепных срубников близко к стаду срубных племен Среднего Поволжья (40,5%) и несколько ниже, чем в Северном Причерноморье (46,6%) и Среднем Подонье (49,3%) (1972 /4/. – С.7. – Табл.16). Удельный вес особей крупного рогатого скота примерно одинаков на абашевско-срубных, чисто срубных и срубно-межовских поселениях. Видимо, в единых природно-географических условиях основа стада во времени остается устойчивым показателем. На наш

взгляд, это может указывать на стабильный характер пастушеского животноводства.

Крупный рогатый скот, по заключению В.И.Цалкина, отличался размерами, был более ширококостным, чем у племен срубной культуры Северного Причерноморья. Рост в холке составлял около 120 см, превышая на 6 см рост скота в раннем железном веке на этой же территории. Половой деморфизм в размерах тела проявлялся в холке отчетливо, и средний рост быков был на 8 см больше, чем рост коров. Отличие крупного рогатого скота состояло в большей длиннорогости, хотя, по заключению В.И.Цалкина и А.Г.Петренко, значительную часть поголовья составляли комолые животные (1972 /1/. – С.64; Петренко А.Г. – 1978. – С.147). В состав стада входили волю, использовавшиеся для тяговых работ в качестве транспортных животных (Цалкин В.И. – 1972 /1/. – С.64; Петренко А.Г. – 1978. – С.147). Специалисты полагают, что в это время кастрация как способ получения волов была уже известна. Установлено, что две трети использованных в пищу животных были моложе трех лет и только треть старше этого возраста (Цалкин В.И. – 1972 /1/. – С.49). Не вызывает сомнения, что срубные племена лесостепи использовали в пищу молодых животных. Это говорит о преимущественно мясном направлении животноводства. Свидетельством развития молочного направления в животноводстве являются находки костяных трубочек для доения коров (Галкин Л.Л. – 1975. – С.189–191) и сосудов с отверстиями в днище для отжимания творога, которые довольно часто встречаются на срубных поселениях (на Балташевской стоянке, I Береговском поселении и др.).

Второе место в стаде прочно занимает мелкий рогатый скот (овцы, козы). Причем в памятниках чисто срубных его заметно больше (31,2%), чем в поселениях со смешанным культурным слоем (20,6% и 21,2%). В целом же мелкий рогатый скот почти в два раза уступает крупному. Относительно удельного веса овец и коз в стаде срубной культуры В.И.Цалкин замечает, что первые явно преобладают над вторыми, а последние в численности уступают овцам в 4–5 раз (Цалкин В.И. – 1972 /2/. – С.47). На общем фоне древних овец овцы позднебронзового века выделяются своими исключительно крупными размерами; они близки туркменским курдючным овцам. Средний рост овец был около 70 см. Самки у овец были комолые (он же. – 1972. – С.43–44).

По заключению А.П.Косинцева и А.И.Варова (1992), на приуральских поселениях срубники разводили больше овец на мясо, а межовцы на шерсть.

Овец и коз использовали в пищу в очень молодом возрасте. По удельному весу мелкого рогатого скота стадо лесостепного срубного населения почти идентично стаду срубников степного Саратовского Поволжья, но резко отличается от приказанского, где количество костей мелкого рогатого скота снижается до 4,5% (Цалкин В.И. – 1972 /2/. – С.42).

По количеству костных остатков третье место среди сельскохозяйственных животных лесостепи занимает свинья. В.И.Цалкиным было обращено внимание на большое количество свиней в хозяйстве лесостепного населения, но вследствие недифференцированности материалов он не смог дать объяснения этому для отдельных археологических культур. Характерно, что самый высокий процент свиней дают абашевско-срубные поселения (23,2%), а также срубно-межовские памятники (21,5%). Известно, что у абашевских племен свиноводство играло весьма заметную роль: свиньи составляли до четверти стада (Пряхин А.Д. – 1976. – С.119). Это легко объяснимо расположением большей части памятников абашевско-культурно-исторической общности в лесостепи, хотя отдельные группы памятников известны в лесной зоне. Еще более лесной характер носит хозяйство племен межовской культуры, расположенной в южно-лесной зоне, где процент костей свиньи на памятниках достигает 16–17 (Обыденнов М.Ф. – 1981а. – С.11). В то же время для срубной культуры Среднего Поволжья, Подонья и Причерноморья находки костей свиньи составляют не более 3–4% (Цалкин В.И. – 1972 /2/. – С.47), редко достигают 10% (он же – 1964. – С.29. – Табл.1). Кстати, раньше существовало мнение, что срубное население совсем не разводило свиней. Низкий процент (9,3) костей свиньи на чисто срубных памятниках объясняется, очевидно, тем, что, будучи степным по происхождению, срубное население, продвинувшись к южной лесной полосе, продолжает заниматься традиционными формами животноводства. В частности, при низком уровне скотоводства на чисто срубных поселениях относительно высок (31,2) процент мелкого рогатого скота. Интересно, что в погребальных памятниках кости свиньи не встречены ни разу, кроме челюстей старого кабана в Лузановском могильнике (Васильев И.Б. – 1977. – С.34).

По удельному весу свиньи среди других сельскохозяйственных животных лесостепное срубное население на развитых этапах близко к приказанскому, у которого свинья достигает максимальной численности (36,1%) среди культур позднего бронзового века (Цалкин В.И. – 1964. – С.27; 1972 /2/. – С.47). Правда, по А.Х.Халикову, костей свиньи в приказанских поселениях меньше: 18% (1969. – С.349. – Табл.Е).

Домашние свиньи были довольно крупные и в некоторых случаях достигали размеров диких особей. По заключению В.И.Цалкина, они были несколько крупнее тех свиней, которые встречались на этой же территории в раннем железном веке (1972 /2/. – С.47–49). В пищу употреблялись главным образом молодые животные.

Лошадь занимает в стаде последнее место, незначительно уступая свинье. Заметно, что лошади, составляя наименьший процент на абашевско-срубных памятниках (14,4%), увеличиваются на срубных (16,6%) и достигают наибольшей численности на срубно-межовских (19,6%). С одной стороны, это может говорить о хронологической тенденции увеличения стада лошадей, с другой – о влиянии лесного населения, которое в позднем

бронзовом веке лошадей разводило больше, например, в приказанской культуре они составляли 27% (Халиков А.Х. – 1969. – С.349. – Табл.Е).

По удельному весу лошадей лесостепное стадо было аналогично степному стаду срубников Среднего Поволжья (16,4%), немного уступая в этом племенам срубной культуры Северного Причерноморья, где удельный вес лошадей составляет 21,5% (Цалкин В.И. – 1972 /4/. – С.371. – Табл.16).

По заключению В.И. Цалкина, основное поголовье лошадей составляли полутонконогие, в меньшей степени – среднетонконогие и тонконогие особи. Наиболее многочисленную группу среди лошадей составляли так называемые средние по росту, высотой в холке 136–144 см. На их долю в эпоху поздней бронзы приходилось более 50% поголовья лошадей, хотя встречались малорослые и рослые особи. В среднем лошади были на 3 см ниже, чем в раннем железном веке (1972 /3/. – С.70). В целом же лошади в эпоху поздней бронзы по своим размерам и пропорциям представляются зоологам географически однородными в пределах степной и лесостепной зон Восточной Европы (1972 /3/. – С.64).

По заключению зоологов, в разных культурах ПБВ Южного Урала весьма близко сходство размеров крупного рогатого скота, овец и лошадей (Косинцев А.П., Варов А.И. – 1992).

По мнению В.И.Цалкина, в пищу попадали главным образом молодые лошади, не достигшие трех- или четырехлетнего возраста (1972 /3/. – С.62), но встречаются и более старые, в возрасте 5–10 лет и старше. Так, по данным с трех поселений (81 особь), приведенным А.Г.Петренко, в пищу попали 37% лошадей в возрасте до 5 лет и 63% в возрасте 5–10 лет и старше (1978. – С.146. – Табл.5).

Возможно, число лошадей и их роль в хозяйстве были выше, чем это прослеживается по кухонным остаткам. Лошадь в позднем бронзовом веке в Урало-Поволжье широко использовалась для верховой езды и для запряжки. Об этом свидетельствуют находки костяных псалиев с Казангуловского I поселения (Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. – 1975), Чишминского поселения (Морозов Ю.Л. – 1982) и в более южных районах (Смирнов К.Ф. – 1961).

К числу домашних животных относится собака, кости которой встречены на ряде поселений срубной культуры. Кости собаки подтверждают пастушеский характер скотоводства лесостепных срубных племен. Собака оказывает большую помощь при пастьбе крупного и мелкого рогатого скота; кости ее на памятниках единичны, что свидетельствует лишь о том, что собак в пищу обычно не употребляли и умирали они за пределами поселений. Обращает внимание находка значительного количества костей собаки (3 экз.) на Давлекановском IV поселении.

Некоторый материал по истории хозяйства дает анализ костных остатков из погребений срубной культуры. Правда, существует мнение А.П.Круглова и Ю.В.Подгаецкого (1935. – С.95) о невозможности исполь-

зовать костные материалы из погребений для реконструкции состава стада, но оно опровергается конкретными материалами. В работах Н.Я.Мерперта (1974. – С.101–110) и В.П.Шилова (1975) показана неправомерность такого мнения. Костные остатки в срубных погребениях Волго-Бельского региона свидетельствуют, что первое место в стаде занимал крупный рогатый скот (24%), второе и третье поровну приходятся на лошадь и мелкий рогатый скот (по 14%). Кости собаки и диких животных единичны, а кости свиньи не встретились совсем. В древнеямной культуре захоронения остатков свиней тоже нет, хотя население было знакомо с этой отраслью хозяйства (Цалкин В.И. – 1970. – С.247; Мерперт Н.Я. – 1974. – С.105).

Археологические материалы позволяют утверждать наличие многоотраслевой экономики населения южно-лесных культур, сочетавшей как производящие отрасли (скотоводство, земледелие), так и присваивающие (охота, рыболовство, собирательство). Эта экономика базировалась также на достаточно прочном освоении обработки бронзы, камня, кости, дерева.

Многоотраслевой характер хозяйства черкаскульского и межовского населения позволял ему чутко реагировать на изменяющиеся условия природной среды и сохранять необходимые источники своего существования (Косарев М.Ф. – 1984. – С.123).

К.В.Сальников (1967. – С.366–369) отмечал знакомство черкаскульского населения с металлургией меди и бронзы, скотоводством, земледелием и охотой. Особенности черкаскульско-межовского хозяйства заключались, по его мнению, в отличии черкаскульского скотоводства от андроновского, которое проявлялось прежде всего в наличии в стаде черкаскульцев свиней, в заимствовании черкаскульцами способов обработки земли от срубников, местном характере металлообработки, в большем значении, в отличие от андроновцев, охоты на копытных животных.

Л.П.Хлобыстин склоняется к мысли, что на расположенных в таежной зоне черкаскульских поселениях основу хозяйства составляли не производящие, а присваивающие отрасли – охота и рыболовство. М.Ф.Косарев, касаясь общей характеристики хозяйственной деятельности зауральских и западносибирских поселений в эпоху бронзы (черкаскульцев, межовцев, еловцев, сунгунцев, ирменцев), отмечает, что для них было характерно «многоотраслевое хозяйство, сочетавшее присваивающие и производящие отрасли» (1981. – С.221), в том числе скотоводство, земледелие, охота, рыболовство, собирательство (1980. – С.58–60; 1981. – С.221–223, 226–228; 1984. – С.115–123). При этом соотношение между отраслями хозяйства у конкретных групп населения в конкретных условиях находилось не в статическом, а в динамическом равновесии. Причем более высокий удельный вес производящих отраслей хозяйства наблюдается на пограничье леса и лесостепи, а присваивающих – в более северных лесных районах (1976а. – С.11; 1980. – С.59; 1984. – С.120). М.Ф.Косаревым раскрываются и некоторые особенности, присущие таким направлениям хозяйственной деятельности черкаскульцев и межовцев, как скотоводство и охота. Он подтвер-

дает вывод К.В.Сальникова о высокой роли свиньи в стаде черкакульско-межевского населения, считая его фактором, который отличал стадо населения этих культур от стад федоровцев и алакульцев (1984. – С.116–117); подчеркивает высокое значение в охотничьей деятельности черкакульско-межевцев коллективной загонной охоты на мигрирующих через Урал диких лесных копытных животных (1984. – С.115). В то же время отмечает, что долю рыболовства в хозяйстве андроновидного населения определить трудно, а данные о земледелии носят в основном косвенный характер (1984. – С.116, 117).

Южно-лесные районы Урала, где распространены памятники черкакульской и межевской культур, являлись благоприятными районами для ведения многоотраслевого хозяйства. Именно в силу природно-географических и почвенных условий здесь можно было успешно заниматься не только пастушеством, но также земледелием, охотой и рыболовством. Однако основу их экономики составляло скотоводство. На всех памятниках имеются кости домашних животных, причем они в целом преобладают над количеством диких видов. Среди костных остатков численно преобладает крупный рогатый скот (около 38%), в то время как на долю лошади приходится около 24%, мелкого рогатого скота – около 20%. Большое количество крупного рогатого скота и свиньи (16–17%) предполагает прочную оседлость, что находит подтверждение в раскопанных долговременных поселениях, вроде Юкаликулевского, Тюбьяк, Замараевского и др.

Среди остатков домашних животных первое место на поселении Юкаликулево занимают костные остатки лошади, второе – остатки крупного рогатого скота, третье и четвертое – также мелкого рогатого скота и свиньи (Косинцев А.П., Варов А.И. – 1992). Оседлый образ жизни на долговременных поселениях, высокий удельный вес в стаде крупного рогатого скота и благоприятные естественно-географические условия с сочными пойменными лугами для выгона скота и заготовки кормов на зиму предполагают пастушеский характер скотоводства – типа, практиковавшегося у населения алексеевско-саргаринской культуры. При сравнении поголовья скота межевской и алексеевско-саргаринской культур наблюдаются некоторые различия, обусловленные характером природных зон. Удельный вес крупного рогатого скота на межевских поселениях несколько выше (на 2–3%), чем на алексеевско-саргаринских, а мелкого рогатого скота – ниже на 13%; средний процент по поселениям Саргары, Алексеевское, Петровка, Язено составляет 33%, по сумме 12 межевских поселений – 20,4%. Такие соотношения указывают на более подвижный состав стада алексеевцев в сравнении со стадом межевцев. Это же подтверждает высокий средний процент особей лошади: 28,7% у алексеевцев по четырем указанным поселениям и 23,4% у межевцев.

Характеризуя в целом структуру хозяйства зауральского западносибирского населения рассматриваемой эпохи, палеозоологи также отмечают преобладание производящих форм хозяйства над присваивающими и

придомный, с дополнительной заготовкой кормов на зиму, характер ско-товодства (Смирнов Н.Г. – 1980. – С.175–177). В составе стада черкаскульско-межовского населения встречаются крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь. Процентное соотношение костных остатков этих видов животных на разных поселениях различно, но везде преобладают кости крупного рогатого скота, причем процент их примерно одинаков для всех черкаскульско-межовских поселков: от 31,25 до 40,9%. Исключением является только поселение М.Липовый IX, где на первом месте по костным остаткам стоит лошадь, а крупный и мелкий рогатый скот занимает второе. Примерно такой же, как у черкаскульцев-межовцев (т.е. около трети стада), наблюдается удельный вес крупного рогатого скота у населения приказанской культуры, проживающего в сходных природно-климатических условиях (Халиков А.Х. – 1969. – С.352; Петренко А.Г. – 1984. – Приложение 4), а также у федоровцев-бишкульцев и саргаринцев, обитавших одновременно с черкаскульцами и межовцами, но в лесостепной и степной зонах (Смирнов Н.Г. – 1975. – Табл.; Зданович С.Я. – 1981. – С.64). Несколько выше (около половины стада и чуть более) был удельный вес крупного рогатого скота в стадах петровской культуры Северного Казахстана, алакульской культуры Южного Зауралья и Среднего Притоболья (Смирнов Н.Г. – 1975. – Табл.; Потемкина Т.М. – 1985. – С.311), еловцев, южнотаежных федоровцев (поселение Дуванское XVII), ирменцев (Матющенко В.И. – 1974. – С.92; Смирнов Н.Г. и др. – 1980. – Табл.2; Косарев М.Ф. – 1981 – С.227), а так же срубников (Сальников К.В. – 1967. – С.172) и абашевцев (Сальников К.В. – 1967. – С.48; Пряхин А.Д. – 1976. – С.118). Важно отметить, что в Зауралье в раннем железном веке первое место в стаде по численности занимает лошадь, а крупный рогатый скот переходит на второе место. Преобладание остатков лошади над мелким рогатым скотом остается.

Крупный рогатый скот использовался не только в пищу. Старые быки с Кумысского поселения могли использоваться в качестве тягловой силы и для разведения. Крупный рогатый скот использовался и для получения молочных продуктов. На поселениях найдены днища сосудов с отверстиями, которые могли применяться для отжимания творога. Такие днища найдены на Жуковском, Агидельском поселениях. На молочную продуктивность крупного рогатого скота указывают зоологи, отмечая, что кости принадлежат животным в возрасте от 2,5 до 11 лет. На продуктивное молочное хозяйство указывают находки костяных трубочек на поселениях Ахметово и Юкаликулево. По мнению Л.Л.Галкина, подобные трубочки служили для доения коров. Второе место по процентному содержанию в костных остатках черкаскульско-межовских поселений занимают особи лошади в лесных районах и особи мелкого рогатого скота или свиньи в лесостепных. Высокий удельный вес лошади в памятниках лесного района (Березки V – 31,25%, Черкаскуль II – 31,8%, М.Липовый IX – 50%) нашел уже свое объяснение в литературе: это животное способно самостоятельно добывать се-

бе корм в зимнее время, поэтому содержание его в условиях снежной и продолжительной зимы было экономически выгодно (Цалкин В.И. – 1966. – С.92–93; Смирнов Н.Г. и др. – 1980. – С.172; Косарев М.Ф. – 1980. – С.59). Примерно такой же, как у лесных черкаскульцев и межовцев, процент лошади в стаде наблюдается у жителей федоровского поселка XVII Дуванское (20%), населения поздняяковской (31%), приказанской (33%), саргаринской (30,3–36,4%) культур, а также у жителей некоторых поселков (Зимница I, Волчий Овраг, Лукьяновское) срубной культуры (31,5–40%). (Смирнов Н.Г. и др. – 1980. – Табл.2; Халиков А.Х. – 1969. – С.350–363; Зданович С.Я. – 1981. – С.46; Сальников К.В. – 1967. – С.172). Значительно меньше лошади в стадах еловского (13,6%), ирменского (9–25%) населения, большинства поселков срубной культуры (7,3–20,8%), а также у населения петровской (менее 10%), алакульской (8,7–12%) и абашевской (1,6–17%) культур (Матюшенко В.И. – 1974. – С.92; Матвеев А.В. – 1985. – С.13; Сальников К.В. – 1967. – С.48, 172; Петренко А.Г. – 1984. – С.124; Хабдуллина М.К. – Зданович Г.Б. – 1984; Потемкина Т.М. – 1985. – С.312; Пряхин А.Д. – 1976. – С.118).

Об использовании лошадей для верховой езды свидетельствуют находки костяных псалиев на Н.Кизгановской II стоянке, Ахметовском I поселении и поселении Язево I. Лошади широко использовались в пищу. Об этом говорит значительное количество костей на поселениях, в погребениях, а также то, что на Кумысском поселении часто встречались зубы лошадей возраста до двух лет. Эти животные могли использоваться в пищу.

В лесостепной зоне, где свободных от леса участков гораздо больше, черкаскульцы и межовцы отдавали предпочтение мелкому рогатому скоту (на поселении Ахметово I кости особей мелкого рогатого скота составляют 25%, а лошади – 20,8%) или свинье (на поселении Инзелга свиньи – 27,9%, лошади – 22,2%). Следует заметить, что по количеству мелкого рогатого скота стадо черкаскульцев и межовцев ближе всего стояло к стаду населения приказанской (8–20%) и абашевской (7,1–22%) культур (Петренко А.Г. – 1984. – С.124; Сальников К.В. – 1967. – С.48; Пряхин А.Д. – 1976. – С.118), проживавшего в сходных природно-климатических условиях лесостепной зоны. Но оно отличалось от стада населения степного региона, где мелкого рогатого скота было гораздо больше (Смирнов Н.Г. – 1975. – Табл.; Зданович С.Я. – 1981. – С.46; Халиков А.Х. – 1969. – С.349; Потемкина Т.М. – 1985. – С.312). Отличие это вполне объяснимо, т.к. в степной зоне условия для разведения мелкого рогатого скота лучше.

Одной из характерных особенностей черкаскульско-межовского животноводства являлось разведение свиней. Свинья встречается на всех среднеуральских и лесостепных приуральских поселениях, за исключением поселения М.Липовый IX, и занимает третье-четвертое место в стаде (на поселении Инзелга даже второе), составляя иногда по костным остаткам

особей даже четвертую часть его. По наличию свиньи черкаскульское межовское стадо резко отличалось от стада населения степных алакульской и саргаринской культур, где свиньи практически не было (Сальников К.В. – 1967. – С.339, 368–369; Потемкина Т.М. – 1985. – С.310; Зданович С.Я. – 1981. – С.46), и от стада южнотаежных еловской и ирменской культур, где свиньи было крайне мало (Матющенко В.И. – 1974. – С.92; Косарев М.Ф. – 1981. – С.227), но зато сближалось со стадом населения приказанской (4–47,4%), абашевской (9,1–25,5%) культур (Петренко А.Г. – 1984. – С.121; Сальников К.В. – 1967. – С.48; Пряхин А.Д. – 1976. – С.118), а также с той частью срубного населения, которая осваивала лесную и лесостепную зоны (Петренко А.Г. – 1984. – С.121; Халиков А.Х. – 1969. – С.349).

Высок удельный вес свиней, до 16–17%, среди домашних животных. Еще В.И.Цалкин и К.В.Сальников отмечали значительную роль свиноводства в хозяйстве межовских памятников. К.В.Сальников объяснял это благоприятными условиями в пойме р. Исети, чего не было в степи у андроновцев. Известно, что ни алексеевское, ни алакульское население не разводило свиней (федоровских поселений с «чистым» слоем, откуда бы имелись определения костных остатков, неизвестно). Даже на поселениях смешанного алексеевско-межовского характера (Камышное II, Язево I, Алексеевское, Загаринское) костей свиньи нет. В то же время в сходных природных условиях в южной Башкирии на срубно-межовских памятниках костей свиньи встречается много (стоянка Жуковская – 23%). Очевидно, в этом нужно видеть не только различия в хозяйствовании, но и какие-то различия в традициях и верованиях.

Интересно отметить, что по удельному весу особей свиньи среди домашних животных межовские памятники в южно-лесной и лесостепной зонах занимают промежуточное место после приказанских памятников, где свиньи порой даже преобладают в стаде, и ирменских, где число свиней небольшое (Ирмень I – 1,2%). Наибольшее же сходство усматривается с лесостепными поздними срубными поселениями, где прослеживается приказанское или межовское влияние в керамике (например, Моечное озеро I – 15,6% костей свиньи). В то же время известно, что разведение свиней у срубного населения Среднего Поволжья было весьма ограниченным или им вообще не занимались.

Вследствие худшей кормовой базы в районе Юкаликулево большая часть свиней забивалась в возрасте 0,5–1 гг. (Косинцев А.П., Варов А.И. – 1992).

Важно отметить, что в раннем железном веке в Зауралье свиноводством почти перестают заниматься, а в Приуралье оно сохраняется преимущественно на северных лесных памятниках. Этот факт пока трудно объяснить. Возможно, в уменьшении роли свиноводства в хозяйстве следует видеть влияние климатического фактора: наступившие более суровые и многоснежные зимы не позволяли держать свиней.

Палеозоологами, изучавшими остеологические коллекции с памятников эпохи бронзы Приуралья (Петренко А.Г. – 1984. – С.6, 7) и Зауралья, отмечено, что основная масса костей свиньи на поселениях принадлежит особям молодых животных, забитых на мясо в возрасте 1–1,5 г. Факт этот очень интересен и заставляет предполагать, что основная масса свиней забивалась на мясо еще в раннем возрасте и, вероятно, до наступления или в самом начале зимы. Дело в том, что свинья довольно быстро «нагуливает» большой вес и дает большое потомство; дикая свинья, например, приносит 4–6 поросят за один опорос, а молодые свиньи относительно рано начинают участвовать в гоне – в 18–20 месяцев. Свинья не приспособлена самостоятельно добывать корм зимой, и даже для дикого кабана снежный покров в 30–40 см является критическим (Свинья домашняя. – 1976. – С.81; Банников А.Г., Флинт В.Е. – 1971. – С.439–441). Поэтому, вероятно, население, разводившее свиней, особенно в районах с длинными суровыми многоснежными зимами, оставляло на зиму только небольшое их количество, необходимое для воспроизводства, а остальных забивало на мясо уже в раннем возрасте. Вероятно, лесное население так же поступало с мелким рогатым скотом, который тоже обладает большой плодовитостью и забойным возрастом меньшим, чем крупный рогатый скот и лошадь (Грязнов М.П. – 1957. – С.23; Краснов Ю.А. – 1971. – С.143; Зданович С.Я. – 1981. – С. 52), и даже с частью (молодняк) крупного рогатого скота (Плетнева Л.М. – 1977. – С.47; Косарев М.Ф. – 1984. – С.122). Эти предположения заставляют вносить определенные поправки для установления реального состава стада древнего населения, особенно по свиньям и мелкому рогатому скоту. Если взять за основу поправки, предложенные для определения реального состава стада Ю.А.Красновым (1971. – С.143), то действительный состав стада черкаскульско-межовского населения будет выглядеть следующим образом: около половины стада составлял крупный рогатый скот, около трети на лесных поселениях и в пределах четверти на лесостепных – лошадь, в пределах 7–9% в лесной зоне и 9–14% в лесостепной зоне – мелкий рогатый скот и около десятой части – свинья.

Из других домашних животных, кости которых эпизодически в небольшом количестве встречаются на черкаскульско-межовских поселениях, нужно отметить собаку (Черкаскуль II, Ахметово I, Инзелга), причем известны у черкаскульцев два случая ритуальных захоронений этих животных: на перекрытии могилы 3-го кургана 16-го Кинзерского могильника (Кузьмина Е.Е. – 1975. – С.2–26) и на перекрытии могилы кургана 13 найдены череп и кости скелета собаки в могильнике Приплодный Лог I (Малютина Т.А. – 1984. – С.68).

На основании имеющихся данных можно утверждать, что черкаскульско-межовское скотоводство носило, видимо, придомный характер с заготовкой сена и веточных кормов на зиму (Смирнов Н.Г. и др. – 1980. – С.176–177) прежде всего для крупного рогатого скота – основы стада как в лесной, так и в лесостепной зоне расселения черкаскульцев и межовцев.

Кроме того, в лесной зоне большую роль в стаде играла лошадь – животное, способное зимой самостоятельно добывать себе корм; в лесостепных районах – мелкий рогатый скот. Удельный вес свиньи во всех районах был не так уж значителен, как это принято считать.

Черкаскульско-межовское скотоводство существенно отличалось от скотоводства степного населения алакульской и саргаринской культур прежде всего за счет меньшей подвижности стада и сходства в характере скотоводства племен приказанской культуры, проживавших в сходных с черкаскульско-межовцами природных условиях юголесной-лесостепной зоны.

Очевидно, хозяйственный комплекс, весьма сходный с межовским, наблюдается у населения бархатовской культуры.

Судя по набору орудий и многочисленным остеологическим остаткам, притобольское население в конце бронзового века сохраняет ориентацию на комплексное многоотраслевое хозяйство. В стаде домашних животных, наряду с крупным рогатым скотом, значительное место теперь занимает лошадь. Соотношение видов скорее всего указывает на придомный тип скотоводства. Охота на диких животных носила неспециализированный характер и являлась дополнительным источником получения мяса. По сравнению с предшествующим (андроноидным) периодом значение охоты падает. Имеются данные по земледелию (отпечатки зерен на сосуде на поселении Заводоуковское X), рыболовству (Корочкова О.Н., Стефанов В.И. – 1991. – С.61).

Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, хозяйство обитателей стоянки им. М.И.Касьянова представляется скотоводческо-охотничьим, о чем свидетельствуют остатки костей домашних и диких животных.

Анализ остеологического материала, собранного на стоянке им. М.И.Касьянова в 1953–1954 гг. (определение В.И.Цалкина) и в 1976–1977 гг. (определение А.Г.Петренко), показывает, что скотоводство обитателей рассматриваемого поселения, где ведущее место по количеству особей занимали свиньи (42,4%), крупный рогатый скот (24,2%) и лошади (18,2%), носило мясо-молочный характер. Причем свинья являлась, по-видимому, основным источником пищи для населения стоянки.

Охота, судя по удельному весу костей (10% от общего количества) и особей (31,2%) диких животных, являлась вспомогательной отраслью хозяйства, причем с явным товарным уклоном. Об этом говорит преобладание костей особей пушных зверей: бобра (26,6% от общего числа особей диких животных) и медведя (20%). Косвенным свидетельством «пушной специализации» жителей Касьяновской стоянки является обилие кремневых скребков, которые, по определению С.А.Семенова, использовались специально для обработки кожи (Збруева А.В., Тихонов Б.Г. – 1970. – С.106).

Анализ костных остатков с поселения ПБВ показывает, что среди них количественно преобладают остатки сельскохозяйственных животных. Среди домашних животных количественно преобладает крупный рогатый скот – от 34,5 до 44%. В целом в лесостепном Приуралье доля особей круп-

ного рогатого скота на поселениях эпохи бронзы довольно высока: от 42,5% на срубных поселениях снижается до 34,5% на межовско-курмантауских, что объясняется, очевидно, тем, что кармантауское население, по материалам Касьяновского поселения, разводило его в меньшем количестве вследствие изменившихся в начале железного века природно-климатических условий.

У межовского населения происходит заметное снижение доли мелкого рогатого скота в стаде (14%) по сравнению с абашевско-срубным и срубным и увеличение доли лошади.

Начиная со срубного времени неуклонно возрастает удельный вес свиньи, достигающий в послемежовское время на курмантауском Касьяновском поселении 43,6%. Межовские поселения дают самый высокий процент (35) особей лошади. На всех других поселениях удельный вес лошади в среднем составляет 15–18%. Очевидно, увеличение снежного покрова, связанное с общим похолоданием в межовское время, повлекло увеличение числа лошадей, более приспособленных к многоснежным зимам (Косарев М.Ф. – 1984. – С.117).

Возрастной состав забитых домашних животных с поселения Юкаликулево установлен по состоянию зубной системы нижней челюсти. Большой процент нижних челюстей, происходящих от взрослых особей крупного и мелкого рогатого скота, говорит о том, что животных использовали не только в пищу, но и для получения молока и шерсти. Почти половина (42%) свиней была съедена в течение первого года их жизни, т.е. осенью-зимой. Лошадь, по-видимому, использовали как в пищу (большой процент нижних челюстей молодых и половозрелых особей), так и на хозяйственных работах (нижних челюстей взрослых особей 45%, старых – 14%) (Косинцев П.А., Варов А.И. – 1991. – С.43).

Имеющиеся данные не позволяют пока окончательно решить вопросы становления и развития черкаскульско-межовского скотоводства в целом и отдельных его сторон, в частности, но некоторые наметки для освещения этих проблем хотя бы в постановочном плане имеются. В литературе уже высказывалось мнение о том, что знакомство зауральского населения с основами скотоводства восходит еще к периоду, предшествующему эпохе развитой бронзы (Матюшин Г.Н. – 1982. – С.282–283; Смирнов Н.Г. и др. – 1980. – С.172; Косарев М.Ф. – 1976а. – С.7; 1981. – С.220; 1984. – С.51). Особое его развитие падает на андроновскую эпоху (Косарев М.Ф. – 1981. – С.221; 1984. – С.116, 117), когда черкаскульское население, оказавшееся в контакте со скотоводческими культурами срубно-андроновского круга, достаточно глубоко усвоило навыки ведения скотоводческого хозяйства даже в юго-лесной зоне. Особенности географических условий Среднего Зауралья предопределили специфику черкаскульско-межовского стада, где, как уже отмечалось, главную роль играл крупный рогатый скот со стойловым содержанием на зиму и лошадь. Значение лошади больше возрастает в позднебронзовое время (на межовском поселении М.Липовый IX лошадь

становится главным животным в стаде, и конские останки составляют 50% от всех костей домашних животных), особенно в эпоху раннего железа (Стоянов В.Е. – 1977. – С.154; Смирнов Н.Г. и др. – 1980. – С.173; Косарев М.Ф. – 1984. – С.56, 121, 122). Видимо, скотоводство давало черкаскульско-межевским группам населения ощутимый мясной, а также молочный прожиточный продукт (Обыденнов М.Ф. – 1985. – С.19). Вероятно, использовались в хозяйстве также шкуры и жилы домашних животных. Можно предполагать, что крупный рогатый скот использовался межевцами также в качестве тягловой силы, а лошадь – для верховой езды (Обыденнов М.Ф. – 1985. – С.19), но в материалах среднеуральских памятников данных для таких выводов нет.

Неясен вопрос о возможных путях заимствования черкаскульцами свиньи. Представляется, что наиболее вероятные истоки этого заимствования следует искать в среде абашевского населения, где свинья имела существенное значение в стаде (Сальников К.В. – 1967. – С.48; Пряхин А.Д. – 1976. – С.118). Это можно утверждать и относительно приказанского и срубного населения (Членова Н.Л. – 1984. – С.98), в сторону территории расселения которого, правда на позднечеркаскульском и межевском этапах развития, отмечено движение черкаскульцев и межевцев. Видимо, косвенным свидетельством заимствования черкаскульцами свиньи именно с западных территорий является отсутствие костей свиньи в остеологических остатках позднечеркаскульских среднетобольских лесостепных и верхнетобольских поселений Сухрино III, Камышное II, Язевое I, Алексеевское (Потемкина Т.М. – 1985. – С.310), Шукубай II (Смирнов Н.Г. – 1975. – Таблица). В этих районах черкаскульцы были пришлым населением из Среднего Зауралья. Возможно, что в ходе движения на юго-восток в лесостепные и северостепные районы Среднего Приоболжья и Северного Казахстана происходит перестройка и структуры черкаскульского стада в силу неприспособленности свиньи к подвижному образу жизни и отсутствия традиции разведения этого животного в среде андроновского населения, на территорию расселения которого вклинивались отдельные группы поздних черкаскульцев.

Природные условия южной окраины леса и лесостепи, наличие широких пойменных долин в Заволжье и Приуралье создавали возможности для развития земледелия в эпоху бронзы. По общепризнанному мнению, земледелие в хозяйстве срубного лесостепного населения играло не главную, но заметную роль. Эта отрасль хозяйства получила широкое освещение в работах Н.Я.Мерперта (1958. – С.166), К.В.Сальникова (1967. – С.173–181), Б.А.Краснова (1971. – С.41–44) и Ю.А.Морозова (1980). Полагают, что племена срубной культуры, расселяясь в северном направлении и вступая во взаимодействие с местным населением, способствовали распространению этого прогрессивного хозяйства (ВРЗ – 1967. – С.98). Однако первое знакомство лесостепного населения Волго-Урала с земледелием произошло намного раньше появления здесь срубных групп.

По мнению Н.Я.Мерперта, население древнеямной культурно-исторической общности, хотя и было знакомо с земледелием, в Среднем Поволжье его не практиковало (1974. – С.106–110; Васильев. – 1981. – С.70). Неизвестны нам свидетельства земледельческого хозяйства и у населения полтавкинской культуры. Поэтому есть все основания полагать, что первыми земледельцами в Заволжско-Приуральском регионе лесостепи явились абашевские племена, правда, прямых доказательств земледелия у них пока очень немного (Пряхин А.Д. – 1976. – С.125, 126; Горбунов В.С. – 1977а. – С.16).

На срубных поселениях в лесостепи необычайно много находок каменных зернотерочных плит (целых и в обломках), курантов, пестов, каменных наконечников мотыг, более 50 серпов срубного типа, кельтов. Правда, все эти орудия не являются достаточной базой для доказательства занятия населения земледельческим хозяйством. Но более определенно о наличии земледелия свидетельствует оседлость вблизи обширных пойм рек. Скотоводство и охота оседлости не обеспечивают.

Весьма сложным для решения является вопрос о формах земледелия у лесостепных срубных племен. Н.Я.Мерперт выдвинул теорию о подсечно-огневом характере земледелия (1958. – С.156). К.В.Сальников, поддерживая эту теорию, указывает, что подсечно-огневое земледелие могло практиковаться главным образом в пойменных лесах, на краю которых устраивались поселки (1967. – С.177). По мнению К.В.Сальникова и Ю.А.Морозова (Морозов Ю.А. – 1977. – С.102), обработка земли под посевы производилась мотыгами и другими подобными орудиями. Эти авторы не ставят вопрос о пашенном земледелии у срубного населения лесостепи Приуралья.

Ю.А.Краснов, рассматривая распространение пашенного земледелия в лесной полосе к концу бронзового века, включает почти всю территорию Волго-Уральской лесостепи в зону его распространения (1971. – С.43 – Рис.21). По мнению Ю.А.Краснова, срубные племена познакомились с пашенным земледелием население южной окраины лесной зоны в Среднем Поволжье (1971. – С.42). В Северном Казахстане у населения саргаринской культуры (X–VIII вв. до н.э.), по мнению С.Я.Здановича, можно предполагать существование пашенного земледелия с использованием примитивных деревянных орудий и тягловой силы (1979. – С.18).

В пользу тезиса о знакомстве срубного лесостепного населения с пашенным земледелием часто приводятся косвенные данные. Зоологи полагают, что комолый крупный рогатый скот мог использоваться для тягловых работ (Петренко А.Г. – 1978. – С.117). Распространение повозок и псаллий, широкое применение лошади для верховой езды и в упряжке являются дополнительными фактами, указывающими на возможность знакомства с пашенным земледелием. Весь облик культуры срубных племен с их прочной оседлостью, развитой металлургией, домостроительством, обширными долговременными поселениями не противоречит, как нам кажется, утверждению о знакомстве их с земледелием, возможно и пашенным

(Краснов Ю.А. – 1971. – С.42). В настоящее время можно уверенно постулировать наличие земледелия у позднесрубного, луговского и межовского населения, однако характер его остается не выясненным.

В литературе уже отмечено и то, что большинство из данных, приведенных в пользу земледелия, являются спорными из-за отсутствия их четкой привязанности к культурным комплексам и недифференцированности древних земледельческих и собирательских орудий (Косарев М.Ф. – 1984. – С.117; Хлобыстин Л.П. – 1976. – С.47).

На памятниках Среднего Зауралья нет прямых данных о занятии черкаскульского и межовского населения земледелием. Но если учитывать, что это население проживало в пограничье южной тайги и северной лесостепи, где довольно рано, по мнению М.Ф.Косарева, сформировался многоотраслевой тип хозяйства (1984. – С.106, 108, 111), и что это население по уровню социального и экономического развития стояло не ниже своих степных соседей, живших в пределах ареала андроновской историко-культурной области (Сальников К.В. – 1967. – С.369; Косарев М.Ф. – 1981. – С.157), то в принципе можно допустить знакомство с этой отраслью производящего хозяйства черкаскульского и межовского населения. На соседних территориях известны отпечатки зерен на посуде с поселения Заводоуковское X бархатовской культуры (Сергеев А.С. – 1991. – С.57).

Сортовой состав выращиваемых продуктов земледелия неизвестен. На Луговском I поселении найдены зерна проса (Збруева А.В. – 1960. – С.20). На сусканском поселении Русская Селитьба в хозяйственной яме найдено около 3 литров зерна, подтвердивших, что его обитатели имели широкий спектр возделываемых земледельческих культур. Здесь зафиксированы двурядный и многорядный пленчатый ячмень, пшеница-двухзернянка, карликовая, просо (29%). Исследователи отмечают, что просо было одной из самых распространенных культур (Черных Е.Н., Агапов С.А., Кравцов А.Б. и др. – 1991. – С.160).

В более позднее время находки зерен также нечасты. В Прикамье на Ново-Кабановском городище ананьинской культуры нами найдены зерна полбы, на Осиновском городище гляденовской культуры в одном из жилищ определены зерна полбы, ячменя, пшеницы, овса (Генинг В.Ф. – 1970. – С.97).

Исследования 1989–1990 гг. путем флотации (отмывки) культурного слоя поселений на предмет наличия зерен культурных злаков, проведенной в лаборатории естественных методов ИА РАН, позволили придти к заключению о крайне слабом развитии земледелия в степи и лесостепи от Зауралья до Левобережной Украины; по преимуществу зерно фиксируется в единичных экземплярах на поселениях заключительной фазы ПБВ (Черных Е.Н., Агапов С.А., Кравцов А.Ю. и др. – 1991. – С.155–162). О сравнительно небольшой роли земледелия может свидетельствовать такой косвенный факт, как отсутствие среди костных остатков костей кошки, которых держат земледельцы для охраны зерновых амбаров от грызунов.

4.2. Присваивающие отрасли

Соотношение производящих и присваивающих отраслей в позднем бронзовом веке Урала и Прикамья не было одинаковым, что обуславливалось различными географическими условиями, в которых проживало население одной и той же АК.

Судя по костным остаткам, охота занимала если не решающую, то значительную роль у населения лесных районов – на Средней Вятке, в Среднем Прикамье, Тагильском районе. В районах северной лесостепи на памятниках резко возрастает количество костей домашних животных по сравнению с костями диких, что можно расценивать как падение роли охотничьего промысла. В то же время на отдельных долговременных памятниках (например, Юкаликулево, Тюбяк), помимо абсолютно превосходящего числа костей домашних животных, фиксируется значительное количество костей диких животных. В частности, А.Г.Петренко отмечала незначительную роль охоты у приказанского и черкаскульского населения (1984. – С.123).

Удельный вес охоты зависел от географического расположения памятников и хозяйственно-культурных традиций. Например, на территории Башкортостана из срубно-черкаскульско-межовских поселений самый высокий процент диких копытных отмечен в наиболее северном – Юкаликулевском поселении. На более южных памятниках доля последних в 12–15 раз меньше. Очевидно, южнее охота становится экономически невыгодной, и межовское население сокращает свою охотничью деятельность (Косинцев А.П., Варов А.И. – 1992). Отдельные срубные группы населения в лесостепи, т.е. в тех же условиях, что и межовцы, совсем не практиковали охоту на диких животных.

Относительно высокий уровень развития производящего хозяйства у срубного населения обуславливал незначительную роль присваивающих форм хозяйства: охоты, рыболовства и собирательства. Наибольшая роль присваивающих отраслей хозяйства, судя по материальным остаткам, принадлежала охоте.

Сопоставляя остеологические материалы домашних и диких животных с поселений, можно попытаться реконструировать удельный вес охоты в хозяйстве или, по крайней мере, роль диких животных в мясной пище срубного населения. Известно, что часть пушных животных могла не попасть в кухонные отходы на поселениях. Кости диких животных встречены не на всех памятниках (из 16 проанализированных на шести диких особей нет совсем). Например, на Казангуловском I поселении в Демском районе среди 1,2 тыс. единиц костей встречена только одна кость зайца (Морозов Ю.А. – 1989. – С.52). На 10 оставшихся процент костей диких животных составляет 18–24 по сравнению с костями домашних. Это поселения Ново-Баскаковское (18,7%), Жуковское (19%), Давлекановское IV (24%), Иман-

лейская (24%). В целом же по всем учтенным памятникам процент диких особей составляет 7,4.

На Чишминском поселении охотничьи промысловые животные составляли среди костных остатков 8,4% из 26,6 тыс. единиц находок костей (Морозов Ю.А., Рутто Н.Г. – 1989. – С.83). Не снижается, а даже возрастает удельный вес промысловых животных на отдельных степных памятниках срубной культуры Южного Урала. На срубно-алакульском Покровском поселении в Западном Оренбуржье охотничье-промысловые животные составили 14,6% из 123 найденных особей (Порохова О.И. – 1989. – С.70).

Несколько отличаются соотношения диких и домашних животных на поселениях: смешанными слоями на абашевско-срубных следы охоты совсем не зафиксированы, на срубных и срубно-межевских процент равен соответственно 11 и 10,9. Незначительная роль охоты в хозяйстве абашевцев отмечена рядом исследователей (Сальников К.В. – 1967. – С.51; Цалкин В.И. – 1972/4/. – С.63; Пряхин А.Д. – 1976. – С.127). В то же время в хозяйстве черкаскульского и межевского населения охоте отводилась более заметная роль (Сальников К.В. – 1967. – С.368; Цалкин В.Л. – 1972/4/. – С.65; Обыденнов М.Ф. – 1981. – С.12).

Дифференцированный подход к чисто срубным и срубно-межевским материалам показывает, что по составу диких особей они отличались незначительно. По соотношению домашних (92,7%) и диких (7,3%) животных лесостепная срубная культура несколько отличается от таковой степной зоны в сторону большей роли охоты. По данным В.Л.Цалкина, в Среднем Поволжье и Северном Причерноморье на долю диких животных приходится всего по 4%. Та же картина наблюдается на абашевско-срубных поселениях Среднего Подонья (1972/4/. – С.65. – Табл.VIII). В южно-лесных памятниках балымско-приказанской культуры этот процент составляет 12,7 и увеличивается до 13,6 в степных андроновских памятниках Казахстана и Оренбуржья.

Наиболее близкие соотношения особей домашних и диких животных определены на лесостепных срубных поселениях Заволжья и Приуралья с материалами культуры Ноа в лесостепной Молдавии. В обоих случаях процент диких животных составляет 7,3 (Цалкин В.И. – 1972/4/. – С.65. – Табл.VIII).

Провести повидовой анализ дикой фауны затруднительно вследствие ограниченного числа особей. Охота у лесостепного срубного населения имела мясное и пушное направление. Пушной промысел велся главным образом на бобра (14 особей) и в меньшей мере на хорька, выдру, зайца, лису, водяную крысу. Мясное направление охоты сосредотачивалось на промысле лося (27 особей). Ю.А.Морозов предполагал даже приручение лосей (1977д. – С.100), однако фактических данных об этом нет. Единичные особи косули, сайги, кабана скорее подчеркивают незначительную роль охоты в хозяйстве. Следует отметить охоту на хищников – медведя (на Деуковском I, Жуковском и Метев-Тамакском поселениях) и волка. Зубы

волка часто использовались для изготовления ожерелий. На Чишминском поселении представлены кабан, бобр, лиса, лось, северный олень, медведь, волк, а на Покровском поселении – кабан, олень, сайгак, лось, волк, бобр, лиса (Морозов Ю.А., Рутто Н.Г. – 1989. – С.83; Порохова О.И. – 1989. – С.70). Однако все эти животные представлены, как правило, единичными экземплярами, что указывает на отсутствие специализированной охоты с целью добычи мяса или пушнины.

Материалов из погребальных памятников, свидетельствующих об охоте, мало. Это преимущественно просверленные клыки волка и челюсть крупного кабана-секача (Васильев И.Б. – 1977. – С.34).

У черкаскульского и межевского населения из промыслов наибольшая роль принадлежала охоте и рыболовству. Среди костей животных выявлены мясные (лось, северный олень, косуля, медведь, кабан) и пушные (лиса, куница) животные. Наибольшее число выявлено особей лося, бобра, северного оленя, косули. На развитую охоту указывают наконечники стрел, найденные на всех поселениях и в некоторых погребениях.

Кости диких животных отмечены в остеологических остатках на всех черкаскульско-межевских поселениях, хотя процентное соотношение их с костями домашних животных на различных памятниках неодинаково. Обычно процент костей диких животных выше на поселениях лесной зоны. Так, на селище Черкаскуль II – 46,5%, на поселении Березки V – 36%, на поселении М.Липовый IX – 35,7%; ниже, на лесостепных памятниках (поселения Инзелга, Жуковское, Ахметово), – в пределах 16–24%. Соотношение костей домашних и диких животных показывает, что на четырех поселениях остатки диких видов вообще отсутствуют, а на девяти памятниках насчитывают от одной до трех особей, что не превышает 7%.

По 20 поселениям насчитано 616 особей домашних животных и только 126 диких. И лишь в памятниках кокшаровского локального варианта в остеологических остатках обнаружены только кости диких животных. Так, на Кокшаровско-Юрьинской стоянке, по определению И.Е.Кузьминой, отмечены кости от двух особей лося, по одной – северного оленя, собаки или волка и гуся или лебедя. Видимо, до поступления новых данных вопрос о наличии у этих групп черкаскульского и межевского населения скотоводства следует оставить открытым, хотя, возможно, жители и этого района знали скотоводство, поскольку они являлись частью единой культурной общности, жили в относительно сходных природных условиях.

Промысловый характер охоты можно предполагать у обитателей Юкаликулевского (84 особи), Ахметовского I (10 особей), Тюбяк (38 особей) и Дуванейского (10 особей) поселений. Из промысловых животных главную роль играли косуля (30,5%), бобр (21,3%) и лось (19,4%). Заметную роль охотничий промысел играл у юкаликулевцев. Здесь выявлены остатки 40 особей косули, 16 – бобра и 15 – лося. На других поселениях имеются только единичные особи данных животных. Характерно, что дикая фауна

межовских поселений типична для лесных и лесостепных ландшафтов. Здесь полностью отсутствуют животные степной фауны.

Значительная роль охоты отмечается на более северных памятниках (Лобань I), где в силу природных условий заниматься земледелием и скотоводством было сложнее. Исследователи обратили внимание на сравнительно высокий вес охоты у черкаскульцев и межовцев по сравнению с населением равнинных территорий Зауралья и Западной Сибири, причем прежде всего охоты на косулю и лося (Смирнов Н.Г. – 1980. – С.173–175).

Охота имела направление на добычу мяса, так как кости копытных составляют, например на Юкаликулевском поселении, 84% от костей всех диких животных (Косинцев П.А., Варов А.И. – 1991. – С.44). Также мясное направление охоты характерно для населения поздней бронзы Зауральской лесостепи, отнесенного к бархатовской культуре (Косинцев П.А. – 1989. – С.102).

Удельный вес диких животных на черкаскульских и межовских поселениях одного природно-географического района различался, но незначительно. Так, в раскопках 1978 г. на Юкаликулевском поселении с культурными отложениями черкаскульской и межовской культур дикие животные составляют 15%, а в раскопе 1985 г. с отложениями межовской культуры – 13%.

Юкаликулевское поселение дало наиболее полные сведения об охотничье-промысловых животных черкаскульско-межовского населения. По определению зоологов, объекты охоты на диких животных представлены копытными (57 экз. – косуля, лось, северный олень), пушными (22 экз. – лиса, бобр, куница, заяц, хорек), хищными – (волк, медведь, кабан). Последние представлены единичными экземплярами (Косинцев П.А., Варов А.И. – 1991. – С.44).

Промысловое значение у юкаликулевцев имела охота на косулю (40 экз.) лося (15 экз.) и бобра (16 экз.). Видимо, охота в лесной зоне распространения черкаскульско-межовцев играла большую роль, чем в лесостепной (Обыденнов М.Ф. – 1981. – С.12; 1985. – С.20), что можно объяснить обилием объектов охотничьей добычи в лесной зоне, особенно крупных мясных животных – косули и лося, и ограниченностью условий для занятия скотоводством, которое в силу этого не могло полностью обеспечить население мясной пищей (Смирнов Н.Г. и др. – 1980. – С.175). В итоге следует отметить, что основными объектами охоты черкаскульского и межовского населения являлись лось и косуля, костные остатки которых занимают первое место среди животных в остеологическом материале всех крупных раскопанных поселений.

Трудно говорить о преобладании коллективных или индивидуальных форм охоты. Видимо, охота на мигрирующих животных (косуля, северный олень) носила коллективный характер, на что косвенно указывает значительное число особей – до 40 на поселении Юкаликулево, 13 – на Черкаскуль II и т.д. В.Н.Чернецов и М.Ф.Косарев, основываясь на отсутствии на древних уральских писаницах изображений луков и стрел в сценах загон-

ной охоты и малом распространении наконечников стрел, отмечали большую роль загонной охоты. Это как будто находит подтверждение в приведенных материалах.

Правда, В.Т.Петрин упоминает изображение лучника, стреляющего в животное, на Арслановской писанице (1986. – С.120). Датировка Арслановского жертвенного места – от раннего неолита до III в. до н.э. (там же. – С.122).

Следует указать на важную роль бобрового промысла: кости бобра встречены на большинстве памятников, но особенно их много на лесном поселении Лобань I на р. Вятка (до 10 особей). Они отмечены также на поселениях Березки V, Черкаскуль II, Инзелга, Жуковское.

Вероятно, большое значение охоты на мигрирующих копытных животных подчеркивают и часто встречающиеся в наскальной живописи уральского региона изображения лося и косули, а также сцен охоты на них (Чернецов В.Н. – 1971. – С.59–62).

Характеризуя южноуральские писаницы, В.Т.Петрин отмечает, что среди них, кроме Арслановской писаницы, нет изображения лося, а ведущим животным является косуля. Хотя писаницы разновременны, их изображения отражают реальную охотничью ситуацию в бронзовом веке: на южноуральских памятниках кости косули явно преобладают над остатками лося. Именно кости косули и лося встречены под оградкой №13 в комплексе могильника Березки V, являющимся редким случаем нахождения остатков диких животных в погребальных комплексах. Охота на другие виды диких животных: кабана, медведя, волка, лисицу, северного оленя, зайца – у черкаскульцев и межовцев, видимо, существенного значения не имела, т.к. кости этих животных в остеологических остатках представлены единичными экземплярами. При возрастании удельного веса охотничьих промыслов в переходную эпоху к раннему железу принципиальных изменений в балансе охотничьих животных не наблюдается. Состав дикой фауны Касьяновского поселения (31,2% особей) включает бобра (26,6%), лося (20%), медведя (20%), кабана (13,3%), по одному экземпляру косули, лисицы, зайца (6,7% каждый) (Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. – 1985. – С.38, 39. – Табл.4). П.А. Косинцев на территории лесостепного Зауралья по материалам поселений и финальной бронзы, в том числе бархатовской культуры, отмечает резкое увеличение охоты, связывая это как с кризисом скотоводства в меняющихся условиях среды, так и с охотничьими традициями тасжского населения, появившегося на севере лесостепи в начале эпохи железа (1989. – С.102).

Проникновение в конце бронзового века гамаюнского населения с приспосабливающей экономикой охотничьего типа в среду межовских племен с производящей экономикой ярко выраженного многоотраслевого типа (с преобладанием пастушеского скотоводства) ведет к формированию более устойчивого комплексного хозяйства у населения раннего железного века Зауралья.

П.А.Косинцев и В.И.Стефанов предполагают, что на заключительном этапе межовской культуры, в период появления в Зауралье гамаюнского населения, у межовцев происходят некоторые изменения в хозяйстве, связанные с возрастанием роли охотничьих промыслов. В то же время они подчеркивают одностороннее влияние межовской и иткульской культур с производящей экономикой на культуру гамаюновцев – оседлых охотников (1989. – С.111–112).

Лесной характер многих поселений и обилие дичи предполагают охоту на птиц с помощью силков и других приспособлений, о которых у нас нет данных. О существовании у черкаскульцев и межовцев охоты на крупную водоплавающую птицу свидетельствуют кости гуся или лебедя, обнаруженные на Кокшаровско-Юрынском поселении; из трубчатых костей лебедя или гуся, по заключению П.А.Косинцева, изготовлен ряд поделок с поселения Березки V; кости птиц выявлены в остеологических остатках поселений Черкаскуль II, Березки V, Юкаликулевское (11 штук).

Косвенными подтверждениями охоты на птицу могут служить многочисленные стилизованные изображения водоплавающих птиц на черкаскульских сосудах и блюдах (Эдинг Д.Э. – 1940; Хлобыстин Л.П. – 1976. – Рис.17; Косарев М.Ф. – 1981. – С.49), а также изображения птиц и сцен охоты на них в наскальной живописи Урала (Чернецов В.Н. – 1971; Петрин В.Т. – 1986). Любопытны в этой связи изображения глиняной утки с Батраковского поселения, ложки из кости в форме водоплавающей птицы со Старо-Яппаровского I поселения.

Пока неясно, какую роль играла птица в хозяйстве срубного населения. Известно всего несколько упоминаний о находках остатков птицы. Они выделены среди кухонных остатков на Метев-Тамакском поселении и встречены в погребениях №№4 и 24 кургана №1 Хрящевского могильника, а в погребениях №№7, 8 кургана №6 того же могильника отмечена яичная скорлупа (Мерперт Н.Я. – 1954. – С.80, 115, 126). Поскольку кости птиц мелкие и сохраняются плохо, то такие немногочисленные материалы, видимо, не отражают реальной роли этого вида хозяйства.

Рыболовство было традиционной формой хозяйствования у населения Урала. Еще в эпоху неолита обитатели региона, занимаясь специализированным рыболовством (Эверстов С.И. – 1988. – С.29), промышленно ловили рыбу сетями, кололи острой и гарпунами, удили костяными крючками. Озерный край Зауралья и полноводные реки Прикамья способствовали длительному сохранению рыболовства как одной из ведущих отраслей экономики. Рыбные богатства уральских озер неоднократно отмечались этнографами. В неолите Урала фиксируются находки лодок, плотов, весел (Горбуновский торфяник, стоянка Мурат).

Под рыболовством понимается отрасль хозяйства, связанная с добычей рыбы. Его зарождение обнаруживается на Урале и в Сибири уже в начале плейстоценовой эпохи, а широкое распространение было связано с глобальными изменениями климата, исчезновением мамонтовой фауны.

В среднем и позднем каменном веке рыболовство становится стабильным хозяйственным занятием и способствует постепенному переходу населения к оседлости (Эвересгов С.И. – 1988. – С.117–119).

Имеются данные о занятии уральского населения рыболовством, о чем свидетельствует целая серия прямых (ихтиологические находки на поселениях и в могилах, наличие рыболовных приспособлений) и косвенных (сюжеты заповорного рыболовства в наскальных рисунках Урала) данных (Чернецов И.Б. – 1971. – С.64–65).

Почти все поселения расположены рядом с водоемами. Чешуя и кости рыб упоминались на Дуванейском (Васильев И.Б. – 1975. – С.252), Замаравском (Сальников К.В. – 1951. – С.106) поселениях. В погребении №320 могильника Такталачук обнаружен позвонок осетровой рыбы (Казаков Е.П. – 1979. – С.146). Находки костей рыб имеются в слоях поселения Липовая Курья (Хлобыстин Л.П. – 1968. – С.79). В последние годы материалы о рыболовстве древнего населения пополнились. Кости рыб найдены на Нижегородском III, Казангуловском I (по 1 экз.), Старо-Кабановском II (5 экз.) поселениях. Рыбьи позвонки обнаружены при раскопках 1984 г. в хозяйственных ямах Дуванейского поселения, в слое с межовской керамикой поселения Тюбак.

Ихтиозоологические исследования позволяют определить виды рыб, выловленных в уральских водоемах. Это щука, плотва, окунь (Липовая Курья), язь, голавль, жерех (Юкаликулево), осетровая рыба (Такталачук). Наиболее полные данные о рыболовстве получены на Юкаликулевском поселении. Здесь чешуя и позвонки рыб были найдены в яме черкаскульской постройки №3. Рядом с очагом выявлена яма небольшого размера со ступенькой и система столбовых ямок, которые позволяют предположить место для сушки рыбы. В раскопе VI 1985 г. чешуя рыбы отмечена у края борта межовской постройки №7, а у противоположного борта – позвонок крупной рыбы. Таким образом, рыбные остатки чаще связаны с постройками.

Находки 1978 г. изучались И.П.Дьяченко. По его данным (1985), чешуя принадлежала 12 видам семейства карповых (язь, голавль, елец, лещ, белоглазка, тустара, плотва, карась золотой, карась серебряный, жерех, красноперка, подуст). Из всех видов чешуя язя в кухонных остатках наиболее многочисленна и составляет более половины определенных чешуек.

Незначительная роль рыболовства, кроме малого количества предметов лова, подтверждается тем, что жители Юкаликулевского поселения добывали рыбу преимущественно в доступное для промысла время – в период нереста весной, и в следующие несколько летних месяцев. По данным И.П.Дьяченко, на весенне-летний период приходится 84,2% всего улова рыбы. Успеху в промысле способствовало обилие рыбы в реках, а в пищу употреблялись преимущественно крупные экземпляры, относящиеся к старшим группам. 89,3% рыб имели возраст от 7 до 15 лет и лишь 10,7% были в возрасте от 4 до 6 лет; чешуя более молодых рыб не обнаружена. Длина крупных рыб достигала 70 см. Рыба подобных размеров ныне край-

не редка в водах р. Ай, на берегу которой расположено Юкаликулевское поселение.

Ориентировку на ловлю крупной рыбы ирменским населением отмечает Е.А.Сидоров (1989а. – С.36). Очевидно, такой промысел, носивший несистематический характер, являлся обычным занятием населения юга леса и лесостепи в эпоху поздней бронзы. Также можно прийти к выводу о длительном использовании мест обработки рыбы. Одновременно следует заметить, что рыба не играла существенной роли в пищевом рационе.

Наиболее важной чертой юкаликулевцев было избирательное рыболовство. В реках Ай и Уфа встречается множество видов костных рыб, но юкаликулевцы вылавливали и употребляли в пищу только рыб семейства карповых. Вероятно, юкаликулевцы в соответствии со своими верованиями оставляли в покое хищников (щука, сом, окунь), а тем более налима, нередко питающегося мертвечиной.

Представляется, что роль рыболовства у черкасульцев и межовцев, особенно в районах Кыштымского озерного края, была еще более велика. Богатство этих озер рыбой общеизвестно, и вряд ли среднеуральское население его не использовало.

Различные глиняные грузила, найденные на поселениях Лужки I, Замараевском, Луговском I, Ибрагимовском I, Ильмурзинском I и Юкаликулевском, свидетельствуют о сетевом рыболовстве. Количество грузил сравнительно невелико, что также может указать на несистематический характер промысла. Возможно, в качестве грузил употреблялись простые камни, завернутые в бересту. В материалах поселений такие камни выделить из числа крупных галек невозможно. Встреченные же на поселениях (Тюбяк, Юкаликулево и др.) глиняные шарики, иногда целыми скоплениями, также могут указывать на их функциональное назначение в качестве сетевых грузил.

Есть основания предполагать наличие сетей, неводов, сачков из конского волоса. Как явствует из этнографических материалов, волосная сеть при подледном лове рыбы не смерзается и не коробится, может служить до 10 лет (Эверстов С.И. – 1988. – С.33).

Крупную рыбу промышляли индивидуально. Находки бронзовых рыболовных крючков размером 9 и 4 см были обнаружены Т.М.Потемкиной на межовско-алексеевском поселении Волостниково (1985. – С.135. – Рис.52, 7–8). Крючки найдены также на Луговском I, Жуковском, Чишминском (Морозов Ю.А., Рутто Н.Г. – 1989. – С.82. – Рис.7, 2). Как правило, на одном поселении найдено не более 1–2 бронзовых крючков, что подчеркивает незначительность данного промысла.

Сравнительно редкие находки одно- или двузубых гарпунов (Тюбяк, Бирское) говорят об охоте на крупную рыбу в запорах и на загородках. Проход у запора мог выстилаться берестой, чтобы проходящая рыба была хорошо видна на белом фоне (Сидоров Е.А. – 1989. – С.35).

Совершенно очевидно, что обитатели срубных поселков также занимались ловлей рыбы. Однако свидетельства о рыболовном промысле у них

еще более ограничены. Ряд рыболовных крючков из Закамья опубликован С.В.Кузьминых (1981. – С.58. – Рис.6). Очень редко кости рыб встречаются в погребениях. В Красноярском срубном могильнике в погребении №2 кургана №10 найдена щучья голова (Галкин Л.П. – 1973. – Отчет.). Рыбные позвонки встречены в Старо-Ябалаклинском могильнике – курган №106, погребение №5 (Морозов Ю.А. – 1980. – С.161). В погребении №10 кургана №5 Качкиновского могильника найдены бусины из сверленных рыбьих позвонков (Нигматуллин Р.А. – 1978. – Отчет.). На Ново-Баскаковском поселении на берегу р. Кармасан найдены кости рыб и раковины (Збруева А.В., Тихонов Б.Г. – 1970. – С.53).

Следует отметить, что остатки рыб и рыболовецкого хозяйства заметно малочисленны в срубных материалах в сравнении с материалами лесных культур – черкаскульской, луговской, приказанской, межовской (Обыденнов М.Ф. – 1981а. – С.12; Халиков А.Х. – 1969. – С.335).

Прослеживаемое на археологических материалах рыболовство у населения Урала и Прикамья в эпоху поздней бронзы относится к виду сезонного интенсивного рыболовства, которое, по заключению С.И.Эверестова (1988. – С.118) характеризуется умножением рыболовных орудий по сравнению со спорадическим рыболовством и расширением способов лова рыбы. В Сибири этот вид рыболовства практиковался в голоцене и просуществовал до современности.

Лесостепные и южно-лесные районы Урала и Прикамья до сих пор богаты зарослями, где для собирательства всегда имелись большие возможности. Но, к сожалению, о собирательстве не сохранилось почти никаких данных. Имеются только упоминания о находке плодовых косточек рядом с сосудом в погребении кургана №1 Каменно-Вражского могильника. Однако по аналогии с другими историческими эпохами можно полагать достаточно широкую практику собирательства. В более раннее время известны находки черемуховых косточек в берестяной сумке (Старков В.Ф. – 1980. – С.189) и колотушек, которые интерпретируют как орудия для разбивания орехов (Раушенбах Б.М. – 1956. – С.120–121) или обработки кожи рыб или шкур животных (Эверестов С.И. – 1988. – С.31–32).

Данные этнографии неоспоримо свидетельствуют о занятии сибирских народов собирательством (Народы Сибири. – 1956), и колоссальных природных богатств лесной и северо-лесостепной зоны Урала, что позволяет утверждать о развитии и этого направления хозяйственной деятельности коллективов бронзового века. В середине I тыс. до н.э. напиток из степной вишни, произрастающей на Южном Урале, был известен в античном мире, в частности Геродоту (Членова Н.Л. – 1983. – С.55). Полукочевые башкирские племена в XVIII веке активно практиковали присваивающие формы хозяйства, в том числе собирательство плодов и ягод.

Очевидно, в пищу употреблялись и речные моллюски, найденные на Юмагузинском I (1 экз.), Юкаликулевском (1 экз.) и Тюбякском поселе-

ниях (5 экз.). В Приуралье такие находки известны в сосуде срубной культуры из Акназаровского могильника.

Локальные различия внутри зоны многоотраслевого комплексного хозяйства проявляются как в Западной Сибири (Косарев М.Ф. – 1980. – С.59), так и в Урало-Прикамском районе не очень четко. Различия в рамках последнего региона проявляются главным образом между северными и южными ареалами: в первых преобладают присваивающие формы экономики (охота и рыболовство), во вторых велика роль скотоводства, подтверждаемая возрастающим количеством остеологических остатков и, возможно, зарождалось земледелие (Луговское I, Русская Селитьба).

М.Ф.Косарев (1980. – С.59; 1986. – С.115) полагает, что комплексное хозяйство, сочетавшее производящие занятия с присваивающими промыслами, было экологически и экономически оправданным лишь в полосе контактов традиций производящей и присваивающей экономик, т.е. на юге лесостепной и лесостепной зон.

В.Ф.Генинг для рубежа тысячелетий отмечает установление равновесия скотоводства и земледелия (1990. – С.22). Дело заключается, очевидно, не в равном удельном весе обоих видов производящего хозяйства (о чем говорить, разумеется, нельзя из-за отсутствия документированных данных по земледелию), а в том, что за период позднего бронзового века производящее хозяйство упрочилось, и население, эффективно используя преимущества северной лесостепи и южно-лесной зоны, формирует многоотраслевую (Косарев М.Ф.) экономику, которая на определенном историческом отрезке времени оказалась наиболее оптимальной и результативной.

4.3. Производственная специализация и вопросы древнейшего ремесла

Рассматривая вопросы производственной специализации и древнейшего ремесла, следует отметить большие затруднения исследователей при попытках рассмотреть социальные аспекты и их роль в общеисторическом процессе. Археологические критерии, характеризующие процесс развития домашнего ремесла, заключаются в профессионализме, специализации и появлении обмена.

Проблемы изучения первобытного ремесла поднимались на совещании, посвященном характеру ремесленного производства (Бочкарев В.С., Распопова В.И. – 1971), в работах В.М.Массона (1976), А.Л.Черных в книге «Проблемная ситуация в современной археологии» (1988. – Гл.5), работах Э.В.Сайко (1990) и др.

Исходя из положений, обоснованных в указанных работах, и археологических источников по ПБВ Урала и Прикамья, можно полагать наличие в этих районах домашнего (Ф.Энгельс), первобытного или общинного ремесла (В.И.Массон, В.В.Кропоткин, С.Н.Бибикив и др.). По В.М.Массону, это второй этап развития домашних промыслов, или ремесел, и, видимо, к

третьему этапу переходит металлообрабатывающее производство (Килейников В.В. – 1988. – С.103).

Особенностями домашнего производства, по Б.А.Колчину и Э.В.Сайко, являются низкая техническая база, отсутствие постоянной связи работника с основными средствами производства; продукт не подлежит отчуждению, из-за нестабильного функционирования производства его объем непостоянен. Само домашнее производство представляет собой многокомпонентное явление. Рассредоточенность, эпизодичность, узкая техническая база – характерные показатели домашней формы организации производства (Колчин Б.А., Сайко Э.В. – 1981. – С.22–23).

Следует отметить, что оценка уровня развития технической базы конкретных производств не может быть достаточным основанием для выявления экономических форм производства, так как причины развития общественного разделения труда не могут быть чисто техническими – они социальные, слабо прослеживаются в археологических источниках и поэтому трудно уловимы.

Прогрессивное развитие и усложнение производства проходило как на основе вызревания внутренних условий, так и под влиянием более развитых в производственном отношении культурных общностей степной зоны Евразии. В основе изменения производства находились сложные процессы специализации, дифференциации производственной деятельности, изменение технической базы ее развития, рост экономического потенциала различных видов труда. Поэтому анализ специализации конкретных видов производства выступает важным условием и способом изучения и восстановления характера изменения производственной деятельности изучаемого общества (Колчин Б.А., Сайко Э.В. – 1981. – С.11).

В качестве одного из условий совершенствования специализации производственной деятельности необходимо наличие специализированных орудий труда.

Индивидуальная специализация в первобытном обществе, по этнографическим материалам, существует с самых ранних этапов его развития и была обусловлена индивидуальными способностями людей (Бутинов Н.А. – 1960). Специализация вплоть до второго крупного общественного разделения труда развивалась в рамках первобытного ремесла, под которым обычно понимают непищевое производство.

Становление земледелия и скотоводства по своему историко-производственному смыслу представляло вычленение и оформление определенных видов специальной деятельности, связанной с производством предметов потребления в особое производственное направление.

Не вдаваясь в детали существующей в специальной литературе дискуссии по вопросам раннего ремесла, выделим некоторые черты развития домашних промыслов и древнего ремесла, характерные для Урало-Прикамского региона.

В исследованиях по бронзовому веку Урала авторы обычно не касались вопросов ремесленной специализации. В то же время после великого общественного разделения труда – выделения производящей экономики – начинается более углубленная специализация как самих человеческих коллективов, так и внутри их.

Характер доступных археологических и этнографических материалов по Уральскому региону во многих случаях таков, что позволяет выдвигать лишь очень фрагментарные и предположительные реконструкции, либо вынуждает отказываться даже от таких попыток. Специалисты, изучающие аспекты первобытного ремесла, используют самые разнообразные подходы (ПССА. – 1988. – С.161–191). Предпочтение отдается технологическим характеристикам, специфичным для каждой конкретной отрасли. В то же время технологические исследования, при всей их детализации, не дают ответа на вопрос о месте отрасли в системе общественного производства, ее удельном весе и роли в социально-экономической системе.

Особая роль в развитии специализированного труда и увеличении общего технико-технологического потенциала в организации производства принадлежит металлообработке. Значительное расширение ее в ПБВ приводит к важным переменам в организации труда и его специализации.

Углубление специализации различного вида работ и направлений, обуславливаемое всем ходом развития экономической базы общества, сопровождалось интеграционными процессами. Особенно это явно прослеживается на примере бронзовых изделий, производство и территория распространения которых охватывают огромные зоны Евразии (Черных Е.Н. – 1970; 1976; 1978; Агапов С.А. – 1990).

Процесс специализации имеет сложную структурную организацию, дифференцируется на разные уровни и формы проявления (специализация средств производства, действий, деятельности индивида и др.), которые находятся в сложном взаимодействии и взаимообусловленности. В числе показателей уровня специализации выступают качественные характеристики изделий (Сайко Э.В. – 1990. – С.65, 119). Наиболее высокий уровень специализации присущ обработке бронзы. В то же время другие виды деятельности, сосредоточенные в рамках домашних ремесел-промыслов, едва ли поднялись на уровень хотя бы относительно высокой специализации. В последней, очевидно, не было необходимости ввиду относительно невысокого уровня прибавочного продукта, получаемого при комплексном многоотраслевом хозяйстве, находящемся в большой зависимости от природных условий. К тому же отсутствие большого разнообразия в хозяйствовании сдерживало развитие обмена, а следовательно, и специализированного производства.

Уровень развития древнего производства можно оценить исходя из социальных структур, исследуемых по погребальным памятникам. Однако в археологических культурах Урала и Прикамья эпохи поздней бронзы погребальные памятники немногочисленны и весьма бедны инвентарем,

что косвенным образом можно расценить как результат крайне низкого уровня специализации ремесла, не позволяющего исследователю детально судить о нем.

Кроме металлообрабатывающего, к числу наиболее древних специализированных производств относятся камнеобрабатывающее, ткацкое, керамическое, кожевенное и др. Зарождение новых специализированных форм труда в этих производствах происходило постепенно, неодновременно и неравномерно. Степень глубины специализации была разной (Сайко Э.В., Терехова Н.Н. – 1981. – С.72).

Важная роль в углублении производственной специализации на Урале в эпоху бронзы, на наш взгляд, принадлежит также дифференциации экономики на пастушеско-земледельческую, многоотраслевую и чисто скотоводческую. Остановимся на главных направлениях производства.

На памятниках ПБВ найдено сравнительно немного орудий из камня, поэтому общепризнано, что в быт населения прочно вошли изделия из бронзы. Мы можем предполагать весьма продуктивную металлургию, но невозможно связать конкретные горные выработки с конкретными культурами. Исследовано очень мало медеплавильных комплексов. Если кусочки медной руды встречены на целом ряде поселений, то остатки орудий для ее плавки выявлено всего несколько. Остатки горна и обломки большого тигля известны на поселении Коптяки V (Берс Е.М. – 1951. – С.208). Остатки печи, которая представлена развалом (2,5х1,5 м) крупных камней, заполненным углем, золой и прокаленной глиной, и обломки литейных форм раскопаны в большой постройке №1 межовской культуры на поселении Тюбяк. Остатки медеплавильной печи в виде прямоугольной камеры размером 27х22х16 см из четырех известняковых плит, входящих конусом в материк, выявлены на Тавлыкаевском поселении. Внутри камеры обнаружены шлак и медный слиток весом 105 г. Постройка, в которой располагалась печь, отличалась от остальных небольшими размерами, ее площадь составляла чуть более 50 кв. м (Морозов Ю.А. – 1983. – С.20).

Оформление подобных металлургических комплексов в специализированных постройках с каменными печами-горнами произошло еще в предшествующее время – в среде срубных (Пряхин А.Д. – 1991) и центрально-казахстанских племен эпохи бронзы (Курманкулов Ж. – 1988. – С.9–10; Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. – 1992). В сейминское время такие мастерские известны на абашевско-срубных поселениях (Тюбяк).

Срубная печь для плавки руды открыта на Береговском I поселении в полуземляночной постройке размером 3,5х3,5 м. Она состояла из прокаленных камней, перемешанных с золой и углем, и прокаленной глины. Рядом найдены куски шлака, сплески меди, металлические обломки, серп и шило. Автор относит постройку к числу специализированных помещений, предназначенных для плавки металла и кузнечных операций (Горбунов В.С. – 1989 – С.71). Остатки металлургической печи выявлены Ю.А.Морозовым на поселении Барятино III на р. Куганак в Башкирии. Небезынтересно от-

метить находку крупного куска меди в березовом туесе на Какрыбашевском Верхнем поселении.

В целом же нужно отметить, что следы выплавки металла на поселениях ПБВ сравнительно редки, что позволяет предполагать плавку вблизи рудников, уничтоженных позднейшими разработками.

На черкаскульских, межовских и луговских поселениях более часты следы литейного производства, они найдены почти на всех крупных поселениях.

Тигли-чашечки со следами плавки имеются на межовском поселении Малый Липовый IX, глиняные льячки и ножка плавильной чаши – на черкаскульско-березовском поселении на оз. Березовом. На поселении Юкаликулево в заполнении хозяйственной ямы у края постройки обнаружены мелкие черепки и куски шлака. Медные шлаки или следы ошлаковки выявлены на Луговском I, Старо-Яппаровском, Жуковском, Бирском, Чесноковском I и др. поселениях. К.В.Сальников справедливо полагал, что изготовлением металлических предметов занимались на каждом селище (1951. – С.106).

Об изготовлении бронзовых изделий свидетельствуют как сами орудия, найденные на памятниках, так и литейные формы для их изготовления. Интересно, что лезвие ножа с Бирского поселения после отливки не было заточено и сохраняло на краях лезвия металл, затекший между двух половинок формы. Рядом с ножом находились камни песчаника для затачивания металлических орудий (Васильев И.Б., Горбунов В.С. – 1975. – С.155).

На среднезауральских поселениях (Какшарово I) обнаружены литейные формы для отливки кельта самусьского типа (Старков В.Ф. – 1970. – С.103), обломок литейной формы для отливки кельта сейминского (Береговая I) типа (Эдинг Д.Н. – 1940. – Рис.10, 2) и хорошо известная форма с Липовой Курьи (Хлобыстина М.Д., Хлобыстин Л.П. – 1967; Хлобыстин Л.П. – 1976. – С.35–36. – Рис.15, 1, 2, 4).

Урало-прикамским населением отливался разнообразный ассортимент бронзовых орудий труда, оружия и украшений. По наблюдениям А.Ф.Шорина, специфически черкаскульскими изделиями являются височные подвески в полтора оборота, В-образные в сечении, орнаментированные группами косо поставленных насечек, и втульчатые желобчатые долота с богатым орнаментальным поясом на втулке, совпадающим с орнаментацией черкаскульских сосудов. А.Ф.Шорин предполагает наличие связи ряда случайных находок позднесеиминских типов с черкаскульской культурой, что, однако, требует дальнейших подтверждений.

Раннелуговское население пользовалось целым набором орудий. В могильнике Такталачук найдены наконечник копья, ножи, височные подвески. На позднелуговских поселениях встречены изделия тех же типов, что и на межовских поселениях. С межовским населением достоверно связаны прорезные наконечники копий; ножи, близкие по форме киммерийским и кардашихинским; подвески в полтора оборота, В-образные в сечении; не-

большие круглые бляшки с ушком на обороте. Не исключена связь и других категорий изделий – кельтов асимметричных с пещеркой или без пещерки (Черных Е.Н. – 1970. – Рис. 48, 26, 33; Сальников К.В. – 1967. – Рис. 58, 16), кинжалов сосново-мазинского типа.

В западных районах маклашеевской общности существенных различий в металлообработке не наблюдается. Занятие обитателей Касьяновского поселения бронзолитейным производством документируется медными шлаками, глиняными тиглями, обломком двухсоставной формы для отливки игл. Видимо, литьем занимались рядом с жилищем, т.к. вблизи него находились литейная форма, фрагменты тиглей и шлака. Литейные формы найдены и на других поселениях маклашеевской общности.

По заключению Е.Н.Черных, из многих сотен меднорудных месторождений, расположенных на Урале, только одно-два из каждых 15–20 могли служить рудным источником для древних металлургов, т.к. содержали достаточно обширные зоны окисленных медных минералов (1972. – С.75).

Почти полная неизученность памятников горного дела и древнейшей металлургии на Урале затрудняет определение степени разделения труда в этой производственной сфере. Судя по количеству произведенного металла, разнообразию его форм, Урало-Прикамские очаги металлообработки (по Е.Н.Черных – андроновский, срубный и приказанский) заметно уступали гумельницкому очагу, расположенному в Карпатах (1978) и даже очагам Юго-Запада (1976). Е.Н.Черных указывает на заметное снижение уральской металлургии на четвертой фазе, или в период предананьинского хронологического горизонта (1976. – С.125). В постсейминское время происходит расцвет только приказанского металлургического очага, что было обусловлено переориентацией восточных связей волго-уральских очагов металлообработки на западные – с поднепровскими очагами: ингуло-красномаяцким, кардашинским и заводово-лобойковским (Кузьминых С.В. – 1983. – С.129). Импульсом для развития, по мнению Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых, послужило формирование общности культур валиковой керамики в степной и лесостепной зонах, а начальные импульсы этого влияния были восприняты через призму мастеров позднесрубной культуры, этнокультурно связанных с литейщиками заводово-лобойковского очага (Черных Е.Н. – 1976. – С.192; Кузьминых С.В. – 1983. – С.129).

Специальных исследований черкаскульского и межовского металла не производилось, т.к. он не был выделен из общей массы металла андроновцев. Очевидно, что черкаскульские и межовские литейщики использовали в основном металл восточно-уральской (ВУ) химико-металлургической группы, рудными источниками которого были месторождения Зауралья. Из 40 проанализированных предметов 25 изготовлено из группы ВУ, 6 – группы ВК, 2 – группы МП, другие же группы единичны. Видимо, черкаскульцы и межовцы редко использовали импортный металл и изделия из него, хотя такие случаи имеются. Например, нож с Бирского поселения изготов-

лен из редкой для Урала группы СМ (Сосново-Мазинского клада), происхождение которой связано с Карпатами.

Изделия волго-камской химико-металлургической группы (ВК) доминируют на протяжении всей деятельности приказанского очага. Инвентарь ма-кшашеевских могильников изготовлен только из этого металла, и преобладание его сохраняется в ананьинскую эпоху (Кузьминых С.В. – 1977. – С.16). В Приуралье металл ВУ доминирует в раннелуговских памятниках (могильник Такталачук) и распространен в межовских комплексах этой же территории. По заключению С.В.Кузьминых, металлообработка приказанского очага с самого начала ориентируется на привозное сырье. Если у поздних срубников сурмяно-мышьяковские сплавы (группа ВК) занимают только 62,5%, то в приказанском очаге они значительно возрастают. Черкаскульское и межовское население использовало оловянистые бронзы (группа ВУ, до 70% коллекции), а сурмяно-мышьяковистые сплавы составляют лишь 5,4% (Кузьминых С.В. – 1983. – С.127–128).

Отмечая спад горно-металлургической деятельности по сравнению с сейминской фазой, С.В.Кузьминых и С.А.Агапов (1989. – С.196) указывают на отсутствие археологических свидетельств активной разработки коренных месторождений Южного и Среднего Урала, в то время как месторождения медистых песчаников разрабатываются ограниченно. Изделия из меди МП тяготеют к районам Южного Прикамья (в приказанской, луговской, черкаскульской и межовской культурах доля их не превышает 10–12,5%, а в текстильной встречен лишь один экземпляр).

Реконструкцией производственной структуры металлургов занимался Е.Н.Черных. Исходя из того, что это было технически самое сложное из древнейших производств, результаты труда высоко оценивались в обществе и обществу в них очень нуждалось; занятие горно-металлургическим делом окружалось системой строжайших запретов; оно предполагает ремесленное обособление горняков, металлургов и литейщиков-кузнецов. Е.Н.Черных выделяет четыре основных ранга разделения труда и ряд субрангов. Разделение труда на Урале и в Прикамье в ПБВ едва ли поднималось выше второго ранга, состоявшего из двух ячеек – горняк-металлург и кузнец-литейщик (1976. – С.159–160; 1978. – С.280–281). Можно считать установленным, что на Урале обработка металла уже была отделена от горного дела и металлургии, хотя, разумеется, продолжали существовать коллективы с мастерами-универсалами, характерными для первого ранга. Нет оснований полагать, что металлургией и металлообработкой занимались в каждой семье и они были чем-то вроде гончарства, относясь к домашним ремеслам. Е.Н.Черных обоснованно считает (1972. – С.183), что с началом металлургии в общинах выделялись люди, специализировавшиеся в этом сложном деле.

Есть факты, свидетельствующие о том, что на Урале медеплавильни располагались вблизи медных месторождений, это дает основание предполагать, что металлурги сами добывали руду. К числу специализированных

поселков можно отнести поселение Липовая Курья, которое Л.П. Хлобыстин (1976. – С.48) рассматривал в качестве «центра мелкотоварного зачаточного производства изделий», предназначенных для товарообмена с небольшой сферой потребления. На несколько иных позиций стоит Е.Е. Кузьмина. По ее мнению, даже у андроновских племен, металлургия которых интенсивно работала на экспорт, достигая 24,6% металла срубной культуры, она не достигла стадии специализированного ремесла, металлургии вели комплексное скотоводческое хозяйство и данных о разделении труда нет (1988а. – С.17). Последний тезис едва ли может служить доказательством отсутствия разделения труда, т.к. известно, что рабочие уральских заводов в XVIII веке и позднее занимались сельским хозяйством.

Очевидно, для уральского региона мы можем предполагать территориальное разделение труда и специализацию отдельных групп населения по добыче медной руды и ее плавке. Тезис об отделении горного дела от обработки бронзы на наших материалах подтверждает тот факт, что средневожжские и прикамские мастера занимались только металлообработкой. Прямых следов металлургических процессов, связанных с выплавкой меди из руды, у них не зафиксировано (Кузьминых С.В. – 1983. – С.127).

Срубные материалы более полно подтверждают тезис Е.Н. Черных об обособлении металлургического производства и особом статусе металлургов в социальной структуре древнего общества (1976. – С.159–166; Агапов С.А., Иванов А.Ю. – 1978; Пряхин А.Д. – 1991. – С.25).

В рассмотренных археологических культурах южно-лесной зоны нет захоронений литейщиков, как в поздней бронзе степной зоны, и нам не известны случаи сопровождения мастера сырьем и продукцией его труда. Можно предполагать, что ремесленная специализация здесь еще не зашла глубоко, поскольку в условиях родового общества готовая продукция мастера принадлежала общине и не могла индивидуализироваться.

Весьма важным для понимания развития экономики Урала в переходную эпоху является решение проблемы, связанной с началом металлургии железа, поскольку именно железо, по словам Ф.Энгельса сыграло революционную роль в человеческой жизни.

Относительно Урала и Приуралья существовало мнение, что, вследствие развитой здесь металлообработки бронзы и широкого распространения бронзовых орудий, на территории ананьинской культуры железные орудия появились поздно (Збруева А.В. – 1952а. – С.58; Граков Б.Н. – 1958. – С.4). К.В. Сальников считал, что железо начинает широко входить в быт, может быть, не ранее IV в. до н.э., хотя первое знакомство с ним он относил к VII–VI вв. до н.э. (1960. – С.13).

Проанализированные нами материалы позволили несколько отодвинуть эти даты вглубь веков. Найденные на поселениях конца бронзового века железные вещи или следы их производства позволили более уверенно ставить вопрос о знакомстве населения культур конца бронзового века Урала и Прикамья с обработкой и использованием железа (Обы-

деннов М.Ф. – 1981а. – С.12; 1985. – С.22–25; 1986. – С.41–46). Это находки на Юкаликулевском (мотыга, нож, шлаки), Кумлекуле (обломки), Луговском I (нож), Максютловском II (куски гематита), Межовском (куски руды и шлаки), Кизыльском, Дуванейском, Затонском II, Сасыкульском (на всех шлаки), Ибрагимовском (шлаки, обломок ножа), Касьяновском (2 ножа), Ерзовском (2 ножа).

Металлографическому микроструктурному анализу были подвергнуты три железные изделия с Юкаликулевского поселения (нож, мотыга и обломок клиновидного орудия). Два последних изделия, по заключению А.П.Зыкова, откованы по простейшей технологии. Обломок ножа сделан путем наварки углеродистого стального лезвия на железную пакетованную основу с последующей резкой закалкой. Железные пакетованные ножи, по мнению А.П.Зыкова, появились на Урале в памятниках иткульской культуры (Обыденнов М.Ф. – 1991. – С.50).

А.Х.Халиков, отмечая раннее освоение железа в Среднем Поволжье, писал, что по времени и уровню освоения железа население этого района не только не отставало от населения более южных районов, но в некоторых отношениях даже опережало его. В то же время он замечает, что переход к изготовлению железных орудий труда и оружия произошел в VIII–VII вв. до н.э., когда в раннеананьинских памятниках железные вещи становятся обычной находкой (Халиков А.Х. – 1969. – С.365).

Приведенные выше материалы позволяют предполагать, что по крайней мере с конца IX в. до н.э. на Урале и Приуралье начинается разработка железных руд и производство железных изделий, которое базировалось на высокоразвитой бронзовой металлургии и металлообработке. Тезис о возникновении железоделательного производства из высокоразвитой металлургии бронзы приводится целым рядом авторов (Обыденнов М.Ф. – 1986а. – С.45).

Использование наряду с медистыми песчаниками медносернистых руд при производстве меди побуждало металлургов к созданию принципиально новых технологий ее получения, в том числе дополнительной фазы обжига руды для удаления элементов серы (Черных Е.Н. – 1972. – С.152–153; Селимханов И.Р. – 1970. – С.77; Гришин Ю.С. – 1980. – С.96–97). Существенно, что плавка меди из сернистой руды создавала реальные возможности для перехода к железоделательному производству, т.к. технологические основы этих процессов весьма близки (Сунчугашев Я.И. – 1979. – С.127; Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Л.П., Паньков С.В. – 1983. – С.9–12).

Авторы статьи о начальном этапе обработки железа доскифского периода считают, что в Восточной Европе производство железа появляется раньше, чем в Сибири и Средней Азии. Они указывают несколько производственных центров, расположенных на Северном Кавказе, в Среднем Поднепровье и Волго-Камском районе (Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. – 1977. – С.74).

Ко времени перехода к обработке железа Урал ненамного отставал от Северного Кавказа. Там древнейшие находки железных изделий датируются второй половиной II тыс. до н.э., преимущественно его концом и началом I тыс. до н.э. (Котович В.Г. – 1977. – С.72), и переход шел вровень с Причерноморьем, где процесс быстрой смены бронзы железом начался с середины или с конца IX в. до н.э. (Тереножкин А.И. – 1973. – С.12).

Начало железной металлургии в Закавказье (оно входило в зону древнейших очагов металлургии железа, наиболее ранние из которых восходят к культурам Малой Азии III тыс. до н.э.) относят к XIV, XII или к XI–X вв. до н.э. (Мартirosян А.А. – 1964. – С.132; Абрамишвили Р.М. – 1962. – С.25). О многовековых традициях кузнечного производства пишут исследователи железных изделий предантичного периода (XIII–VI вв. до н.э.), в Колхиде (Бгажба О.Х., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. – 1989. – С.117, 138).

В могильнике Тли на Центральном Кавказе погребения с железными орудиями датируются концом XI в. до н.э. (Техов Б.В. – 1977. – С.108). Распространение железа на Северном Кавказе исследователи относят к рубежу I–II тыс. до н.э., датируя его XI–X вв. (Абрамишвили Р.М. – 1962. – С.25; Техов Б.В. – 1977. – С.108; Котович В.Г. – 1977. – С.75). Другие авторы считают, что освоение железа на Северном Кавказе началось только с IX–VIII вв. до н.э. (Алексеева Е.П. – 1971. – С.50).

На европейском юге, по мнению А.И.Тереножкина (1973. – С.12), процесс смены бронзы железом начался с середины IX в. до н.э. На Северной Украине железные изделия встречаются в культурах заключительного периода бронзового века: лебедовской (Березанская С.С. – 1976. – С.213), высоцкой, бондарихинской (Березанская С.С. – 1977. – С.29; 1982. – С.138) XI–IX вв. до н.э. Это шилья, ножи, наконечники стрел, изготовленные на месте.

С.С.Березанская полагает, что наиболее древние железные изделия появились в среде срубных племен. Она приводит ряд новых находок железных изделий помимо уже известных. Так, в частности, в срубном погребении на Украине найден железный нож, повторяющий форму бронзовых и изготовленный тигельным способом, каким изготавливались бронзовые предметы (Березанская С.С. – 1982. – С.137–138).

Находки железных изделий имеются на памятниках донской лесостепной срубной культуры (Бирюков И.Е. – 1990).

На территории Белоруссии железные орудия широко применяются с ранних этапов милоградской культуры (Мельниковская О.Н. – 1967. – С.55, 140) и культуры штрихованной керамики (Митрофанов А.Т. – 1978. – С.34, 48), начало которых авторы соответственно относят к VI и VII вв. до н.э.

На восток от Урала железо проникает в быт населения гораздо медленнее. В Новосибирском Приобье в начале раннего железного века изделия из железа крайне редки и на месте, по-видимому, не производились (Троицкая Т.Н. – 1979. – С.56). Подборку данных о первых шагах железа на Енисее и сопредельных территориях приводит Я.И.Сунчугашев

(1979. – С.18–20). По мнению исследователей, начало этого процесса в Южной Сибири относится не ранее чем к VI–V вв. до н.э. (Сунчугашев Я.И. – 1979. – С.20), то есть позднее, чем на Урале.

В Фергане железные предметы и шлаки известны на Дальверзинском поселении, относимом Ю.А.Заднепровским (1962. – С.31, 70) к чустской культуре, датируемой X–IX вв. до н.э. Кусок железа, засвидетельствованный на поверхности одного сосуда, указывает на его местное производство.

Совершенно очевидно, что находки железа на Урале в памятниках конца бронзового века не противоречат данным из других районов Северной Евразии. Первые орудия из железа на всех территориях встречаются очень редко. Поэтому на Урале редкость железных изделий на памятниках начала I тыс. до н.э. не исключение. Железными орудиями дорожили больше, чем бронзовыми, производство которых было традиционно налажено. Металлургия железа только зарождалась.

Таким образом, мы видим, что на Урале, богатейшем железнорудном районе нашей страны, производство железа не только не задержалось, а началось почти одновременно с передовыми в этом отношении областями, соседствующими с центрами возникновения этой отрасли хозяйства в Старом Свете.

Зарождение производства железа на базе высокоразвитой металлургии и обработки меди и бронзы имеет историческую аналогию в виде зарождения на Урале металлургии меди на базе высокого уровня технологии производства каменных орудий (Крижевская Л.Я. – 1977. – С.103). Однако отличие между ними весьма существенное: если производство железа возникает на базе уже довольно развитого производящего хозяйства, то металлургия меди зарождается здесь на основе горного дела, выделившегося в самостоятельную отрасль еще в каменном веке.

К сожалению, еще только начинается детальная разработка технологии изготовления керамики у населения южнолесной зоны Урала. Интересная работа по определению техники формовки керамики с отпечатками текстиля проделана на раннеалакульских материалах (Виноградов Н.Б. – 1983; Черная И.Л. – 1985) и для андроновской посуды в целом (Кузьмина Е.Е. – 1986; 1988а. – С.13–16). Одной из главных задач изучения этого вида источников по рассматриваемому региону является изучение керамики по схеме: сырье – формовочная масса – формовка – обработка поверхности – обжиг. В предыдущих главах керамика анализировалась нами в рамках традиционного типологического метода, который необходимо в будущем дополнить результатами естественно-научных методов: микроскопического, химического, спектрального, что позволит дать более детальную технико-технологическую характеристику.

Лингвистические материалы указывают на тесную связь гончарства с металлургией на ранних этапах развития (Иванов В.В. – 1983. – С.19–20). Изготовление плавильных чаш и тиглей из глины осуществлялось, безус-

ловно, мастерами-металлургами и может рассматриваться как часть ремесленного производства. В то же время изготовление глиняной посуды, пряслиц происходило в каждой семье и являлось, по существу, домашним производством.

Разнообразен был набор изделий, изготовленных из глины: посуда, литейные формы для отливки бронзовых предметов, тигли и льячки, рыболовные грузила, знаменитые горбуновские тарелки-блюдца, оригинальные сосуды, интерпретированные как светильники (Старков В.Ф. – 1970. – С.107; Косарев М.Ф. – 1981. – С.135. – Рис. 50, 14), вурфели с насечками по граням, сосуды для переработки молочных продуктов с отверстиями в днищах.

Урал характеризуется значительным разнообразием и доступностью каменного сырья для производства различных изделий. По мнению Л.Я.Крижевской (1977. – С.106), древнейшие истоки ремесленного производства на Урале уходят в конец каменного века, когда начинается специализация в области горного дела и выделение мастеров по добыче и первичной обработке камня. С другой стороны, межплеменное распределение сырьевых ресурсов заложило основы обмена, а специализация расширила и углубила его. Таким образом, специализация в области производства и обмена металлом имела здесь своего предшественника.

Использование в хозяйстве каменных орудий в ПБВ сохраняет еще важное значение. Уральские поселения ПБВ обращают на себя внимание большим количеством каменных орудий, в то же время их гораздо меньше на памятниках Прикамья. Изучение каменного инвентаря затруднительно вследствие многослойности и нестратифицированности поселений и редкости закрытых комплексов с каменным инвентарем. Технологические традиции обработки камня менялись чрезвычайно медленно, поэтому сходные типы изделий существовали на протяжении длительного периода. Население ПБВ имело широкий ассортимент орудий.

Для изготовления орудий в лесной зоне применялись все известные еще с каменного века породы камня: кремнистые сланцы, молочный кварц, халцедон, кремль, тупорфирит, яшма, тальк, известняк и др. (Сериков Ю.Б. – 1989. – С.44). В эпоху поздней бронзы наблюдается расцвет отжимной двухсторонней ретуши. Плоская отжимная ретушь давала возможность из любого отщепы или скола кремня изготовить законченное орудие. Ю.Б.Сериков отмечает появление в ПБВ в Зауралье целого ряда новых форм каменных орудий, в частности наконечников стрел треугольной формы с широким основанием, округлых скребков, обработанных со спинки и с брюшка балакинского типа (1976. – С.37; 1989. – С.44).

Наконечники стрел треугольной формы встречаются на многих черкакульских, межовских поселениях и в погребениях. Балакинский тип скребков в основном представлен на памятниках Среднего Зауралья (Балакино I, Горбуновский торфяник, Липовая Курья и др.).

Кремень использовался для изготовления ножей, сверл, проколов, пил, лошил, тесел, топоров и др. (Сериков Ю.Б. – 1989. – С.44).

Разнообразные породы камня шли на изготовление шлифованных пестов, пряслиц, топоров с перехватом, молотов, шаров, отбойников, терочников, дисков различных размеров, как полированных, так и обработанных грубыми сколами (Обыденнов М.Ф. – 1976. – С.112. – Рис. 1, 2, 7–9; 1985. – С.25; Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. – 1983. – С.53–54).

Костяные орудия также широко использовались в хозяйстве. Обычно это проколки из метатарпальных костей животных: лошила из лопаток или челюстей крупных животных; наконечники стрел, штампы для орнаментации глиняной посуды, ножи, пряжки и пуговицы, псалии, роговые долота и др.

Достоверно сказать что-либо об обработке кости нельзя, потому что трассологических исследований не проводилось. Но, видимо, большая часть костяных изделий обработана острыми бронзовыми орудиями. На Юкаликулевском поселении имеется ряд обломков костей со следами рубки гладким острым лезвием. Великолепно отполированы и обработаны пуговица, пряжки, накладка, происходящие с этого поселения.

Интересно, что в ананьинскую эпоху в лесной полосе была широко распространена резьба по кости, которая не находит истоков в местной бронзе.

Развитие скотоводческого хозяйства обеспечивало экономическую базу для появления различных специальных промыслов, связанных с обработкой сырья: обработка шкур, шерсти и др. Кожевенное производство осуществлялось, по-видимому, в каждой семье, но не на всех поселениях может быть выделено. О нем свидетельствуют инструменты по обработке шкур: костяные тупики, лошила из кости и галек, кремневые скребки и большие ножевидные пластины, костяные проколки, бронзовые четырехгранные шилья с костяными рукоятками, иглы круглого сечения с загнутыми ушками. Для обработки шкур, очевидно, использовались и бронзовые ножи.

Об использовании скребков балакинского типа для обработки кожи на основании их трассологического анализа пишет Ю.Б.Сериков (1976. – С.30). Для этих же целей служили, по заключению С.А.Семенова, скребки с Касьяновского поселения (Збруева А.В., Тихонов Б.Г. – 1970. – С.106).

Археологические свидетельства о кожевенном производстве Урала и Прикамья позволяют утверждать, что его уровень был сходным с широким кругом культур степной и лесостепной бронзы Евразии – со срубной, ирменской и др. (Килейников В.В. – 1988. – С.105–107; Сидоров Е.А. – 1989б).

О прядении и, возможно, ткачестве свидетельствуют многочисленные находки глиняных и каменных пряслиц, служивших, по предположению археологов, утяжелителями веретен. В вариациях форм и орнамента пряслиц в какой-то степени можно усматривать индивидуальный характер прядильного производства (Килейников В.В. – 1988. – С.107). Не исключено, что круглые колесики с отверстием в центре могли использоваться и как

грузики нитей вертикального ткацкого станка (Корякова Л.Н., Сергеев А.С. – 1989. – С.175). О существовании плетеной шерстяной ткани свидетельствует находка в срубных погребениях могильников Тавлыкаевского II в Зауралье (Морозов Ю.А. – 1981. – С.61) и Золотая Нива II в Заволжье, где встречены куски шерстяной ткани. Шерстяная ткань широко использовалась в раннеалакульское время для изготовления керамики (Виноградов Н.Б. – 1983; Чернай И.Л. – 1985).

Среди прочих специализированных работ нужно назвать строительно-землеройные работы, связанные с выемкой грунта под жилища и хозяйственные ямы; устройством погребальных сооружений из дерна, земли и, очевидно, дерева; сооружением деревянных столбовых каркасных домов и построек с плетеными стенами и обмазанных глиной, с крышей из органических материалов (камыша, дерна и др.). В частности, на поселении Тюбьяк в верхней части заполнения ряда котлованов была обнаружена мощная, до 40 см, прослойка светлой органики, которую возможно реконструировать как истлевшую крышу жилища, сооруженную из органических материалов (дерна, камыша, листьев, травы и т.д.).

В древности при возведении построек большая роль, по мнению С.А.Семенова и Г.Ф.Коробковой (1983. – С.88), принадлежала специалистам-профессионалам, мастерам строительного дела.

Согласно экспериментальным подсчетам, при неолитической технике на постройку полуземлянки каркасно-столбовой конструкции размером 9х7 м и глубиной 0,8 м, с двухскатной крышей из камыша, затрачивался труд трех мужчин в течение 120 часов или чуть более 10 дней (Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. – 1983. – С.87). Судя по всему, у древнего населения это были относительно высокие показатели строительного дела, позволяющие совершенствоваться в различных трудовых операциях.

Также специализацию в различных отраслях скотоводства можно предполагать на основании различий в составе стада разных памятников, обусловленных особенностями природных условий, спецификой культурно-исторического развития и характером установившихся форм кооперации труда семейно-родовых групп (Сайко Э.В. – 1990. – С.34). Видимо, свидетельством выделения в общинах лиц, занятых в основном пастьбой скота, являются погребения «пастухов», у которых в области кистей рук располагались костяные наконечники от плети (Иштугановский, Петряевский, Лузановский и др. могильники срубной культуры).

Получают развитие производства по изготовлению орудий для обработки почвы и переработки урожая, сырья, получаемого в результате занятия скотоводством, для строительного дела и т.д. Все эти занятия выделяются в специальные работы в рамках семьи. Этот уровень развития специализации принято определять в рамках неразделенного (Сайко Э.В. – 1990. – С.52) или домашнего производства (Массон В.М. – 1976. – С.62). В литературе отмечалось, что процесс отделения ремесла от сельского хозяйства весьма длителен, обусловлен спецификой каждой отрасли, ремесла,

потребностями в его продукции. Такие занятия, как изготовление тканей, глиняной посуды, выделка шкур, деревянных изделий, долго остаются в рамках домашнего производства (Генинг В.Ф. – 1980. – С.134). Выделение ремесленного производства в различных отраслях происходит далеко не равномерно, затягивая весь процесс на сотни и тысячи лет.

Итак, на протяжении постсейминского времени на Урале и в Прикамье происходят сложные, хотя и сравнительно слабо фиксируемые археологически изменения, связанные с поступательным развитием уральского общества, воздействием внешних факторов, в комплексе ведущих к перестройке общественной организации и идеологии. В результате углубления дифференциации, основанной на высокоэффективном для своего времени многоотраслевом комплексном производящем хозяйстве и богатой медно-рудной базе, упрочается первая фаза ремесленного производства в регионе – металлообработка. Углубляются, оставаясь в рамках домашнего ремесла, другие специализированные производства – керамическое, камнеобрабатывающее, прядильно-ткацкое, строительное и др.

ГЛАВА V. ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

5.1. К демографической оценке археологических культур позднего бронзового века

В последнее время значительно усилился интерес к вопросам демографии. И это понятно: из-за тесной взаимосвязи демографических, социальных и экономических факторов прогнозирование населения и учет демографических особенностей имеют большое значение для социально-экономического развития.

Данные о численности населения необходимы для построения моделей реконструируемого прошлого, выяснения взаимосвязи народонаселения и материальной культуры, социального развития в прошлом. Особенно редко в исследованиях встречаются палеодемографические оценки археологических культур, хотя анализ палеодемографии, применяемый сейчас в самых различных аспектах, имеет первостепенное значение для установления размеров народно-хозяйственных результатов определенного поколения.

В древности демографический фактор был тесно связан с социально-экономическим, а точнее, с ростом и укреплением производящих форм хозяйства – скотоводства и земледелия, а в ряде случаев и с высокопродуктивным рыболовством, которые способствовали улучшению благосостояния населения и быстрому его приросту.

Вопросы первобытной демографии желательно рассматривать как в статике (размеры отдельных первобытных коллективов, плотность населения), так и в динамике (рождаемость, смертность, миграция) (История первобытного общества... – 1986. – С.428). Однако по ряду этих аспектов от-

утствует надежный источниковедческий материал. Поэтому здесь мы затронем лишь вопросы статистики народонаселения.

Значительный интерес могут представлять попытки реконструкции численности и плотности народонаселения в отдельных сравнительно небольших районах. Проведение такой работы по некоторым культурам эпох и регионов позволило бы более аргументированно обосновать общую численность населения Земли. По мнению С.И. Брук, население мира три тысячи лет назад составляло только 50 млн. человек (1986. – С.15). К середине II тыс. до н.э. оно достигло 100 млн. человек. Численность населения Западной Сибири в это же время составляла 120–150 тыс. человек (Эрлих В.А. – 1989. – С.14–15).

В литературе встречается несколько методических приемов, используемых для определения численности древнего населения. Они основаны на характеристике основных видов источников, которые возможно привлечь для раскрытия данной проблемы (материалы по археологии, антропологии, этнографии и письменные документы). Все эти источники весьма неравноценны и не могут использоваться без предварительного анализа.

Как правило, в литературе ограничиваются определением численности отдельных общин по материалам полностью раскопанных могильников или поселений (Массон В.М. – 1971. – С.10), а также установлением продолжительности жизни древних обитателей (Алексеев В.П. – 1972. – С.4). Нередко применяется и более косвенный подход, основанный на коэффициентах плотности поселений, заимствованных по аналогии у обществ сходного культурно-хозяйственного типа, освещенных материалами этнографии или древних письменных источников.

Общую численность населения можно также оценить, исходя из принципа «демографической емкости ландшафта» (экологического потенциала), применяемого в работах по ранне-земледельческим неолитическим обществам (Долуханов П.М. – 1979. – С.15, 16), коллективам бронзового века Кустанайского Притоболья (Евдокимов В.В. – 1984; Евдокимов В.В., Повалев П.Н. – 1989), кочевникам раннего железного века савромато-сарматам (Железчиков Б.Ф. – 1984; Халдеев В.В. – 1987) и скифам (Гаврилюк М.А. – 1989. – С.17–24). Демографическая емкость ландшафта заключается в максимальном количестве населения, которое может существовать на территории ландшафтной единицы при данном уровне развития производительных сил (Долуханов П.М. – 1979. – С.15).

Относительно надежные характеристики численности населения могут быть получены на основе анализа жилищ, поселений и могильников. Количество зафиксированных построек уральского черкаскульско-межовского населения на одном поселении, как правило, небольшое – от одного до четырех в лесной зоне; в лесостепи достигает 10 или 15. Но, к сожалению, они полностью не раскапывались. В настоящее время можно уверенно говорить о поселках, состоящих из одного-четырех жилищных построек в южно-лесной зоне (Вятка, Средняя Кама, лесное Зауралье) и о большом

их количестве, превышающем примерно в два – три раза, в лесостепной (Заволжье, Южное Предуралье, Зауралье, лесное Притоболье).

Исследователи приводят разные данные о сроке существования полуземлянок и землянок – от 20–30 лет (Хлобыстин Л.П. – 1974. – С.24; Корякова Л.Н. – 1988. – С.151) до 50 или даже до 150–200 лет (Корякова Л.Н., Сергеев А.С. – 1989. – С.168). Для саргатских полуземляночных жилищ лесостепной зоны Западной Сибири авторы допускают срок существования жилищ с возможными ремонтами до 50 лет.

Полагаем, что эту цифру можно принять за исходную для функционирования жилищ и, возможно, поселений ПБВ с одной – двумя постройками. Большее число построек будет указывать на большую численность коллектива или более длительное существование поселка. Видимо, поселков, непрерывно обитаемых в течение нескольких сотен лет, при хозяйстве пастушеско-земледельческого типа было сравнительно немного, т.к. тип хозяйства, связанный с истощением земель и пастбищ, скоплением навоза и т.д., требовал периодической смены мест обитания.

Количество людей, проживавших в одном жилище и составлявших одну семью, объективному и точному учету поддается весьма приблизительно. По этнографическим наблюдениям, минимальная норма площади пола жилища на одного человека колеблется от 1,8 до 6–9 кв. м (Массон В.М. – 1976. – С.113; Корякова Л.Н., Сергеев А.С. – 1989. – С.168, 169; Матвеева Н.П. – 1989. – С.46); обычно берут в расчет 3–4 кв. м площади пола жилища на человека для районов лесной и лесостепной полосы с производящим типом хозяйства.

В лесостепной и лесной зонах Урала встречаются как малые, так и большие по площади жилища, причем последние преобладают (Обыденнов М.Ф. – 1981. – С.6; 1986. – С.16). Жилища площадью 54–80 и 95–165 кв. м могли занимать коллективы от 13 до 20 и от 23 до 40 человек. Вероятно, последняя цифра завышена, так же как и число обитателей группы самых крупных построек (256–335 кв. м), где часть площади отводилась для содержания скота и большого колодца для добычи воды в зимнее и хранения продуктов в летнее время. Подобное разделение постройки под жилую часть с очагом и хозяйственным инвентарем и безинвентарно-безочажную, разгороженную столбовыми ямками на «стойла», прослежено нами на поселении Тюбяк (Обыденнов М.Ф. – 1989. – Отчет).

Таким образом, можно полагать, что большие постройки лесостепного населения являлись жилищем большой семьи численностью 13–40 человек. Иные данные об обитателях жилищ срубной культуры лесостепной донетчины получены С.С.Березанской. По ее мнению, жилище площадью 75–80 кв. м в зимнее время на ночь могло разместить не более 7–8 человек. Соответственно она предполагает, что в каждом жилище проживало 7–9 человек. Число обитателей среднего срубного поселка в донецкой лесостепи, состоящего из 10–11 одновременных жилищ, составляло около 100 человек, из них около 50–60 трудоспособного населения (1990. – С.92, 93).

Средняя численность населения поселка Баланы ранних земледельцев и скотоводов в Чехии – 150 человек. Долуханов П.М. допускает эту цифру как максимальную для поселений Европы с ранней земледельческо-скотоводческой экономикой (1979. – С.16).

Отличная от уральской лесостепи ситуация наблюдается в лесной зоне, где были сильные традиции присваивающего хозяйства. Небольшие постройки площадью 8–25 кв. м предполагают наличие небольших по численности малых семей в количестве 3–8–10 человек.

В небольшом жилище поселения Липовая Курья могла проживать небольшая семья из 5–8 человек (Хлобыстин Л.П. – 1976. – С.46). Если исходить из коэффициентов, предложенных Б.О.Долгих, то в коллективах лесной зоны соотношение между взрослыми трудоспособными мужчинами и остальным населением равно 1:4 (1960. – С.13), и в малых по размерам черкаскульских и межовских жилищах лесного Среднего Зауралья могли проживать одновременно не более 10 человек, т.е. малая семья с одним-двумя трудоспособными мужчинами.

Представляется, что подобная ситуация характерна для лесной зоны Урала не только в эпоху развитой и поздней бронзы, но и в добронзовую эпоху и ранний железный век. В.Ф.Старков, анализируя размеры жилищ эпохи неолита-энеолита, отмечает существование как малых, так и больших по размерам построек и приходит к выводу, что в малых жилищах могли проживать небольшие коллективы в 4–7 человек, т.е. малые семьи, причем эти малые семьи выступали как локальные, разобщенные в экономическом отношении коллективы, а их дома, как правило, не были объединены в поселки (1983). В эпоху раннего железного века в Среднем Зауралье у населения гамаюнской, иткульской и саргатской культур также отмечены только малые по площади жилища в пределах 15–60 кв. м (Борзунов В.А. – 1984. – С.6; Бельтикова Г.В. – 1977. – С.129), т.е. в них, видимо, проживали тоже преимущественно малые семьи.

Детальные подсчеты выполнены по материалам саргатской культуры. Ими установлено, что при площади жилых помещений около 120 кв. м число обитателей селища Дуванское II составляло около 50–60 человек, т.е. 12–15 человек на одно из четырех жилищ (Корякова Л.Н., Сергеев А.С. – 1989. – С.169). Сходные данные по составу одного жилого коллектива получены Н.П.Матвеевой (1989. – С.46–50) по поселениям (10–12 человек) и могильникам (10–16 человек).

Численность коллективов можно скорректировать материалами могильников, применив формулу $L = \frac{K + П}{T}$, где К – количество умерших, П – средняя продолжительность жизни – около 20 лет (Алексеев В.П. – 1972. – С.20), Т – время существования могильника – около 50 лет, что согласуется со временем функционирования одного жилища (Матвеева Н.П. – 1989. – С.48). Полученные результаты позволяют на основании небольших кладбищ с несложными надмогильными сооружениями предполагать

существование неразделенных семей численностью 10–14 человек. В итоге можно допустить наличие у уральского населения в ПБВ неразделенных расширенных и малых семей, также характерных для полукочевых народов (Марков Г.Е. – 1976. – С.169, 247).

Малые семьи объединялись, как правило, в небольшие по площади поселки. Выше мы отмечали, что большинство среднеуральских поселений эпохи развитой и поздней бронзы имело площадь не более 7 тыс. кв. м, а треть из них даже не более 1,6 тыс. кв. м. Вероятно, эти поселки представляли небольшую, относительно замкнутую группу родственников, свидетельством чего могут являться не только небольшие размеры поселений и жилищ, но и малочисленность по количеству захоронений могильники. Так, на могильнике Березки Vг зафиксировано 25 черкаскульских захоронений, причем к взрослым погребениям можно отнести не более 5–6; на могильнике Перевозный Ia отмечено всего лишь 8 захоронений. Может быть, самостоятельность проживания небольших по численности коллективов (в рамках поселка) в условиях горно-лесной зоны объясняется отсутствием здесь широких возможностей для занятия скотоводством и земледелием; занятия же преимущественно рыболовством и охотой не требуют создания крупных по численности коллективов, за исключением сезонных случаев охоты при миграции копытных животных или при строительстве крупных заповорных сооружений для ловли рыбы. Такие крупные коллективы могли создаваться только на время из жителей близлежащих поселков.

Сходная ситуация наличия двух групп построек – больших и малых – известна в ирменской культуре (Матвеев А.В., Сидоров В.А. – 1985. – С.32, 45). Вероятно, социальные коллективы черкаскульцев и межовцев лесостепных районов мало чем отличались от коллективов населения сопредельных территорий – алакульцев, еловцев, ирменцев, луговой культуры и т.д. Исследователи этих групп населения отмечают следующие характерные для них размеры жилищ: алакульцы имели площади в пределах 100–300 и более кв. м (Андроновская культура. – 1966. – С.11), еловцы – до 200 кв. м (Матюшенко В.И. – 1974а. – С.107), приказанцы – 120–150 кв. м (Халиков А.Х. – 1981. – С.9). Видимо, лесостепные и степные пространства, создававшие более благоприятные условия для занятия скотоводством и земледелием, способствовали формированию более крупных первичных ячеек общества. Не исключено, что процессу консолидации первичных коллективов черкаскульцев и межовцев лесостепной зоны содействовал и ряд внешних факторов, прежде всего – расселение этих коллективов в среду чужого инкультурного населения Среднего Притоболья, Северного Казахстана, степного Зауралья, Бельско-Икского междуречья, в условиях которого крупные коллективы имели больший коэффициент выживаемости, особенно если их отношения не всегда были мирными.

Исходя из приведенных цифр можно считать, что численность отдельных поселковых общин типа Юкаликулево (два черкаскульских и четыре межовских жилища) у черкаскульцев достигала 40–50 человек и у ме-

овцев – 100–120 человек. Численность волосовской энеолитической родовой группы, по мнению А.Х.Халикова, составляла до 200 человек, срубной – не менее 200, приказанской – до 110, маклашеевской – до 500 человек. Соответственно, общая численность населения, приводимая А.Х.Халиковым, составляет для волосовского населения более 1700 человек, для срубного в Приказанском Поволжье – 80–100 тысяч, для приказанского – 6–7 тысяч, маклашеевского – 30–50 тысяч человек (Халиков А.Х. – 1969. – С.354, 358, 361). О.Н.Бадер полагал численность турбинского (гаринско-борского) населения Прикамья 1250–1700 человек. Для степного Притоболья, с площадью пастбищ в долинах реки 65 тыс. га, численность населения в эпоху поздней бронзы по археологическим и экологическим параметрам определена 700–900 человек (Евдокимов В.В., Поваляев Н.Л. – 1989. – С.108).

В эпоху каменного века население Урала и Прикамья вело присваивающее хозяйство и было относительно немногочисленно. Коллективы с присваивающей экономикой находились под жестким экологическим контролем, что подтверждается данными переписей коренных народов Сибири, где численность бродячих и полуседлых народов, занимавшихся охотой и рыболовством, менялась очень медленно.

С развитием производящих форм хозяйства наблюдается заметный рост народонаселения. По данным П.М.Долуханова (1979. – С.16), максимальная плотность населения с присваивающей охотничьей экономикой в хвойно-широколиственных лесах могла достигать 7,4 чел. на кв. км, а в дубравной лесостепи – до 17,3 чел. на кв. км. Однако в действительности плотность населения была намного ниже допустимой емкости ландшафта.

Для демографических подсчетов логично выбрать какой-либо наиболее хорошо археологически изученный район равнинной территории. Подсчитывать плотность населения в горно-лесной или таежной части Урала вряд ли целесообразно, так как там в эпоху производящего хозяйства продолжали заниматься охотничьим промыслом.

Определенные возможности для выяснения уровня народонаселения представляет лесостепное Южное Приуралье, ограниченное бассейнами среднего и нижнего течения рек Белой и Ика, имеющее площадь около 80 тыс. кв. км. На этой территории ныне проживает около 1,3 млн. человек сельского населения, а плотность составляет около 15–16 человек на 1 кв. км. По подсчетам Р.Г.Кузеева (1978), на территории Западной Башкирии в 1775–1826 гг. проживало 89 496 башкир при плотности менее одного человека на 1 кв. км и в 1849 году – 21 6250 человек при плотности около 2,7 человек на 1 кв. км. Правда, в это время башкиры жили уже чересполосно с другими этническими группами населения, пока еще немногочисленными.

На основании переписей Р.Г.Кузеев полагает, что в целом плотность населения полуседлого башкирского населения в Южном Приуралье составляла менее 1–2 человек на 1 кв. км (1978. –С.200–201).

Если население абашевской культуры, по нашим сугубо ориентировочным данным, составляло около 1,5 тыс. одновременно проживающих человек (Обыденнов М.Ф., Соколова Т.Л. – 1987. – С.96) при плотности 1 человек на 52 кв. км, то население срубной общности здесь было гораздо многочисленнее и составляло 2,5–3 тыс. человек (Обыденнов М.Ф. – 1989. – С.49) при плотности 1 человек на 35 кв. км. Значительное число срубных contemporaneous и особенно кратковременных поселений исследователи обычно объясняют огромной массой проживающего здесь населения (по А.Х.Халикову, до 100 тысяч только в Среднем Поволжье). Думается, что при резком возрастании народонаселения в срубное время на северо-восточных окраинах срубной общности, связанным с интенсификацией пастушеско-скотоводческого хозяйства, эта цифра все же является завышенной. Значительный рост числа поселений, в частности кратковременных стоянок срубной культуры, составляющих большинство на археологической карте, следует объяснять характером пастушеского хозяйства, которое требовало смены пастбищ и постоянных перемещений сезонных стоянок в рамках ограниченной округи.

Численность позднебронзового межовского населения в этом районе нами определена в количестве 2 тыс. человек при плотности один человек на 45 кв. км (Обыденнов М.Ф., Соколова Т.Л. – 1987. – С.94, 9; Обыденнов М.Ф. – 1989. – С.49). Для сравнения укажем, что плотность населения Греции в неолитическую эпоху ранних земледельцев-скотоводов, по подсчетам К.Ренфрю, колебалась в пределах 0,8–2,3 чел. на 1 кв. км (Долуханов П.М. – 1979. – С.16). При экстенсивном скотоводстве зарубежные авторы определяют плотность населения 0,5–2,7 чел./кв. км или 0,7–1,8 чел./кв. км. Введение экстенсивного земледелия в европейских странах увеличивало эти цифры более чем в 10 раз (Халдеев В.В. – 1987. – С.231).

Интересные данные получены С.С.Березанской о плотности лесостепного срубного населения. Исходя из заселенности отдельных микрорайонов поймы реки Северного Донца площадью 35–40 кв. км каждый, получена вообще высокая плотность заселения таких микрорайонов – 12,5 человек на 1 кв. км (1990. – С.93).

Плотность населения скифов северо-причерноморских степей, вычисленная на основе принципа демографической емкости ландшафта Н.А.Гаврилюком и скорректированная данными письменных источников по поздним кочевникам, могла достигать 7,5–9,2 чел./кв. км в период благоприятных экологических условий и примерно вполупину меньше в период кризисов, что вело к смене типа хозяйства и переходу части кочевников к оседлости и мотыжному земледелию (1989. – С.22, 24).

Полученные нами данные по Приуралью выглядят значительно заниженными по сравнению с приведенными выше и сближаются с данными по охотничье-рыболовческому населению Сибири XVII в., чья плотность составляла один человек на 30–40 кв. км (Косарев М.Ф. – 1981. – С.235). Это объясняется, на наш взгляд, относительно невысокой степенью выяв-

енных памятников, их разрушенностью и невозможностью установить наличие всех сооружений, а также тем, что авторы (С.С.Березанская и др.) учитывают в основном освоенную земледельцами округу (район поймы), не включая в расчеты обширные площади водоразделов.

Сравнительно ближе к нашим результатам находятся итоги подсчета населения раннего железного века Предуралья: чегандинского (5 тыс. человек при плотности 1 чел./кв. км) (Генинг В.Ф. – 1970. – С.127) и карабызского населения, которое занимало часть рассмотренной нами территории, располагаясь по берегам р. Белой (3–3,5 тыс. человек при плотности 5 чел./кв. км) (Пшеничнюк А.Х. – 1981). Рассчитать динамику уральского населения весьма затруднительно. В среднем Поволжье и Прикамье, по предположению А.Х.Халикова, фиксируется значительный рост населения – примерно в 5–7 раз (1969. – С.345, 358, 361).

5.2. О характере общественных отношений

В условиях Прикамья и Урала археологический материал является единственным источником для реконструкции общественных отношений. Однако при этом не следует забывать ограниченные возможности данных археологии для социологических заключений. На это, в частности, указывал Л.А.Монгайт: «Мы признаем принцип возможности реконструкции древних общественных отношений, но с постоянной оговоркой, что, создавая модель общества по археологическим данным, мы не претендуем на безусловную точность, а говорим лишь об известной степени приближения к подлинной картине» (1973. – С.91).

Сложность данного вопроса вызвана не только спецификой археологического материала, несущего ограниченную информацию для реконструкции общественного строя, но и той смешанностью населения края, которая наблюдается здесь на протяжении всего изучаемого времени.

В эпоху поздней бронзы на Урале проявляются признаки неравномерности социально-экономического развития. В южных районах, в зоне андроновской, позднесрубной и хвалынского-ивановской культур происходят мощные процессы, связанные с переходом к кочевому скотоводству и наблюдаются перемещения населения. В северной лесостепи и по южной окраине лесной зоны было больше экономических условий для стабильного развития. В то же время население глубинных районов лесной зоны Урала и Прикамья, благодаря своеобразию природных условий и большей удаленности от степных дорог, на протяжении всего позднего бронзового века продолжает относительно изолированное и спокойное существование. Здесь не наблюдается проникновения значительных групп инокультурного населения в местную среду, отмечаются лишь влияния, которые возможно объяснить культурным обменом. Сходные процессы наблюдаются на Северной Украине (Археология УССР. – Т.1. – 1985. – С.360), в таежной зоне Западной Сибири (Косарев М.Ф. – 1986; 1991).

Думается, что процесс распада первобытнообщинных отношений населения лесостепных и лесных районов Урала и Прикамья в ПБВ находился в самой начальной стадии, а имущественное и социальное расслоение здесь протекало настолько медленно, что едва ли доступно взору современного исследователя. Погребальный обряд как наиболее результативный источник социологических реконструкций не дает оснований видеть какой-либо значительной имущественной дифференциации погребенных.

По мнению ряда авторов, хотя погребальный обряд и является наиболее консервативным показателем общественной структуры, тем не менее достаточно быстро реагирует на все изменения в социальной иерархии первобытных обществ (Алексин В.А. – 1973. – С.84). Однако с полной определенностью трудно утверждать, что различия в составе инвентаря разных могил всегда являются несомненным отражением той роли, которую играл при жизни человек (Максименков Г.А. – 1976. – С.53).

Некоторые ученые отмечают, что погребальный обряд отражает только или иные социальные ситуации лишь опосредованно, в преломлении через особое рода идеологические представления (Лебедев Г.С. – 1977. – С.29). Поскольку погребальный обряд отражает надстроечное явление – определенные духовные и мировоззренческие представления (Генинг В.Ф., Борзунов В.А. – 1975. – С.42), – он должен отображать и социальное неравенство. Но при этом не следует забывать, что существует мнение, согласно которому погребальный обряд отражает реальную жизнь с запозданием на два-три поколения (Ляпушкин И.И. – 1968. – С.168).

Социальное развитие общества тесно связано с демографией и экономикой, а также зависит от экологических факторов. Разложение первобытнообщинного строя, упрочение патриархальных отношений, зачатки ранней формы военной демократии уже отмечены в приказанское время (Халиков А.Х. – 1969. – С.365–366).

К.В.Сальников впервые сформулировал важный вывод о том, что хозяйство черкаскульских племен ничем не отличалось от хозяйства других племен эпохи поздней бронзы Южного Урала. Черкаскульцы стояли на том же уровне экономического развития и, очевидно, имели тот же общественный строй (Сальников К.В. – 1967. – С.369).

Всадничество, развивавшееся в степной зоне в эту эпоху и закладывавшее основу более чем двухтысячелетнего господства кочевого хозяйства, у скотоводов южно-лесной зоны не получает заметного развития: находки псалиев здесь единичны и скорее всего они были заимствованы у более южных соседей.

По мнению А.И.Тереножкина, только на последней стадии киммерийского общества Северного Причерноморья начался распад древнего общинного строя под воздействием устанавливающегося господства частной собственности и концентрации богатств в руках знати (1976. – С.215). Сравнивая уровни социально-экономического развития киммерийцев и скифов, он отмечает, что при общем типе отношений первое было на одну

или две ступени архаичнее второго (1976. – С.214). Видимо, аналогичная ситуация складывалась и в Прикамье, и на Урале, где в конце бронзового века у населения маклашеевской общности Волго-Камья и межовской культуры Урала сложился такой же социально-экономический тип отношений, но пока еще более архаичный, чем у населения ананьинской культурной общности начала раннего железного века. Патриархальный характер и имущественная дифференциация в среде населения Волго-Камья в VII–VI вв. до н.э. ярко проявляются в наличии коллективных богатых и бедных погребений на могильниках.

Сопоставляя социальные организации бронзового и раннего железного века, следует иметь в виду, что в начале I тысячелетия до н.э. население степи, да и частично лесостепи, испытало мощные влияния древних цивилизаций Передней Азии (начало греческой колонизации Северного Причерноморья, походы киммерийцев и скифов к границам государств и др.), каких еще не было в последние века II тысячелетия до н.э.

Непростым является определение стадийного уровня населения Урала и Прикамья в эпоху поздней бронзы. Согласно обобщающим разработкам по периодизации первобытной истории (ИПО. – Т.1. – 1983 и др.), при трех- или четырехчленной периодизации с переходом к производящей экономике выделяется этап (стадия) позднепервобытной (поздне-родовой) общины, а с началом века металлов и упрочнением производящей экономики общество вступает в этап (эпоху) классовообразования (по В.Ф.Генингу – племенного строя).

Расцвет родового строя в Приуралье относится к эпохе неолита-энеолита, а в середине II тысячелетия до н.э. исследователи отмечают кризис родовой системы как в экономике, так и в общественных отношениях и начало новой эпохи (Генинг В.Ф. – 1988. – С.219; 1990. – С.21). В плане анализа социально-экономической периодизации Урала и Прикамья интересна статья Генинга (1990. – С.9–28), в которой он для ранней фазы эпохи племенного строя (поздний бронзовый век) выделяет два этапа: первый – середина II тысячелетия до н.э. – XII в. до н.э.; второй – XI–IX вв. до н.э. Ранний железный век он относит к средней фазе развития племенного строя региона (1990. – С.21–23). На первом этапе, по В.Ф.Генингу, в общественной организации пережитками родового строя оставались большесемейные коллективы, включавшие несколько родственных больших семей. Это положение подтверждается существованием в раннелуговской и приказанско-балымской культурах жилищ, соединенных переходами (Луговские I, II, Карташихинское I), которые близки волосовским и гаринским жилищам эпохи энеолита этой же территории (например, поселение Сауз I).

Второй этап характеризуется хозяйственным обособлением большой патриархальной семьи в составе первобытной соседской общины, которая утверждается как основная общественно-экономическая ячейка. В.Ф.Генинг справедливо указывает на взаимоассимиляцию различных по происхождению и социально-экономической структуре групп как на существен-

ный фактор, весьма значимый для ранней фазы племенного строя, и формирование специфического культурно-хозяйственного типа.

Культурная консолидация в виде АК и общностей, которую мы наблюдаем в позднем бронзовом веке на археологических материалах Урала и Прикамья, показывает, что она зависела от этнических, но в большей степени от социально-экономических факторов. Трудно выделить роль политических факторов, которые, очевидно, также присутствовали. Возможно, их проявление мы можем фиксировать в дальних миграциях небольших коллективов черкасульцев в Степное Приоболжье, Северный и Центральный Казахстан, на Алтай, а также в массовых переселениях носителей межовской керамики с Урала на запад, в бассейн р. Белой.

К.В.Сальников на основании анализа археологических материалов пришел к выводу о начальном периоде патриархально-родового общества у племен эпохи бронзы Зауралья (1951. – С.141, 143). Он указывает на имущественное неравенство патриархальных семей во владении стадами, орудиями труда и оружием из металла (1951. – С.143).

По мнению авторов I тома «Истории Урала», в эпоху бронзы осуществлялся переход от материнско-родовых отношений к патриархальным. Рост производительных сил, особенно внедрение бронзовых орудий труда привел к распаду трудовых коллективов на более дробные производственные ячейки – патриархальные семьи, состоящие из кровных родственников и ведущих самостоятельное хозяйство (История Урала. – Т.I. – 1989. – С.77).

Касаясь вопросов общественного устройства, следует подчеркнуть, что проблемы общины, рода, патронимии, большой семьи до сих пор остаются недостаточно разработанными на этнографических материалах Сибири; не выяснен вопрос о типичности большой семьи как переходной формы общественных связей от кровнородственных к соседским (Карлов В.В. – 1989. – С.43).

В этнологической и исторической литературе вопрос о соотношении большой патриархальной, или «большой», семьи и «малой» семьи решается по-разному. Согласно ряду концепций (М.О.Косвен, С.М.Абромзон, М.А.Бажжанова, Н.А.Кисляков), семья эволюционировала в направлении от распада большой патриархальной на неразделенные, а неразделенных – на малые семьи. В.А.Александров и М.Б.Свердлов выдвинули концепцию об отличии первичных от вторичных, или производных, форм семьи. К первичным относится большая патриархальная семья периода распада родового строя, уступающая затем место малым индивидуальным семьям (Свердлов М.Б. – 1981). Неразделенную семью оба автора генетически и стадийно не связывают с большой семьей периода распада родового строя.

Выше, на материалах малых жилищ лесной зоны Урала, мы попытались обосновать существование малых семей у уральцев позднего бронзового века. Очевидно, в зависимости от условий хозяйствования и уровня производства древнее уральское население формировало такие социальные ячейки, которые способствовали оптимальной социально-экономической

адаптации населения в различных экологических нишах Урало-Прикамского региона. Налицо переходный, неустоявшийся характер социальной организации населения, что в итоге зависело от переходного характера экономики в юго-лесной зоне.

По материалам других регионов в рассматриваемую эпоху в них также предполагается существование малых семей, патронимий и родовых поселков с соседской общиной, а также соплеменностей (Березанская С.С. - 1990. - С.94-95). По материалам поселения Усово Озеро С.С.Березанская предполагает для срубной культуры Северного Донца, что главной хозяйственной ячейкой являлась выделенная малая семья, занимавшая отдельное жилище площадью 75-80 кв. м (1990. - С.94). Малая семья состояла из близких родственников, вела общее хозяйство и сообща владела землей и скотом. Наличие семейной собственности на скот у населения степной и лесостепной зон Евразии предполагается многими исследователями на основании этнографических материалов (Сорокин С.С. - 1962. - С.113; Березанская С.С. - 1974. - С.135; 1990. - С.96-97; Сальников К.В. - 1951. - С.141).

Следует очень осторожно подходить к оценке патриархальной или матриархальной структуры общественной организации у племен эпохи бронзы. Из анализа, сделанного М.А.Итиной (1977. - С.211-228), ясно, что нельзя безапелляционно постулировать один из путей распада первобытного общества. М.Ф.Косарев предполагает, что матрилинейные элементы были присущи родовой организации пастушеско-земледельческого населения андроновской эпохи. По его мнению, при замене одного экономического уклада другим, что характерно для Прикамья начала луговской культуры, социальная традиция могла переживать хозяйственную, а при смешении этносов с различными социальными традициями социальный синкретизм мог иметь множество вариантов в зависимости от экологических, экономических, исторических и других условий (Косарев М.Ф. - 1984. - С.163).

При патрилокальном браке основным собственником семейного имущества становится мужчина. Он обязан был использовать это имущество для обеспечения жизни жены и детей, сохранить его, чтобы основная часть имущества перешла к сыновьям. В этом смысле собственность была фамильной, родовой. Ю.И.Семенов называет такую собственность обособленной, отличая ее от частной, которая основывается на эксплуатации и принадлежит только части общества. Другая же часть общества, зависимая от первой, лишена собственности.

Для Урала и Прикамья в эпоху поздней бронзы мы не можем выделить эксплуататорские или зависимые группы населения, поэтому, очевидно, логично считать, что общество находилось на той стадии, которая характеризуется неразделенной формой собственности. Эта форма собственности надолго закрепилась у населения Урала и Прикамья и сохранялась до нового времени.

Погребальные памятники поздней бронзы Урала и Прикамья не дают оснований видеть у этого населения имущественное неравенство, хотя отдельные элементы можно трактовать в этом смысле (например, относительно богатые погребения могильника Тактачалук, наличие кладов – Дербедневский и др.). В то же время «богатые» погребения можно трактовать как элементы не имущественной, а социальной дифференциации (старейшина, вождь), а клады – как принадлежащие общине или ремесленнику. На отсутствие имущественной дифференциации может указывать отсутствие какой-либо специальной бытовой или культовой архитектуры. Возможно, населением Урала и Прикамья во второй половине бронзового века были восприняты отдельные элементы социальных «достижений» у своих южных соседей, степных племен срубной и андроновской культур, но они еще не получили глубокого развития, попав в более суровую среду обитателей леса.

Если согласиться с предполагаемым в работе отождествлением черкаскульско-межовцев с древними уграми (прауграми), то можно допустить наличие у них фратриального деления на Пор и Мось, перешедшего к ним от далекого уральского населения (Соколова З.П. – 1987. – С.127) или сложившегося во второй половине II тыс. до н.э. (Вереш П. – 1979. – С.8–10).

В начале эпохи железа в лесном Поволжье В.С.Патрушев по расположению поселений группами предполагает выделение патронимий (1986. – С.108). В.Н.Чернецов считал, что фратриальное деление на Пор и Мось присуще всем обско-угорским народам, и формирование их связано с расцветом матриархального рода (1947. – С.159). Другое предположение выдвигает В.И.Васильев (1987. – С.139), считая, что фратриальное деление возникло в результате победы отцовско-родового социального начала над материнско-родовым в процессе экзогамных браков мигрантов и аборигенов. Если это предположение верно, а оно основано на наблюдениях целого ряда сибирских народов, мы можем ориентировочно датировать этот процесс эпохой поздней бронзы, когда по мере закрепления пастушеского скотоводства на окраинах южно-таежной зоны у местного населения побеждало отцовское право.

Заманчиво было бы определить на уральских материалах фратриальное деление по керамике одного поселка (когда, например, одна группа посуды имеет один специфический элемент, другая, однокультурная ей, – другой). Но, к сожалению, имеющийся материал пока не позволяет сделать такие заключения. Уточнить более детально этот вопрос на археологическом материале в настоящее время не представляется возможным. Не исключено, что в будущем ареалы археологических культур можно будет рассматривать в качестве ареалов конкретных племенных групп, как это прослежено на материалах Восточной Грузии начиная с эпохи поздней бронзы до времени первых письменных источников (Арутюнов С.А. – 1982. – С.78).

После многовекового перерыва, в межовское время на Урале вновь оживают городища. Они встречаются у макашевского, межовского, архатовского (Корочкова О.Н., Стефанов В.И. – 1981. – С.59), ирменского (Молодин В.И. – 1985. – С.118) населения. Количество межовских городищ составляет не более 4,6% от общего числа поселенческих памятников. Под городищами обычно понимаются остатки поселений на высоких мысах или террасах, имеющие следы фортификационных систем в виде вала и ва. Раскопки этих оборонительных сооружений не проводились, и составить представление об их организации трудно. К тому же большая часть межовских городищ – Курмантаево, Какры-куль, Бирское, Миасское – имеет мощный культурный слой раннего железного века; если какие-либо сооружения поздней бронзы на них были, то они могли быть перестроены населением раннего железного века.

Помимо городищ, следы оборонительных рвов или естественных протоков, отделяющих жилую площадку, предполагаются на ряде поселений, расположенных на невысоких надпойменных террасах (Тюбяк, Замараевское). Интерпретировать процесс появления укрепленных поселений или бежищ можно по-разному. С одной стороны, это обострение конфликтов со степным индо-иранским населением, начавшим процесс перехода к коевой скотоводческой экономике. С другой стороны, как правильно указал А.А.Борзунов (1989. – С.127), появление городищ было связано с характером социально-экономического развития лесостепного и лесотаежного населения и внутренними конфликтами, вызванными получением прибавочного продукта в виде скота и металла. Укрепления служили целям защиты обширных и племенных территорий населения городка, а главное – производимых и возможных для отчуждения продуктов, и были рассчитаны на отражение набега небольшого отряда одной из соседних общин, живших в таких же укреплениях (1989. – С.128).

ГЛАВА VI. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Духовная сфера жизни – специфическая особенность, присущая лишь человеческому обществу. В духовной сфере издревле сложились два направления: одно – положившее начало художественному мышлению, т.е. творчеству, другое – породившее религиозное, преимущественно мифологическое сознание. Исследования в области духовной культуры по археологическим источникам еще только начинаются. И поэтому одной из главных задач является описание и систематизация источников.

Ввиду того, что по эпохе поздней бронзы Урала и Прикамья источники по духовной культуре крайне ограничены, в настоящее время очень трудно перейти к теоретическим исследованиям, раскрывающим социальную суть тех или иных артефактов.

В.Ф.Генинг отмечает, что при изучении духовной культуры все условно, все символично; реальные образы сознанием трансформируются в зна-

ковые системы, семантическая нагрузка которых достоверно была известна лишь их творцам. «Поэтому связь символов с реалиями, с одной стороны, и символов с содержанием, ролью в целостном культе – с другой, как в конечном итоге – содержание и назначение самого культа, остаются в археологии областью, которая не стала еще предметом специального теоретико-методологического исследования» (1991. – С.4).

В специальной литературе наметились две основные тенденции в изучении первобытных обрядов и верований. Первая отрицает возможность проникновения исследователя в духовную жизнь древних, вторая, наоборот, признает возможность реконструкции. Очевидно, более оправданная промежуточная позиция, которая признает вероятность частичных реконструкций, но на основе очень осторожного, корректного анализа археологического материала (Антонова Е.В. – 1990. – С.24). По мнению Е.В. Антоновой, для эпохи первобытных земледельцев (а именно на такой сходной стадии находилось население лесного Урала и Прикамья в позднюю бронзу) характерна не собственно религия, а скорее можно говорить об обрядах верований, так как у них только складываются черты, определившие формирование облик религиозных представлений (1990. – С.5). В литературе этот период называют «дорелигией», «культом», «ранними формами религии» (Токарев С.А. и др.).

Помимо прочих, одним из важных факторов, влияющих на характер идеологии древнего населения, является природно-географическая среда. Люди постоянно пытались подчинить себе силы природы, но уровень знаний не позволял им это сделать в действительности, и они подчинялись силам природы лишь в своем воображении. Именно поэтому природа занимает большое место в религиях разных народов. Не являются исключением в этом плане и народы Урала и Прикамья.

Обрядовая практика сохранилась в археологических материалах в виде погребений, различных изображений предметов, которые могли быть амулетами. Эти вещественные источники можно увязать с ранними формами религии, выделенными С.А. Токаревым (1964). Причем следует иметь в виду, что разнообразные исторические формы религии не размежеваны непроницаемыми рубежами, а постоянно сплетаются, порождая сложные промежуточные формы (1972. – С.265).

Этнографы определяют нижнюю границу угорской религиозной традиции усть-полуйским временем (Гемуев И.М., Сагалаев А.М. – 1986. – С.187), которое уверенно связывается с формированием древнеугорской культуры в целом.

Рассматривая вопросы идеологии населения позднего бронзового века Урала, следует иметь в виду переходный характер экономики в этот период, упрочение производящих форм хозяйства, что, безусловно, должно было сказаться на различных сторонах духовной культуры, привести ее к преобразованию в соответствии с новым характером экономики. Этнографы указывают на сохранение прежних черт духовной культуры после пере-

ода к производящей экономике у бывших охотников (Бромлей Ю.В. – 1983. – С.273).

Характеристику ранних форм верований и культов на урало-аппадносибирских археологических материалах эпохи бронзы с привлечением этнографических объяснений приводит М.Ф.Косарев (1981. – Гл.IX; 1991. – Гл.IV). Им проанализированы представления о загробной жизни, отемизм, культы лося, солнца и огня. Полученный нами материал пополняет количественную характеристику источников, внося очень мало для их объяснения.

В погребениях находят отражение, очевидно, погребальный культ и культ предков, которые разграничить на археологическом материале весьма трудно (Антонова Е.В. – 1990. – С.38).

Погребальные памятники являются самой обширной категорией памятников, позволяющей судить об обрядовой практике. Археологические данные отражают обряды, хотя и ограниченно: не фиксируют обряды догребения, траурные и поминальные. В погребальной обрядности, кроме религиозных представлений, отражаются этнические контакты, структура общества и роль ландшафта, часто определяющего форму погребальных сооружений (Коренько В.А. – 1977. – С.6).

Характерными чертами погребений являются: захоронение в могилах, озвездение курганов или надмогильных сооружений из дерна над ними, определенная роль огня в ритуале, немногочисленный инвентарь.

Наиболее общими признаками обрядовой практики и верований населения бронзового века Урала, так же как и первобытных земледельцев других регионов, являются большая роль земли (о чем свидетельствует явное осподство ингумаций), отсутствие специалистов – отправителей обрядов для которых эта общественная функция являлась бы единственной), на что указывает отсутствие обрядовых предметов и коллективность обрядовых действий (Антонова Е.В. – 1990. – С.248). Следует отметить неразрывность одной стороны обрядов, от чего зависел крайне бедный инвентарь (сосуд, очень редко другие предметы). Очевидно, вещи в потустороннем мире у лесных племен играли небольшую роль. Исходя из нестабильности погребального обряда в позднем бронзовом веке лесной зоны Урала и Прикамья, можно предполагать характер процесса формирования обрядово-мифологического комплекса, его незавершенность, т.к., согласно Е.В.Антоновой (1990. – С.248–249), унификация позы, место расположения инвентаря и самих останков могут указывать на усложнение, дооформление обрядово-мифологического комплекса.

Выше уже отмечалось наличие в могилах захоронений в скорченном и вытянутом положении с преобладающей восточной ориентацией. Кроме того способа, существовали вторичные захоронения костей, или, как их еще называют в литературе, естественные расчленения. Обряд вторичного захоронения довольно широко распространен у абашевского населения Урала; объяснение ему находят в этнографии чувашей и ирокезов. Возник-

новение этого обряда обосновывают уверенностью людей в том, что душа находится в тесной и неразрывной связи с телом и отрывается от него только после исчезновения тела. В силу этого «первичное погребение... не есть... погребение, т.е. отправление покойника в загробный мир, а является только подготовительной стадией ко второму, т.е. настоящему погребению» (Марковин В.И. – 1978. – С.228).

Повторный обряд захоронения был широко распространен у народов Восточной Сибири и Приамурья, известным по археологическим и этнографическим источникам. Подробное описание и литература по вопросу приведена в работах этнографов и археологов (Обыденнов М.Ф. – 1986а. – С.23). Интересно, что у эвенков обряд отправления души умершего в иной мир производился примерно через год после разложения трупа.

Видимо, и у межевского населения были поверья, по которым отдельных покойников не хоронили в ямах, а оставляли на открытом воздухе до того времени, пока кости не распадутся. Характерно, что найденные на горизонте захоронения костей не позволяют предполагать какое-либо другое место для первоначального помещения покойника, кроме курганной площадки. Возможно, в зимнее время года, когда рытье могил и возведение насыпей было затруднено, покойников просто оставляли на погребальной площадке, а летом на этом же месте возводили курган.

Обряд вторичного захоронения, при котором умерший определенное время находился на воздухе, а затем совершалось предание земле, можно связывать с представлениями обских укров, по которым «могильные души со своей стороны держатся за родовые связи и стремятся даже следовать за родом в случае его переселения на другое место» (Чернецов В.Н. – 1959. – С.123).

Обычай ломки вещей, практиковавшийся у межевцев, был достаточно широко распространен в древних сибирских погребениях и известен по данным археологии и этнографии (Обыденнов М.Ф. – 1986а. – С.24). Возможно, вещам старались придать такое же состояние, как и покойнику (раз человек представлен набором костей, то и вещи должны быть представлены набором обломков). Это делалось для того, чтобы покойник мог ими пользоваться. Ханты и манси также ломали погребальный инвентарь, чтобы освободить душу вещи и тем самым дать ей возможность следовать за своим хозяином в загробный мир.

В финно-угорской археологии традиционно значительную роль в верованиях отводят культу огня и солнца, связывая их с анимистическими представлениями древнего населения. Возможно, огонь помогал душе умершего вознестись в другой мир – освещал ей путь в страну мрака. Если, согласно поверьям, огонь обладал такой силой, то, очевидно, душа должна была покидать тело не в могиле, а раньше, в процессе подготовки покойника к погребению, видимо, у тех кострищ, которые были зафиксированы недалеко от могил под курганами или рядом с ними. Находки мелких угольков в могилах можно объяснить ритуалом очищения огнем могилы, как, например, это прослежено у селькупов (Косарев М.Ф. – 1981. – С.263).

О культе солнца свидетельствуют находки каменных дисков-пряслиц с асходящими лучами, бронзовых выпуклых блях с ушком, которые но- или, очевидно, на лбу. В погребении №3 кургана №5 Красногорского I погильника бронзовая бляшка располагалась перед лобной частью лежа- дего на правой стороне черепа. Так, например, ненцы при обрядах, свя- анных с поклонением солнцу, нашивали на малицу блестящую медную пу- овицу (Косарев М.Ф. — 1981. — С.260). Наконец, М.Ф.Косарев приводит елый ряд фактов, свидетельствующих о применении тарелок с солнечной рнаментацией в культовых солнечных обрядах (1981. — С.259–260). Как звестно, глиняные блюда с солнечной орнаментацией с VI разреза Горбу- овского торфяника находят широкие аналогии в орнаментах межовской оуды.

Солярная (солнечная) орнаментация не редкость на глиняных прясли- ах. Пожалуй, из всех видов орнамента, встреченных на пряслицах, соляр- ый является самым распространенным как в эпоху поздней бронзы, так и ериод раннего железа. Пряслица с солярной орнаментацией происходят з Старо-Яппаровского I и Юкаликулевого поселений. Первое пряслице епное, с примесью толченой раковины в тесте. На лицевой стороне его анесен орнамент в виде расходящихся от центра лучей-лепестков. Второе — з камня, на его поверхности нанесены резные линии — «лучи» света. Каж- ый оборот пряслица в работе при приготовлении нити символизировал, очевидно, дневной оборот светила, а сама нить олицетворяла «нить жиз- ии» (Рыбаков Б.А. — 1981. — С.242), и чем длиннее эта нить, тем длиннее сизнь человека — владельца одежды.

Ряд костяных предметов можно трактовать как культовые. К примеру, ритуальный костяной «нож», найденный на поселении Тюбяк. Один конец го подточен на конус, круглый в сечении, другой, со стороны рукояти, — рямоугольный; рукоять от лезвийной части отделяется выступом и изо- ражает морду животного. Второй предмет с этого же поселения предств- яет собой слегка изогнутую полую трубку. Один конец трубки расширен, ругой — сплюснен, с нарезкой для вкладывания в тетиву лука, в верхней асти нарезки нанесены еще две нарезки, образующие острый угол. Воз- ожно, данное изделие предназначалось для использования в ритуальных ействиях.

Большой интерес представляет необычная находка глиняной скульп- уры медведя на Нижегородском III поселении. Фигурка вылеплена из расной глины без заметных примесей. На первый взгляд, она выглядит овольно грубой. Действительно, моделировка ее слабая: образ медведя роявляется только в одном положении, при котором начинают проглядыв- ать контуры головы, схематичные резные линии, обозначающие приот- крытый рот; также схематично показаны уши, тяжеловесный контур зад- ей части туловища. На месте условно обозначенных задних ног вырезано наковое обозначение женского полового признака («угол») (Столяр А.Д. 1985. — С.246). Вероятно, перед нами фигура медведицы. Выделяются два

углубления – точки, нанесенные на область левой половины шеи. При повороте вдоль тела по часовой стрелке в нижней части фигуры резными линиями разделены ноги и вновь сдублирован женский знак «угла» медведицы, а также обозначено шейное углубление – «адамово яблоко». Важные интересные детали появляются при дальнейшем повороте «по солнцу»: на правой стороне головы нерезко, но при внимательном рассмотрении вполне отчетливо прослеживается изображение символики солнца – прочерченный овал с пятью расходящимися от него лучами. Очевидно, перед нами «небесная медведица», связанная в космологии с солярной символикой.

При изучении фигурки в области крупа, живота и задних ног мы находим продолжение в виде условного «угла» полосы точек-углублений. Третья точка – на крупе, четвертая и пятая соединены косой линией. Вероятно, здесь в обозначении расположен важный узел, поскольку проведена продольная резная линия, почти перпендикулярная резной линии с двумя углублениями, так что образуется условная форма креста (по счислению межевских племен это равно «1»). Важный узел – середина лета, поскольку резная линия направлена как раз на середину солнечного диска и разделяет его на две половины. В области задних ног видны еще две точки углубления. Следовательно, всего этих точек 7. Если мы сопоставим приемы знакового отражения цифр в числовой систематике межевого населения, то 7 наших точек как раз обозначают число «12», т.е. годичное число, возможно, месяцев.

Материалы, связанные с образом медведя в искусстве и мировоззрении Урала, свидетельствуют о том, что культ медведя здесь сложился еще в эпоху верхнего палеолита и, вероятно, существовали и «натуральные макеты» как переходная форма к анималистическим скульптурам (Столяр А.Д. – 1985. – С.180–210), зафиксированные в уральских пещерах. В Аскинской пещере на р. Аскин в Гафурийском районе Башкортостана в 1923 г. одним из медвежьих клыков было найдено 97. В пещере Глубокая в урочище Байсанлан в Бурзянском районе в одной из ниш встречен целый череп медведя (Федоров В.К. – 1989. – С.150–151). Обстоятельства местонахождения позволяют предположить, что череп был помещен туда человеком. Намеренное укрывание черепов пещерных медведей в нишах пещер хорошо известно по памятникам типа Драхенлох (Столяр А.Д. – 1985. – С.140, 143–148, 150–156, 160, 161, 164, 179, 238). Эта историческая традиция продолжала сохраняться и развиваться в течение всех последующих эпох. Фигурки медведей из кремня происходят с поселения Имерка эпохи энеолита в Мордовии (Третьяков В.П. – 1984. – С.179), с поселения Юртик (первая половина II тысячелетия до н.э.); топоры-молоты известны в лесной полосе. Эта традиция продолжалась со своими особенностями в ананьинскую эпоху (Корепанов К.И. – 1981). Культ медведя проявляется в предметах пермского звериного стиля и доживает на Северном Урале до наших дней в виде медвежьих праздников обских угров.

В многообразных аспектах воззрений, связанных с образом медведя, перед нами предстает одно из ранних художественных воплощений, в котором отразилась мировоззренческая концепция – медведица как олицетворение годовичного цикла, и эта традиция, видимо, продолжалась в эпоху железа и средневековья. Следует отметить еще один момент, связанный с изображением медведя из Нижегородского III поселения. Известно, что в средневековом искусстве Прикамья в бинарной календарной оппозиции выступают два образа: медведь, олицетворяющий весенне-летний, и лось – осенне-зимний периоды годовичного цикла. Из них культ лоса (олени) относится к наиболее древним элементам космологических представлений, он зародился еще в мезолите.

Эти два образа в эпоху бронзы, видимо, были взаимозаменяемы. Образ медведя в это время мог выступать в двоякой ипостаси: в одном случае как «пробуждающийся», весенне-летний, в другом – как «спящий», осенне-зимний цикл. Образ этого хищного животного мог быть связан с годовичным циклом. Впрочем, это предположение необходимо проверить на более широком материале. В данном случае медведь как более поздний образ по сравнению с лосем, связанный с мировоззрением населения Нижегородского III поселения эпохи бронзы, днем олицетворялся в небесном мире с солнцем, а ночью – с Большой Медведицей. Крест, отмеченный на фигурке, возможно, символизирует календарные фазы: четыре точки связаны с осенне-зимним, а три – с весенне-летним периодами. Крест с загнутым концом символизирует на фигурке видимое движение светила по небосклону и взаимосвязь со сторонами света: юг (в сторону «солнца» и головы, солнечный зенит), противоположное направление – север (надир), запад (заход), восток (восход солнца).

О почитании культа медведя у угров создана большая литература (Косарев М.Ф. – 1981. – С.250–253). Предметом почитания были и клыки медведя. М.Ф.Косарев приводит этнографические данные об использовании уграми медвежьих клыков как оберегов и талисманов. Известна присяга перед клыком медведя, подвешивание клыка над люлькой или надевание на шею ребенка (1988. – С.93–94).

Подвески-амулеты изготавливались из кости, глины, бронзы. Они найдены на межовских поселениях Юкаликулево, Старо-Кабаново II и Тюбяк. Это изделия подтреугольной формы, иногда подромбической, с отверстием в узкой части. Они, очевидно, использовались в качестве оберегов, призванных предохранять человека от действия злых сил. Оберег связан с определенной активностью человека по отношению к «нечистой силе» (Парсамов С.С. – 1990. – С.42–45). В качестве амулетов, вероятно, использовались клыки медведя или волка с просверленным отверстием. На поселениях Старо-Яппаровском III, Юкаликулевском и др. они встречены в единичных экземплярах. В погребениях срубной культуры на этой же территории подобные предметы входят в состав ожерелий и находятся у погребенных в области груди (Обыденнов М.Ф. – 1986б. – С.51).

Образ медведя тесно связан с фратрией обских утров Пор, является его главным тотемом. Интересна связь топонимики с медвежьей скульптурой. Нижегородское III поселение, где найдена скульптура, расположено в устье р. Демы вблизи р. Уфы. Согласно одной из версий лингвистов, название реки «Уфа» этимологизируется с угорских языков как «медвежья».

Таким образом, становится понятной глубокая связь воззрений на культ медведя, который сложился на Южном Урале в верхнем палеолите, продолжался в течение всего каменного века, энеолита, и в бронзовом веке нашел оригинальное воплощение в олицетворении медведя с солнцем, сторонами света, годичным циклом.

Скульптурная голова кабана из камня происходит из поселения Тюбяк. Голова кабана дана объемно, видовые черты отчетливы: выделяется конец тупорылой морды, свисающие уши; с одной стороны глаз едва заметен, а с другой – проявляется, но не резко. Важны мелкие изображения на голове кабана: от нижней части морды и вверх до ушей на одной из сторон нанесены 7 крестовидных знаков – на затылке обозначены знаки «сердца» и креста, на другой стороне, на конце уха, показано изображение креста, ниже которого выбиты в виде дуги три ямки-углубления. Разумеется, представить все смысловое значение отмеченных символов на примере одной вещи сложно, однако следует отметить наиболее существенные моменты. Можно полагать, что солнечная символика отражена в двух видах. Это крест на затылке рядом с «сердцем» и, возможно, пересекающиеся линии. Первый крест, очевидно, связан с обозначением сторон света: в сторону окончания морды – юг, затылок – север, а западная и восточные стороны – бока скульптурной головки. Соответственно, в знаковых символах на скульптуре выделяются пять узловых связующих «пунктов». Первый, начальный, – появляющиеся при движении «по солнцу» перекрещивающиеся «крестовидные» знаки, идущие от нижней челюсти вверх в сторону уха; далее при движении появляется сердцевидный знак – второй; третий, собственно крест, – определитель координат (сторон света) и знак солнца одновременно; четвертый – знак креста на окончании уха; и пятый узел – три ямки-углубления, завершающие цикл. Очевидно, скульптурная голова использовалась в культовой практике и была связана в представлениях людей с солнцем.

Если культ медведя вырос преимущественно на тотемической основе, то культ лося и других животных имел преимущественно промысловый характер, хотя не исключено, что у некоторых народов животные тоже были когда-то тотемами (Студицкая С.В. – 1987. – С.323).

Среди изображений животных, найденных в таежной зоне Западной Сибири, первое место по количеству находок занимает лось. Они известны на Еловском поселении, в нижнем слое 4-го разреза Горбуновского торфяника. Обломок плоской костяной поделки из Батраковского поселения на р. Ик изображает, очевидно, морду лося. Об этом говорит характерный изгиб горбоносого окончания морды и нависающая верхняя губа. Условно, в

виде отростков, обозначены рога. Видимо, лось олицетворял источник жизни, светлое начало, переплетался с солнечным культом, с представлениями о небесной сфере. Култ лося отражен в специальной литературе Косарев М.Ф. – 1981. – С.257–258). Причем этот автор, подчеркивая промысловый характер лося, полагает, что култ лося едва ли имел прямое отношение к тотемизму. Лепная фигурка уточки длиной 5 см и высотой 1,8 см найдена на этом же поселении. Это объемная скульптура с отчетливой моделировкой фигуры и выраженными чертами головы, однако без детализации. По общему облику данная фигурка имеет сходные черты с изображениями голов птиц со стоянки Горбуново (Мошинская В.И. – 1976. – Табл.9, 10). Форму уточки имеет ложечка из позвонка животного, найденная на Казануловском Нижнем поселении межовской культуры. Ведущей в данном изображении является голова, однако мастером очерчены только основные контуры образа без дополнительных приемов передачи более четких видовых черт. Наиболее близкими аналогами являются, как отмечалось, деревянные ложечки с рукоятками в виде голов птиц из Горбуновской стоянки Мошинская В.И. – 1976. – Табл.9; Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – 1987. – Рис. 122, 2, 4, 5, 6, 7).

Торфяниковая коллекция деревянных изделий дает сравнительно большое количество изображений птиц в виде ручек деревянной бытовой утвари; уток, гусей, лебедей и болотной курочки (Раушенбах В.М. – 1956. – С.24. – Рис. 3, 4). Глиняная фигурка птицы семейства тетеревиных имеется в материалах неолитической стоянки Евстюниха, в лесном Зауралье (Россадович А.А., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. – 1976. – С.186. – Рис. 1, 7).

Образ водоплавающей птицы, связанной в представлениях древнего населения с созданием мира, был широко распространен с Северной Евразии, в том числе и у финно-угров Приуралья. Очевидно, этот мифологический образ, сложившись в каменном веке, продолжал существовать и в эпоху бронзы.

У финно-угров «в основе почитания птиц лежали представления о священных птицах как надежных посредниках между миром людей и вообщаемым миром духов». Тотемная роль птиц у сибирских народов раскрыта М.Ф.Косаревым (1988. – С.102–104).

На Кизгановском II поселении в 1984 г. была найдена поделка из глины с примесью толченой раковины. Длина стержня 6,8 см, диаметр 1,5 см. Один конец стержня утолщен, имеет желобок, другой утоньшен в виде хвоста рыбы, обломан. Поверхность изделия покрыта ногтевидными вдавлениями, напоминающими рыбью чешую. Поделка, очевидно, изображает ома. Судя по составу глины, данная вещь принадлежит межовскому комплексу.

Фигурка рыбы из глины, предположительно служившая подвеской, известна в Томском могильнике; прочие фигурки изготовлены из других материалов и могли служить приманкой (Эверстов С.И. – 1988. – С.34). Анализируя глиняное изображение рыбы из Приуралья, следует отметить,

что в бронзовом веке Западной Сибири, при интенсивном рыболовстве, скульптурные или графические изображения рыб на скалах почти неизвестны. Полагают, что их изготовляли из дерева в целях приманки, а также для культового предназначения. У остяков был обычай бросать деревянные рыб в воду во время ледохода, что должно было, по их мнению, обеспечить удачу в рыболовстве (Косарев М.Ф. – 1988. – С.106). У коми существует легенда, согласно которой человек «произошел от рыбы и когда-то был весь в чешуе, которая позднее осталась в виде ногтей».

Изображение рыбы могло обозначать водяного «духа Вэс», в котором «превращались» щука, окунь, ерш, или душу умершего, направляющегося в загробный мир по воде.

Характеризуя хозяйство, выше мы отмечали запреты на ловлю и, очевидно, на употребление отдельных видов хищных рыб – щуки, сома, окуня и налима (Дьяченко И.П. – 1985. – С.104). Этнографический материал подтверждает запреты на рыб, особенно в отношении щуки и налима. В частности, вогулы на р. Сылва не ели мерзлой щуки и налима, ибо, по местным поверьям, боги иногда принимают облик этих рыб. М.Ф.Косарев (1988. – С.107) даже связывает такие запреты с пережитками тотемического культа и сопоставляет их с запретами по отношению к медведю.

Всевозможные запреты (табу), характерные для первобытных коллективов, регламентировали связь человека с окружающей природой и были связаны с заботой об обилии жизненных благ, тотемными запретами и т.п.

Вполне вероятно, что существовали определенные культы, связанные с изготовлением керамики. Так как гончарством занимались в каждом доме (специализированных мастерских не найдено) и, видимо, по аналогии с угорской этнографией, преимущественно женщины, то можно предполагать наличие домашних культов, связанных с изготовлением глиняной посуды; их придерживались женщины. В сознании многих народов гончарство связано со сверхъестественными силами. Процесс изготовления сосуда сравнивается с актом сотворения мира, а сам сосуд – со вселенной (Кузьмина Е.Е. – 1986. – С.60). Изображения на сосудах должны были охранять содержимое от злых духов. Характерным элементом на посуде была резная елочка. По народному преданию, усть-вымские коми почитали ель, за что их называли «ельниками» (Грибова Л.С. – 1975. – С.35).

Очевидно, с эротическими культами (С.А.Токарев) можно связать крупные, тщательно отполированные песты с оформленной головкой в виде фаллоса, найденные на Юкаликулевском, Ахметовском I (Збруева А.В., Тихонов Б.Г. – 1970. – С.90. – Рис. 16, 9) поселениях в Приуралье, Балакинском поселении в Зауралье и др. Фаллические предметы из камня известны в Западной Сибири на поселении Самусь IV (Косарев М.Ф. – 1981. – С.102. – Рис.37, 10; С.83. – Рис. 29, 15).

Фаллический культ у земледельческо-скотоводческих народов обычно связывается с культом плодородия, размножения; у населения с присваивающей экономикой он связывается с тотемическими культами. Например,

обских угров деревянные изображения фаллосов фигурировали на «медных» праздниках, которые носили тотемический характер (Археология СР: Бронзовый век лесной полосы СССР. – 1987. – С.322; Косарев М.Ф. 1981. – С.252).

Полагаем, можно высказать еще одно предположение: связать фаллический культ с горным делом, добычей и обогащением медной руды, что, смысловому содержанию может соответствовать культу плодородия. Вряд ли найденные на Урале большие тяжелые песты, оформленные в виде фаллоса, служили для размельчения руды. То, что начальное металлургическое производство сопровождалось множеством обрядов, в литературе отмечалось неоднократно (Черных Е.Н. – 1976. – С.159). Поэтому есть основание выдвинуть тезис о существовании у населения бронзового века рала «металлургической» обрядности.

В отличие от неолита или раннего железа, антропоморфные изображения в позднюю бронзу очень редки. С Юкаликулевского поселения происходит антропоморфная фигурка размером 6,0х4,5х1,4 см, изготовленная из известняка. Линии с обеих сторон подчеркивают руки или одежду. Выступ головы отломан (Обыденнов М.Ф. – 1991в. – Рис.15,17).

У угров духи олицетворялись в скульптурных изображениях, которые еще всего изготовлялись из дерева и хранились в каждой семье или в общественных молельнях (Гамуев И.Н. – 1990. – С.15).

На наличие числовых или пиктографических записей указывает изготовленный из ребра животного орнаментированный костяной кочедык, найденный на Жуковском срубно-межевском поселении. Подобные находки, но неорнаментированные, известны на поселениях Юкаликулево и Тюяк (Обыденнов М.Ф. – 1986. – С.56–58). Жуковский экземпляр имеет длину 21,5 см. С одного конца у поделки имеется надрез, как у свистульки, а внутри ребра – отверстие диаметром около 3 см. Вся поверхность ребра открыта орнаментом из нанесенных тонкой нарезкой треугольников, в основании которых с выгнутой стороны ребра нанесено, как правило, по одной крупной точке, а с вогнутой – по две и три точки. На одной стороне имеется 13, а на другой – 36 точек. В некоторых местах точки группируются по 2, 4, 6, 10. Вероятно, на обеих сторонах сделана пиктографическая запись. Здесь встречается свастика и кресты, соединяющие две и три зоны треугольного орнамента (возможно, символы солнца с лучами и образ мирового ока). Расшифровка смысла орнамента – дело будущего, однако обращает внимание, что его характер совпадает с орнаментом, нанесенным на поверхность тела идола из талька, найденного в жилище №2 поселения Палатки, расположенного на левом берегу р. Исеть у пос. Палкино в черте г. Екатеринбург (Панина С.Н. – 1980. – С.164–165). Идол лежал рядом с очагом. Возможно, этот вид орнаментации чаще применялся в эпоху бронзы на культовых вещах. Орнамент на Жуковском кочедыке поразительно близок зигзаговидному узору с точками в треугольниках на жестяных ножках деревянного ритуального меча, который использовался угра-

ми в ритуальных танцах (Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. – 1986. – С.21. – Рис.17).

Оригинальной находкой на поселениях эпохи поздней бронзы и раннего железа на Урале являются игральные фишки – вюрфели. Это изделия из глины, камня или кости в виде кубика со сторонами около 1–2 см. Боковые грани плоские, на них имеются насечки, означающие цифры. Вюрфели найдены на поселениях Юкаликулево (Горбунов В.С., Обиценнов М.Ф. – 1983. – С.46. – Рис.4, 11), Язево I (Потемкина Т.М. – 1985. – С.66. – Рис.17, 10), Черемуховый Куст; по два экземпляра – на Липовой курье (Хлобыстин П.Н. – 1976. – С.29. – Рис.12, 1, 4), Коркино I (Чемякин Ю.П. – 1976. – С.207), Мирный II, Ольховка – 4 экземпляра (Матвеев А.В. – 1987. – Отчет), городища Чудаки (Сальников К.Б. – 1951. – С.89. – Рис.30). Есть упоминания о находках поделок в виде кубиков на Замараевском (Сальников К.В. – 1947. – Отчет. – С.22). Обе находки не имеют насечек и могут рассматриваться как заготовки.

Находок типа вюрфелей и их заготовок известно всего 15. Как мелкие предметы, вюрфели могли затеряться в любой части древнего поселения, поэтому такие находки на многослойных памятниках затрудняют определение даты и их культурной принадлежности. Анализ показал, что основная часть их встречена на тех поселениях, где имеется черкаскульская или межевская керамика. Возможно, и бытование вюрфелей описанного типа связано именно с этими культурами.

Л.П. Хлобыстин, описывая липово-курьевскую находку, отметил, что вюрфели свидетельствуют о существовании числовых обозначений и словесных знаков.

Сравнение вюрфелей показывает, что у всех находок имеются сходные обозначения счета. Одна, две, три черточки и крест, видимо, означали цифры от 1 до 4. На вюрфелях с Мирного II, Коркино I, с поселения Черемуховый Куст вместо трех черточек нанесено пять. Чудаковский вюрфель отличается от прочих тем, что вместо креста на нем нанесена решетка, а вместо двух и трех линий – крест. Возможно, со знаками на Юкаликулевском вюрфеле можно сопоставить глиняное грузило с пятью точками, встреченное на межевском поселении у Второго Карасьего озера. На юкаликулевской находке концы насечек помечены точками-ямками, и если считать по точкам, то соотношение единиц будет другое: 4, 6, 4 и 2. Однако, судя по другим вюрфелям, счет велся по цифрам от 1 до 4. Важно отметить, что у всех экземпляров счетные насечки имеются только на боковых гранях; две противоположные стороны обычно полусферические и без насечек. Шесть и семь точек нанесено на торцах брусковидной гальки, найденной в межевском слое поселения Тюбак.

В связи со знаками на вюрфелях интересна деревянная бирка для счета, принадлежащая остякам XX в. (Симченко Ю.Б. – 1965. – С.119. – Табл.62). Зарубки и их комбинации на бирке означают различные цифры. Некоторым знакам на бирке XX в. находят параллели на вюрфелях эпохи брон-

ы. Расшифровка их следующая: прямая черта означает единицу, наклонная – пять, крест – десять. Можно предполагать, что вюрфели могли появиться в среде протоугорского черкаскульского населения, от которого перешли к более поздним культурам Урала.

Помимо упомянутых религиозных верований – тотемизма, культа редков, промысловых и эротических культов, у населения Урала, очевидно, существовали другие формы религии и культа – шаманизм (Косарев М.Ф. – 991. – С.183), складывавшийся, по мнению С.А.Токарева (1964. – С.278–305), период разложения родового строя; культы гор, камней, водной стихии, фиксируемые у аборигенов Сибири; культы гончарства, металла и металлургии и др. Но, к сожалению, не все они были материализованы или дошли до нас.

Можно было бы охарактеризовать духовную культуру населения Урала эпохи поздней бронзы гораздо подробнее, если бы мы могли связать уральские писаницы с определенными историческими эпохами. Однако многолетние плодотворные исследования В.Н.Чернецова показали, что пока мы не располагаем системой точного датирования уральских наскальных изображений (1964–1971). Известна одна группа писаниц близ озера Б.Алаки Свердловской области, где при раскопках В.Я.Толмачева (Чернецов В.Н. – 971. – С.46. – Рис.35, 19–26) и В.Т.Петрина (1977. – С.174–175) была найдена межовская керамика и кремневые наконечники стрел подтреугольной формы с прямым основанием, типичные для межовских комплексов. Однако здесь же находилась керамика раннего железного века (воробьевская) и орудия эпохи раннего энеолита (Чернецов В.Н. – 1971. – С.47). Поэтому следует согласиться с В.Н.Чернецовым относительно того, что памятник на озере Б. Алаки является остатком какого-то древнего культового места с широким хронологическим диапазоном (1971. – С.47).

Таким образом, рассмотренные материалы освещают новые стороны духовной культуры и искусства древнего населения Урала эпохи бронзы, показывая связь зооморфных образов с культами, мифами о сотворении мира (образ утки); космогоническими представлениями о солнце – источнике света, тепла и жизни, о четырех сторонах света, годичном цикле образы медведя и кабана) и др. Существование у населения эпохи бронзы словесных обозначений свидетельствуют смысловые знаки на вюрфелях. В эпоху поздней бронзы существовали своеобразные пиктографические записи», дешифровка которых – дело будущего.

Бедность населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья произведениями искусства в эпоху поздней бронзы отмечает Ф.Х.Валеев (1975. – С.26). В своей обобщающей работе, посвященной древнему и средневековому искусству этой эпохи, он фактически не смог назвать ни одного предмета искусства, кроме керамики и медных бляшек.

В эпоху поздней бронзы памятники искусства практически отсутствуют в Среднем Прикамье (Оборин В.А. – 1976. – С.13). В сводке В.А.Оборина след за искусством неолита-энеолита рассматривается сразу железный век.

Исследователи искусства эпохи раннего железного века также не видят явных истоков его в местных культурах Прикамья. К.И.Корепанов в составе ранней прикамской группы изображений ананьинского звериного стиля усматривает сильное воздействие скифских, а также тагарских, савроматских и савроматских стилей (1980. – С.17).

Однако полностью исключить местные истоки искусства лесных племен раннего железа, разумеется, нельзя. Об этом свидетельствуют упомянутые выше изделия, обнаруженные нами в памятниках поздней бронзы, а также часть материалов Горбуновского торфяника, которая относится к эпохе бронзы: деревянный идол, глиняные блюда и др. (Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – 1987. – С.318; Косарев М.Ф. – 1981 – С.137. – Рис. 49).

Очевидно, искусство мелких форм воплощалось в традиционных материалах – дереве, глине, а традиция изготовлять культовые и декоративные вещи еще не сложилась. Позднее, с началом эпохи раннего железа, они были заимствованы у кочевников степной зоны Евразии и населения Кавказа.

В эпоху поздней бронзы у населения южно-лесной зоны начинается оформляться скотоводческо-земледельческий хозяйственный комплекс; происходит ломка традиционной культуры, базировавшейся на присваивающей экономике, в связи с этим происходит переоформление всего идеологического комплекса. Свидетельствами этого сложного процесса, возможно, являются неустойчивость погребального обряда, обеднение памятниками искусства и культа всей эпохи по сравнению со временем неолита – ранней бронзы или раннего железа.

Если всплеск искусства в конце эпохи камня – начале эпохи раннего металла в лесной зоне базировался на присваивающей экономике, а следующий яркий импульс в развитии искусства в раннем железном веке (савроматского, ананьинского) основывался на сформировавшейся производящей экономике скотоводов или скотоводов-земледельцев, то на эпоху позднего бронзового века приходится переходное время переоформления идеологического, культурно-мифологического комплексов, что отразилось в археологических источниках.

ГЛАВА VII. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Антропологические данные лучше других источников позволяют судить о вопросах этногенетического родства и происхождении народов, но вплоть до настоящего времени они очень отрывочны и фрагментарны. Эпоха поздней бронзы Урала и Прикамья до сих пор представлена лишь единичными черепами. Значительные серии на этой огромной территории единичны, а по ряду культур погребальные памятники вообще отсутствуют и, соответственно, нет краниологических материалов.

Распространение и смешение антропологических типов специалисты обычно рассматривают как следствие исторических процессов, связанных с

распространением языка и культуры. В то же время язык и культура могут распространяться на широкие пространства вне зависимости от локализации антропологических типов. Характерной является ситуация антропологической многокомпонентности археологических культурных общностей, особенно имеющих большой географический ареал.

Хорошо известно, что в степной зоне отдельные группы населения бронзового века, относимые археологами к одной археологической культуре, даже на сравнительно близкой территории имели неоднородное происхождение и порой существенно отличались в антропологическом отношении (Гинзбург В.В. – 1959. – С.540). Значительное влияние на формирование антропологического типа населения бронзового века Урала и Приамья оказало население степной зоны Евразии – срубное, андроновское – лесостепной зоны Западной Сибири, также частично андронидное.

Г.Ф.Дебец (1948) внутри протоевропейского типа, характерного для населения степной бронзы, выделил два варианта – андроновский, сложившийся в степях Казахстана, и средиземноморский, характерный для носителей срубной культуры. Антропологический тип племен срубной культуры западных районов ее распространения характеризуется долихотрихией, узким и средневысоким, хорошо профилированным лицом, т.е. всеми признаками средиземноморского типа большой европеоидной расы (Круц С.И. – 1976. – С.224).

Итогом изучения антропологических материалов северо-восточной Украины срубной общности было выявление неоднородности населения срубной культуры, относящегося к протоевропейскому антропологическому типу (северо-западные и центральные группы южного Приуралья) и варианту средиземноморской расы (южные и юго-западные группы) (Юсупов Р.М. – 1989. – С.135–137). Антропологическую неоднородность срубного населения специалисты объясняют генетической связью с более древним, предшествующим населением ямной и полтавкинской культур, участием в их формировании срубного населения Украины и лесных абашевцев (Шевченко А.В. – 1984, 1986). В срубных комплексах Приуралья не обнаружено следов монголоидной примеси (Юсупов Р.М. – 1989. – С.137).

По мнению Р.М.Юсупова (1990. – С.73), в южном Приуралье произошла метисация европеоидного населения, близкого по своему типу андроновцам Казахстана и сакоусуньским группам Семиречья и юго-западного Приуралья, результатом которой явилось оформление в раннем железном веке антропологического типа савроматов. В частности, этот исследователь исcludes прямое генетическое участие в генезисе савроматов Южного Приуралья срубного населения.

Установлено, что население андроновской общности принадлежало к южной европеоидной расе, в антропологическом отношении не являвшейся единой, а включавшей, помимо андроновского, черепа средиземноморского типа. На западе и севере Казахстана этногенез андроновского населения был связан с развитием населения юго-восточных степей Евро-

пы. В восточной части андроновского ареала отмечаются монголоидные черты (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. – 1972. – С.90, 92). Антропологический состав степных скотоводов – носителей тазабагъябской культуры, как и андроновской, сформировался главным образом на основе протоевропейского типа с включением и других компонентов (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. – 1972. – С.98).

В эпоху поздней бронзы отмечается проникновение андроновцев из Южного Приуралья и Казахстана в Поволжье, т.к. здесь андроновский антропологический тип выявляется у савроматов значительно яснее, чем в классических памятниках срубной культуры. Тот же процесс смешения населения срубной культуры Нижнего Поволжья с андроновскими группами Казахстана и Минусинской котловины, приведший к формированию физического облика савроматов, отмечала Б.В.Фирштейн (1961, 1970. – С.128, 147).

В раннем железном веке население лесостепной полосы Западной Сибири было смешанным, но преобладал европеоидный компонент, который по происхождению можно связывать с андроновскими племенами (Акимов М.С. – 1972. – С.152). Монголоидное население распространялось в северных лесных районах Западной Сибири и смешивалось в лесостепной полосе с андроновским европеоидным типом (там же. – С.195).

Европеоидное по своей основе население проживало в лесной полосе Западной Сибири еще в неолите, составляя восточную окраину ареала неолитической расы Северной Евразии (Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.А. – 1989. – С.78–80, 92). В эпоху бронзы в лесостепи Западной Сибири, по мнению Б.А.Дремова, преобладает андроновский вариант протоевропейского типа, в лесной зоне появляются монголоидные элементы, которые являются здесь более древними (Дремов Б.А. – 1981а. – С.12–15). Краниологические серии поздней бронзы в лесной зоне Волго-Уралья изучались Г.А.Дебецем (1948), Т.А.Трофимовой (1951), М.С.Акимовой (1961, 1962, 1968), В.П.Алексеевым (1965, 1981), А.В.Шевченко (1976, 1977, 1980, 1984а) и Н.М.Рудь (1978, 1981). Антропологический состав Волго-Камья во второй половине II тысячелетия до н.э. выявлялся в связи с выяснением компонентов ананьинской культуры.

М.С.Акимов считала, что в антропологическом отношении население ананьинской культуры было неоднородным и включало как монголоидные, так и европеоидные компоненты, а также смешанный компонент. Европеоидный и смешанный компоненты она считала местными, сохранившимися с эпохи поздней бронзы в смежной области устья Камы. Если черепа из могильников Березовогривского, Ново-Мордовского, Деуковского, Кумысского, Рождественского в основном чисто европеоидного типа, то из могильников Маклашеевка I, II, Полянского II – явно смешанного типа. Полянские черепа отличаются от луговских меньшим продольным диаметром мозговой коробки, меньшим размером лица, более слабым развитием рельефа, сильнее выступающими носовыми костями (Акимов М.С. – 1968. – С.20). При этом исследовательница отмечала (1968. – С.19), что

процесс смешения полянского населения происходил раньше перехода от бронзы к железу, поскольку вся полянская серия сравнительно однородна. Монголоидная примесь на черепах Луговских курганов давала основания предполагать проникновение монголоидных элементов в Прикамье в предананьинское время, что подтверждало результаты анализа черепов из землянки Луговского I поселения, часть которых Т.А.Трофимова интерпретировала как европеоидные, часть – как монголоидные. А.Х.Халиков, констатируя увеличение монголоидности в более восточных, приказанских (по нашему мнению, луговских) могильниках, объясняет это воздействием на автохтонное население инородных по культуре и антропологическому типу племен. Он пишет: «...на востоке ...постоянно происходил контакт с монголоидными племенами» (1969. – С.375), хотя в этой и других работах он подчеркивал незначительность или отсутствие таких воздействий (там же. – С.376).

Исследовавший ряд краниологических материалов из Волго-Камья В.П.Алексеев полагал, что в предананьинское время на европеоидную основу в ананьинское время наслонилась монголоидная примесь (Полянский II могильник маклашеевской культуры и Луговской могильник ананьинской культуры VII–VI вв. до н.э.) (1969. – С.152). В другой своей работе он уточняет эти наблюдения, полагая, что монголоидный тип был характерен для населения Прикамья еще в доананьинское время, но происхождение его по антропологическим материалам непонятно и, возможно, связано с бассейном Чулыма (1981. – С.55–61).

Маклашеевские могильники Заволжья, в частности Полянский II, по мнению В.П.Алексеева (1981. – С.62) демонстрируют следы механического смешения между европеоидным и европеоидно-монголоидным населением.

Таким образом, антропологи считают, что в эпоху поздней бронзы в Волго-Камье проживали различные группы населения. В западных могильниках маклашеевской культуры выделяются два типа: европеоидный с сильно выступающим носом и несколько монголоидный с уплощенным носом. Возникает вопрос о локализации смешанного европеоидно-монголоидного типа. Предположение о возможности монголоидной примеси в срубной среде Волго-Камья выдвигал Г.Ф.Дебец (1948. – С.86; 1954), но осуществленный С.И.Круц пересмотр (1976. – С.231) культурной и хронологической принадлежности этих материалов позволил прийти к мнению, что у срубного населения нет отчетливо выраженной монголоидной примеси (Шевченко А.В. – 1984б. – С.69). Не подтвердили первоначальный тезис и последующие исследования А.В.Шевченко и Р.М.Юсупова.

Антропологи предполагают, что первое появление монголоидов в Волго-Камье относится к балановскому времени (Акимова М.С. – 1963. – С.343), носителей сеймино-турбинского металла предлагают считать европеоидно-монголоидными метисами (Шевченко А.В. – 1984. – С.64), т.к. сеймино-турбинский металл исследователи связывают с Алтаем и таежной зоной к северу от него (Черных Е.Н., Кузьминых С.В. – 1989. – С.270 и др.).

Однако было бы неправильно сводить формирование камско-уральского населения только к смешению европеоидных и монголоидных типов. В составе населения лесной Евразии (угорского и восточно-финского), как показано Г.М.Давыдовой (1975, 1986), прослеживается не имеющий аналогов в современном населении древний антропологический тип, отличающийся не очень уплощенным лицом с умеренно выступающими скулами, не очень низким переносом, плоским, слабо выступающим, часто с вогнутой спинкой носом.

Новые аспекты в изучении уральского населения открылись с появлением работ антропологов по черкаскульско-межевским материалам.

Впервые краниологические данные по черкаскульско-межевому населению получены из могильника Тартышево I. М.С.Акимов, определившая два тартышевских черепа, включила их в число андроновской серии и установила европеоидный облик тартышевцев (1966. — С.14). По мнению А.В.Шевченко, тартышевцы морфологически близки к абашевцам (1984а. — С.49). К сожалению, проткомментировать межевско-абашевские параллели на археологических источниках пока затруднительно: слишком велик хронологический разрыв между абашевскими и черкаскульско-межевскими древностями, и пока не намечается соединяющей их цепочки, если это не срубное население Приуралья.

Антропология черкаскульского населения представлена черепами из могильников Березки Vг и Перевозный I. По заключению А.В.Шевченко, это население почти тождественно населению из I Красногорского могильника, относимого нами к межевской культуре (Шевченко А.В. — 1984а. — С.47; Обыденнов М.Ф. — 1981а, 1985), что лишний раз подчеркивает как генетическую, так и в плане физического облика населения преемственность черкаскульской и межевской культур восточных и западных склонов Урала. Физический тип населения межевской культуры Приуралья охарактеризован на 10 черепах из Красногорского I могильника (Шевченко А.В. — 1976, 1977). Черепа межевцев низкие, массивные, крупные, брахикранные. Широкое и высокое плоскостатое лицо сочетается с сильно выступающим носом и очень высокими носовыми костями. Краниологический тип красногорцев является морфологическим аналогом южно-сибирской расы на раннем этапе (Шевченко А.В. — 1977. — С.36; 1980. — С.176). А.В.Шевченко (1980. — С.179) установил расовую неоднородность межевского (его он именует черкаскульским, по схеме К.В.Сальникова) населения, полагая, что с каждой из керамических традиций могут быть связаны особые краниологические типы. Наряду с европеоидными группами (тартышевская), в нем представлены группы, морфологически промежуточные между европеоидами и монголоидами (красногорская). Исследователь склоняется к мысли, что сходство красногорцев и карасукцев, прослеживаемое на антропологических материалах, объясняется общностью происхождения межевских, ирменских и карасукских племен, а морфологические различия между ними возникли в результате метисации с

пами местного населения, возможно, протоуральского антропологического типа.

Более полные данные были получены на основе одонтологического, краниологического и остеологического анализа 10 скелетов из могильника Такталачук, выполненных Н.М.Рудь (1978, 1981). В мужской и женской серии ею отчетливо выделены два антропологических типа. Такталачуки были более грацильны и низкорослы, чем представители средиземноморского типа. Рост мужчин составлял 161–163 см, женщин – 154 см. Возраст мужской группы погребенных в Такталачуке зрелый, в среднем около 43 лет, возраст женщин – 25–40 лет. Мужские черепа характеризуются высоким сводом, широким лбом. Орбиты низкие, но довольно широкие, высота носа большая.

Давая одонтологическую характеристику населению могильника Такталачук, Н.М.Рудь из 14 черепов выделила лишь на одном связываемый с азовскими типами «восточный» зубной комплекс, на других же одонтологическая картина указывает «на европеоидный характер группы, включивший в свой состав какие-то южные элементы» (1978. – С.123).

Н.М.Рудь полагает, что население, захороненное в Такталачукском могильнике, близко населению Красногорского могильника по ряду признаков за исключением широкого носа, более низкого свода черепа и большей восточной примеси у последних. Их объединяют наиболее важные расодиагностические признаки – такие, как степень выступления носовых костей, выпуклость лба, горизонтальная профилировка (1981. – С.90). Она считает возможным участие андроновского типа в формировании населения Такталачука, хотя андроновцы Казахстана отличаются от них резкой профилированностью в горизонтальной плоскости черепа и большим углом выступа носовых костей.

В отличие от Н.М.Рудь, А.В.Шевченко, сравнив черкаскульско-луговско-межовские краниологические серии, указывает на принципиальные отличия такталачукских материалов от черкаскульско-межовских по высоте черепов и сближение их по строению черепной коробки с сериями европеоидов Волго-Камья. «Именно срубный комплекс в процессе биологического смешения с субстратом, подобным Красногорскому, который аналогичен черкаскульскому, мог дать результат, сходный в основных чертах с тем, который являет могильник Такталачук» (Шевченко А.В. – 1984. – С.48).

Антропологи отмечают близость краниологических материалов межовцев (красногорцев) с черепами карасукской культуры Енисея, поздней бронзы Томского Приобья (еловскими и ирменскими) (Шевченко А.В. – 1980. – С.181; Рыкушина Г.В. – 1979. – С.9; Дремов В.А. – 1981. – С.17–18). Г.В.Рыкушина полагает возможным сближать красногорцев также с андроновцами (федоровцами) Минусинской котловины (1979. – С.9).

В целом же антропологи пришли к выводу об антропологическом сходстве населения карасукской, ирменской, еловской, черкаскульской, луговской и межовской культур. Они объясняют это сходство близостью об-

щего порядка, возникшей в результате сходства основных расообразовательных процессов, имевших в разных районах различные конкретные проявления (Дремов В.А. – 1981. – С.18).

Н.Л.Членова, привлекая данные сходства черкаскульцев и карасукцев считала возможным проникновение последних в Восточную Европу (1981 – С.27, 29). А.В.Шевченко же специально подчеркивал, что эту близость «не следует рассматривать как утверждение о существовании прямой генетической связи между черкаскульцами (а также и межовцами – М.О.), с одной стороны, и карасукцами или ирменцами, с другой» (1977. – С.37; 1980. – С.181).

Таким образом, антропологические данные подтверждают археологический тезис об участии андроновского и срубного компонентов в сложении луговской культуры (Такталачук), население которой вошло, в свою очередь, компонентом при формировании физического типа межовцев Приуралья. На Урале и в Южном Прикамье, в Западной и Южной Сибири, андроновский компонент послужил одним из ведущих слагаемых в сложении культур позднего периода бронзового века, что явилось основой большой близости физического типа населения и матеральной культуры Приобья, карасукцев Минусинской котловины, черкаскульского и межовского населения Урала и Прикамья.

Антропологи не усматривают близости физического типа черепов из могильников черкаскульцев и межовцев (красногорцев) с типом срубной культуры (Шевченко А.В. – 1980; Рудь Н.М. – 1981. – С.92). В то же время западные балымско-приказанские и маклашеевские могильники (Рождественский, Маклашеевский II и др.) характеризуются европеоидным типом, весьма близким типу населения срубной культуры (Акимова М.С. – 1962. С.234–235; Алексеев В.П. – 1969. – С.145–146).

Исходя из этого есть основание полагать участие различных компонентов в формировании населения Волго-Камья и Урала. Балымско-приказанская культура сложилась на основе европеоидного срубного типа при отсутствии восточного смешанного европеоидно-монголоидного андроновского типа, который сыграл решающую роль в формировании луговской культуры. Учитывая окраинное положение на границах степного андроновско-срубного мира, можно понять значительную нивелировку матеральной культуры балымско-приказанского и луговского населения.

Антропологические материалы подкрепляют тезис угорской принадлежности черкаскульско-межовцев. По заключению А.В.Шевченко, суммарная выборка черкаскульско-межовских мужских черепов специфически сходна с серией мужских черепов венгров X в. нашей эры, времени Арпада, а «при учете эпохальной изменчивости это сходство еще более возрастает» (1984. – С.49).

7.1. Некоторые общие замечания по этногенезу финно-угорских народов

Весьма сложным является вопрос этнической интерпретации населения Урала и Прикамья в эпоху поздней бронзы. Очевидно, нельзя прямолинейно отождествлять археологические культуры первобытного общества с определенными этническими образованиями и связывать их с современными этносами (Арутюнов С.А., Хазанов А.М. – 1979б). К решению вопроса этнической интерпретации следует подходить с большой осторожностью, осознавая, что здесь остается еще много гипотетичного. В частности, В.Ф.Генинг, активно занимавшийся этногенетическими построениями, отмечал, что этническое развитие представляет собой сложный процесс и ни в одной из этногенетических линий нельзя усмотреть прямой генетической связи между средневековыми народностями и этносами раннего железа (1988. – С.225).

Вероятно, оправдан подход тех исследователей, которые ищут в древности не прямых предков современных народов, а элементы или этнокультурные группы, принявшие участие с различным удельным весом (причем, может быть, независимо от антропологических показателей) в формировании предков современных народов, которые возникали из различных групп населения.

Учитывая, что у лингвистов и антропологов самостоятельные предметы исследования, и что они часто опираются на выводы археологов, следует основное внимание уделить вопросам культурно-генетического процесса, по возможности используя его для этногенетических построений.

Как известно, археологические культуры древности нельзя прямолинейно отождествлять с современными этносами, т.к. АК представляет собой лишь совокупность некоторых компонентов данной локальной культуры, при этом даже эти компоненты представлены в неполном, фрагментарном виде (Арутюнов Р.А., Хазанов А.М. – 1979. – С.80).

Этнос – конкретная форма существования отдельной человеческой общности как автономного социального организма (Генинг В.Ф. – 1983. – С.8). В то же время ученые часто указывают на этническое самосознание как на ведущий признак этноса. «Этническое самосознание представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность» (Чебоксаров Н.Н. – 1967. – С.99). Другими важными этническими показателями считаются язык и совокупность черт культуры.

Этническая функция культуры отражает специфику каждого этноса как самостоятельной отдельной общности, в которой различные элементы культуры подвергаются этнической интеграции внутри общности и этнической дифференциации между разными общностями (Генинг В.Ф. – 1976. – С.18). Археологические источники, по мнению многих авторов, позволяют выявить своеобразие, всеобщность и повторяемость этнообразующих элемен-

тов культуры. Как известно, этнические процессы детерминированы социально-экономическими, демографическими и экологическими факторами.

Этнографы подчеркивают, что в древности этносы были менее дискретны, чем в современности, менее четко отгорожены друг от друга, и самосознание, отражающее их единство, выступало не столько как специфически этническое, сколько слитно и неразделимо с осознанием других характеристик данной группы – социальных, кровнородственных, религиозных, хозяйственных, языковых и т.д. (Арутюнов С.А., Хазанов А.М. 1979б. – С.82). По мнению В.Ф.Генинга (1970. – С.96–97), и Ю.В.Бромлей (1983. – С.267), на первой стадии распада первобытного общества появляется представление об общности, выходящей за рамки племени, а процесс этнической консолидации сопровождается распространением единого имени для каждой этнической общности. Эти совокупности, по Ю.В.Бромлею, обладают самосознанием и языковым родством.

Исходным населением Предуралья и лесного Прикамья, фиксируемым письменными источниками, являюся пермские народы: коми-пермяки, коми-зыряне и удмурты. Восточнее них проживали угры-манси и ханты. Манси до XVI в. жили на Урале, в Предуралье и Зауралье. южная граница их расселения проходила по р. Белой (Соколова З.П. – 1982. – С.9), хотя угорская топонимика фиксируется и южнее этой границы (Хисамитдинова Ф.Г. 1988). Даже в позднее средневековье (с XVI в.) угорское население, по мнению З.П.Соколовой, не имело четкого этнического характера (1982. – С.23), постоянно передвигалось с тенденцией движения на север и восток (там же. – С.44). Установлено, что таежные обские угры распались на хантов и манси во второй половине II тысячелетия н.э., т.е. в XV–XVI вв. до времени прихода русских у них существовали территориальные и этнографические группы (1975. – С.208–209).

В этногенетических исследованиях современные авторы разделяют период этнической истории сложившегося народа и период этногенеза. Этногенез является комплексной проблемой, лежащей на стыке ряда наук – археологии, этнологии, языкознания и др. Рассматривая этногенез конкретных народов, различают физических, языковых и этнических предков. Если поиски физических предков уводят за пределы существования человека современного вида, языковые предки могли оформиться не раньше мезолита и неолита, то этнические предки – это те этнические группы, которые вошли в состав нового этноса и перестали существовать на данной территории (Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. – 1978. – С.6–7). Завершается процесс этногенеза в момент появления у участвующего в этом процессе населения отчетливого этнического самосознания, внешним проявлением которого становится общее самосознание (Бромлей Ю.В. – 1983. – С.281).

Работами лингвистов было показано, что из единого урало-алтайского этноса (языков) выделился уральский, из него – самодийский и финно-угорский; последний разделился на угорский и пермско-финский, а за-

тем произошло отделение пермского языка от финского, на основе которых формировались современные народы. Целый ряд археологов воспринял эту схему, и были разработаны культурно-генетические цепочки, позволяющие на археологическом материале проследить истоки современных народностей (Б.Н.Сетеля, А.М.Тальгрэн, Б.Н.Чернецов, А.Х.Халиков, В.Ф.Генинг, М.Ф.Косарев и др.).

Полагают, что древнейшая урало-алтайская этнолингвистическая общность, потомками которой являются упомянутые раньше современные народы, так же, как и индоевропейская, начинает формироваться в позднем палеолите (Генинг В.Ф. – 1983. – С.9; Халиков А.К. – 1991. – С.14–15).

Для конца палеолита можно предполагать самостоятельное развитие уральских и алтайских языков, и в течение всего мезолита языковая общность сохраняется (Халиков А.Х. – 1991. – С.16).

По мнению языковедов, финско-угорское единство сохраняется до начала эпохи раннего металла, т.е. до времени проникновения земледелия, скотоводства и металлургии меди. Если неолитические культуры Волго-Уралья рассматривают как единую финно-угорскую общность, то в носителях волосовско-гаринской керамики исследователи видят носителей общешинского (финно-пермского) этноса, обосновывая это материалами языкознания (Халиков А.Х. – 1991. – С.21–27).

А.Х.Халиков и В.С.Патрушев ретроспективно связывают исторических марийцев с ахмыловской культурой раннего железного века, истоки которой через приказанцев уходят в волосово и местный неолит (Халиков А.Х. – 1983. – С.17; Патрушев В.С. – 1990а). Если этногенетические построения этих авторов верны, то мы бы имели уникальный случай автохтонного формирования и спокойного развития этноса от каменного века до средневековья. На близкой позиции находится К.И.Козлова (1978. – С.34–36), которая, отмечая значительные перемещения и смещения родственных групп населения, предлагает искать прапермян и прамарийцев в среде «предананьинского населения с чертами поздней приказанской культуры».

По-иному решается этногенез восточно-пермских народов. Р.Д.Голдина полагает, что в этнической истории удмуртского народа выделяется несколько локальных районов, каждый из которых имел свою историческую судьбу, свои исторические особенности этногенеза (1987. – С.32).

По мнению ряда археологов, разделение пермских финнов произошло во второй половине I тысячелетия до н.э. в результате распада ананьинской общности, выделения пьяноборской и гляденовской культур (праудмурты и пракоми). А.Х.Халиков же полагает, что ананьинская общность составляла основу не только пермских, но и всех восточных финнов, в том числе и прамарийцев (Халиков А.Х. – 1970; 1983. – С.18; 1991. – С.77). В.Ф.Генинг (1988. – С.220) стоит на иных позициях, считая, что ананьинская АК была уже не общепермской, а лишь камско-пермской общностью.

Обособление прапермской общности от восточно-пермской одни исследователи относят к эпохе раннего железного века, другие, в частности

Р.Д.Голдина, – к середине II тысячелетия до н.э., когда фиксируется ряд близких, по ее мнению, культур: приказанская, ерзовская, луговская, лебязская, курмантау, которые она связывает с прапермяками (1987. – С.6–8). В более позднее время с прапермяками она связывает ананьинскую общность, а с волжскими финнами – городецко-дьяковскую. Она не сомневается в том, что ананьинская культура складывается на «местной прапермской основе», но со своими особенностями, обусловленными контактами с соседями и внутренними миграциями (1987. – С.10). Любопытно, что в этническом отношении Р.Д.Голдина объединяет культуры приказанской общности (курмантау, луговскую и др.) с лебязской, генезис которой до настоящего времени не ясен, хотя часть исследователей предполагает ее местное для европейского северо-востока происхождение (Савельева Э.А. – 1984. – С.30–31). В.С.Стоколос же считает, что для утверждения о местном происхождении лебязской культуры очень мало доказательств (1988. – С.154, 196), но в то же время отчетливо фиксируется зауральское влияние, принесенное из ареала гамаунской культуры (Стоколос В.С., Королев К.С. – 1984. – С.26).

О.Н.Бадер полагал, что камская протоананьинская и ананьинская культуры принадлежали пермским финнам, а культура с «текстильной керамикой», включая дьяковскую культуру, – древним волжским финнам (1970. – С.79). Западнее, на правобережье Днепра, локализовались праславяне и прабалты (Археология УССР. – Т.1. – 1985. – С.361).

Итак, мы видим, что ананьинская общность является основной границей отсчета этногенетических построений исследователей, полагающих ее однокомпонентной (А.Х.Халиков) или многокомпонентной (В.Ф.Генинг) состав. В.Н.Марков (1988. – С.16) указывает на многокомпонентность ананьинской общности, подтверждая это результатами анализа керамики, сокращением изделий из железа, антропологическими и другими данными. Появление монголоидных черепов, а также керамики со сложнорисунковой орнаментацией в VI в. до н.э., которая впоследствии характеризует ананьинскую КИО, по мнению В.Н.Маркова, типично для населения, пришедшего из Северного Приуралья и связанного с лебязской культурой.

Следовательно, связывать напрямую маклашеевский и раннеананьинские пласты памятников с позднеананьинскими (со сложнорисунковой керамикой) и культурами пьяноборской эпохи – чегандинской, кара-абызской, гляденовской и осиновской – нельзя (В.Ф.Генинг., А.Х.Халиков и др.). К тому же, по мнению В.А.Иванова, генезис кара-абызской культуры также не связан с ананьинской культурой бельского варианта (Збруева А.В., Сальников К.В., Халиков А.Х. и др.).

Таким образом, уже в начале эпохи железа ретроспективная цепочка этнокультурных построений прерывается, и культуры эпохи бронзы Южного Прикамья не могли быть основным ядром восточно-финской группы населения. Вероятно, они являлись лишь одним из компонентов, а основное ядро нужно искать в культурах глубинных районов лесостепной зоны (лебязская и др.).

Тогда какие же компоненты составляли основу этносов поздней бронзы восточного Прикамья и Урала? Если принять предложенную З.П.Соколовой гипотезу и отождествлять «угров» второй половины II тысячелетия до н.э. с черкаскульцами, то в этническом содержании луговской культуры также будет усматриваться угорский компонент (как результат взаимодействия черкаскульского, андроновского и срубного населения). Возможно, и сходство финно-пермских и угорских народов объясняется многокомпонентностью этих групп, что прослеживается в эпохи железа и средневековья. Основой этногенетических процессов в эпоху бронзы, отмечают археологи, были объединения и ассимиляции, а также обменные связи (Археология УССР. – Т.1. – 1985. – С.360).

Ю.В.Бромлей считал, что «взаимодействие этносов разного хозяйственно-культурного типа, прежде всего земледельцев и скотоводов, с одной стороны, и охотников и собирателей, с другой», является характернейшей чертой этнических процессов в этот период (1983. – С.273).

По мнению С.А.Арутюнова (1982. – С.79), поддержанному Ю.В.Бромлеем (1983. – С.273), чем выше в экономике данного этноса развиты черты производящего хозяйства по сравнению с присваивающим, тем выше способность этой общности к ассимиляции других, что объясняет «неожиданный» расцвет культур луговской общности в южно-лесной зоне Прикамья на основе взаимодействия пришлых скотоводов и местного населения, не практиковавшего широко производящих отраслей экономики.

Полагают, что ядром контактов носителей северо-иранского этноса с финно-уграми были Урал и Южное Прикамье (Археология УССР. – Т.1. – 1981. – С.112), причем эпоха поздней бронзы является последним и заключительным периодом мирных контактов, тогда как в раннем железном веке контакты и межэтнические связи интенсифицируются, но их мирный характер заканчивается в связи со сложением военно-демократического строя и широкого распространения в регионе специализированного вооружения и оборонительных систем.

Вероятно, можно согласиться с А.Х.Халиковым (1991. – С.29) в том, что основная часть индоиранских лексических заимствований, которые наблюдают языковеды почти у всех финно-угорских народов Евразии, проникла в эпоху поздней бронзы благодаря контактам срубных и андроновских племен с населением южно-лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири.

7.2. К вопросу об угорском этно-культурогенезе

Вопросы разработки угорского этногенеза до последнего времени нельзя считать окончательно решенными. Учитывая неполный свод источников по археологии, лингвистике, антропологии, фольклору и др., некоторые исследователи еще недавно считали преждевременной создание теории происхождения древнеугорских племен (Матвеев К.А. – 1968. – С.136).

К настоящему времени сложилось довольно стройное представление по этногенезу угорских народов. Помимо данных языковедов, в работах В.Н.Чернецова, М.Ф.Косарева, В.И.Мошинской, К.В.Сальникова, З.П.Солововой, В.И.Молодина, П.Вереш, В.А.Могильникова, Л.Н.Коряковой прослеживается развитие культуры населения Западно-Сибирской лесостепи, начала раннего железа, от саргатской культуры до исторических угров, мадьяр. В частности, В.А.Могильников, отмечая, что вряд ли возможно среди современных этносов найти прямых потомков населения саргатской культуры, выделяет три компонента в дальнейшем развитии этой культуры. Один из них вошел в состав южной группы хантов; второй – в состав башкирской культуры рубежа и начала II тысячелетия до н.э.; третий компонент прослеживается в составе кушнареновского и кара-якуповского населения в Южном Приуралье и связан с венгерским этногенезом (1988. – С.21). Связь кушнарено-караякуповцев с венгерским этногенезом постулируется почти всеми исследователями-археологами; исключение составляет, пожалуй, только точка зрения Н.А.Мажитова, который пытается связать караякуповцев с древними башкирами.

П.Вереш на основании преимущественно лингвистических источников (1979; 1979б) разработал гипотезу венгерского этногенеза. По его представлениям, угорская этнолингвистическая общность после тысячелетнего существования распалась к началу позднего бронзового века в результате сложных экономических и культурных процессов. Из нее постепенно выделились северные угры, смешавшиеся с уральцами в Приобье и давшие новый этнос – обских угров, и протовенгры, оставшиеся в лесостепной зоне. Частично с древними уграми второй половины II тысячелетия до н.э. П.Вереш связывает андронидный археологический комплекс (1979б. – С.183), видя его в андроновской или федоровской культуре. Хорошо известно, что андронидный археологический комплекс, имеющий глубокие уральские корни, представлен в Зауралье черкаскульской и следующей за ней межовской культурой (Косарев М.Ф. – 1981). Андроновско-федоровская культура, рядом авторов признаваемая как протоугорская (В.Н.Чернецов и др.), рассматривается Е.Е.Кузьминой как составная часть андроновской общности с индоиранской атрибуцией (1988а. – С.29–30; 1988б. – С.95–97).

Учитывая, что в западносибирской лесостепной саргатской культуре усматривают ядро мадьярского этноса (В.А.Могильников, Л.Н.Корякова и др.) и если в будущем удастся доказать весьма вероятное участие поздних межовцев в формировании саргатцев (Молодин В.И. – 1985. – С.175; Полосмак Н.В. – 1987. – С.93), то многие неувязки культурно-этногенетических построений снимаются. В таком случае будет возможным рассматривать черкаскульскую культуру в какой-то степени праугорской, и мы сможем увязать хорошо аргументированные построения Е.Е.Кузьминой об ирано-язычности федоровцев, что, очевидно, подтверждается широким распространением федоровских памятников в Средней Азии, где угорских топонимов нет, как нет и древних свидетельств пребывания там угров. Близость

глиняной посуды и орнаментального комплекса черкаскульцев и федоровцев должна быть объяснена, помимо этнического тождества, другими причинами, возможно, какой-то общей культурной подосновой. Пока же генетическая федоровской посуды неясна (Кузьмина Е.Е. – 1988а. – С.15).

Поразительно схожую картину, выявленную нами по археологическим материалам, рисует З.П.Соколова на основании лингвистических, фольклорных и этнографических источников. Критически разбирая построения Т.Вереш, она полагает, что в середине-конце II тысячелетия до н.э. угорские племена, которые она тоже отождествляет с андроновцами, стали расселяться из мест своего первоначального обитания: одна часть двинулась на север, в таежную часть Западной Сибири (угры-сапыры), другая – на Южный Урал и в Приуралье. Эта вторая волна слилась с аборигенным населением, составив вместе с ним предков манси и венгров. Возможно, у них было самоназвание угор или матар-мадьяр. Расселяясь по Южному Уралу и Приуралью, они, вероятно, продвинулись в междуречье рек Белой и Уфы (1979. – С.57; 1987. – С.129).

Угры, пришедшие на Южный Урал и в Приуралье, по З.П.Соколовой, слились с местным, уральским по происхождению населением, но, в отличие от северной группы угров, на меньшей территории и с меньшей по численности группой. В результате этого смешения, утверждает З.П.Соколова, сформировались предки венгров и манси (1979. – С.57). Вслед за Т.Вереш и другими авторами она связывает угорские племена с андроновцами, что вряд ли правомерно. Есть больше оснований связывать их не с андроновской культурой, а с наиболее западной, локализованной в основном в южнотаежном и лесостепном Зауралье черкаскульской и генетически ее продолжающей, но уже занимающей большую территорию межовской культурой.

Изучение процесса миграции в древности показывает, что мигранты в основном направлялись в те районы, где для их традиционного хозяйства имелись благоприятные условия. По мнению К.А.Матвеева, к югу от зоны южно-пермской и западно- и южно-мансийской субстратной топонимики, южнее линии Кунгур – Екатеринбург – Тюмень, включая лесную Башкирию, т.е. в южнолесной зоне Урала и Зауралья, проходит широкая полоса топонимии с древним финно-угорским субстратом. Причем ее наиболее распространенную часть (гидроним юг – река и др.) К.А.Матвеев склонен рассматривать недифференцированно, как финно-угорскую. Он полагает, что эти названия могут восходить к существующим впоследствии финно-угорским языкам (1985. – С.69–71).

Многие авторы, занимающиеся изучением черкаскульских памятников, читают их угорскими в своей основе (Сальников К.В. – 1967. – С.373–374; Слободкин Л.П. – 1976. – С.12; Членова Н.Л. – 1979. – С.48; Крутских Н.А., Цорин А.Ф. – 1979. – С.53). В пользу угорской основы этих культур свидетельствует в первую очередь ареал их распространения, автохтонность, орнаментация глиняной посуды.

Хотя можно согласиться с такой постановкой вопроса относительно угорской принадлежности черкаскульских памятников, следует отметить, что уже само черкаскульское население было этнически смешанным и содержало ираноязычный компонент (Хлобыстин Л.П. – 1976. – С.82), который отождествляли с раннеалакульским влиянием. Очевидно, гораздо сложнее был этнический состав межовского населения. Основным компонентом в сложении межовской культуры является черкаскульский. Если отождествлять часть черкаскульского этноса с угорским, распространенным во II тысячелетии до н.э. в Западной Сибири (Соколова З.П. – 1979. – С.57) и тянущим к восточным склонам Урала (Косарев М.Ф. – 1981. – С.93), то он мог сохраниться в составе межовской культуры, с тем чтобы затем возобладавать. Другим компонентом, как нам представляется, служит степной срубно-андроновский, обуславливающий ряд сходных черт как в межовской, так и в других культурах: в западной – луговской, в восточных – бархатовской и ирменской. Ирменская и карасукская культуры содержат один и тот же компонент – андроновский (Матющенко В.И. – 1973. – С.79; Хлобыстин Л.П. – 1963).

Возможно, этот компонент, включенный еще в черкаскульскую культуру и оказавший активное воздействие на сложение межовской культуры, обусловил появление общих черт в культурах на окраинах срубно-андроновского скотоводческо-земледельческого мира (Черных Е.Н. – 1978. – С.72).

Отметим некоторые, как нам кажется, этнические признаки, которые присущи материальной культуре черкаскульских и межовских племен и могут свидетельствовать об угорской принадлежности их создателей. В.Н.Чернецов впервые сопоставил орнаментацию на вещах декоративно-прикладного искусства современных народов Сибири с орнаментом керамики из археологических памятников. Он же попытался проанализировать смысловую сторону угорского орнамента и был склонен рассматривать мотивы, вошедшие в состав обско-угорского орнамента, как изображения тех или иных реально существующих предметов. Такой взгляд был подвергнут критике С.В.Ивановым (1963. – С.84), но и этот исследователь также не отрицает возможности происхождения в далеком прошлом тех или иных геометрических узоров от каких-то реалистических или условно переданных изображений.

Орнамент у обских угров имел четкое смысловое значение. По нему, например, люди из числа манси сразу распознавали происхождение человека и принадлежность вещей той или иной этнической группе.

У обских угров, как отмечают этнографы, типичный обско-угорский ленточный (бордюрный) орнамент был широко распространен на берестяной посуде, одежде и других предметах (Чернецов В.Н. – 1948. – С.140; Иванов В.С. – 1963. – С.52). Думается, что в эпоху бронзы берестяная посуда играла еще более важную роль, чем в современную эпоху. Можно предполагать, что берестяная и глиняная посуда украшалась одним орнаментом (Чернецов В.Н. – 1948. – С.148). В пользу этого предположения

свидетельствует широко распространенная резная техника нанесения узора на глиняных горшках. Сходная техника используется уграми для орнаментации бересты (Иванов С.В. – 1963. – С.72). Упомянуты также и другие способы нанесения орнамента на бересту: накалывание, нанесение узора штампом.

Сопоставление андроновских, в том числе частично и черкаскульских орнаментов, с орнаментом обских угров было проведено В.Н.Чернецовым и С.В.Ивановым (Чернецов В.Н. – 1948. – С.151–152. – Табл.6; Иванов С.В. – 1963. – С.161–162. – Рис.100). Некоторая часть межовских орнаментов сопоставляется со знаками (тамгами) обских угров. Этнографы, изучавшие тамги хантов и манси, считают, что в XVII в. по крайней мере у части родов сохранились родовые знаки, причем личные тамги членов одного рода варьировали незначительно (Чернецов В.Н. – 1947. – С.169; Симченко Ю.Б. – 1965. – С.32–33). Эти же авторы считают наидревнейшими названия рода по имени животного предка, особенно предка женского пола.

Интересно, что наиболее многочисленными у обских хантов были роды Оленя и Бобра. На основе анализа остеологических остатков с поселений эпохи бронзы Урала бобр и олень представляются самыми важными промысловыми животными.

На межовской керамике наиболее типичным является елочный орнамент. У обских угров изображение ели часто встречается среди изображений на тамгах. Знак этот связан с религиозными представлениями и относится к числу сакральных знаков (Чернецов В.Н. – 1947. – С.164; Симченко Ю.Б. – 1965. – С.39, 117–119). Не исключено, что знак ели среди тамг обских угров имеет связь с широко распространенной на межовской керамике елочной орнаментацией. А.Ф.Анисимов указывает, что представления народов Сибири о так называемом шаманском родовом и одновременно мировом дереве связаны со всем циклом легенд шаманского избраннычества (1959. – С.43). Интересно отметить, что у корней лиственницы вогулы и остяки убивали оленей.

На черкаскульской и межовской керамике встречаются фигуры, получившие в литературе название «уточек». Подобные изображения хорошо прослеживаются в орнаментике Урала начиная с неолита. «Уточки» распространены на горбуновских блюдах и на другой межовской керамике Южного Урала. Под «уточками» нередко проводится зигзагообразная линия (Хлобыстин Л.П. – 1976. – С.43. – Рис.17, 1, 6), по мнению некоторых авторов, обозначающая воду (Маслова Г.С. – 1978. – С.163). В этом плане интересно, что знамена современных остяков в виде ломаной линии истолковывались переводчиками как знак «земля». В пользу последнего говорят и соединение знаков «дерево» и «земля» (Симченко Ю.Б. – 1965. – С.85, 165. – Табл.108, 1). Встречаются в межовской орнаментике различные ромбы, которые могут истолковываться как «земля», «твердь»; причем, как указывают исследователи, простой ромб, который прослеживается с палеолита до наших дней, служит символом женского начала (Амброз А.К. –

1965. – С.18). Знак соединения «ели» с «землей» в виде ромба имеется среди знамен остяков Березовского уезда (Симченко Ю.Б. – 1965. – С.104, Табл.57, 10).

Отдаленное сходство с межовскими элементами орнамента имеет тамга в виде трех черт (Симченко Ю.Б. – 1965. – С.41. – Табл.21, 50; С.72, Табл.36, 12), встречающиеся редко. Возможно, полулунные отпечатки на керамике являют собой изображение следов животных – лоса или оленя. В.Н.Чернецов отмечал, что следы, оттиснутые на сосудах, заменяли следы животных. Это естественно для охотников, постоянно наблюдавших следы зверей и птиц на снегу и на мягкой почве. Следы ассоциировались именно самими животными, а оттиски следов заменяли собой животных – тотемных апотропеев.

Среди наскальных изображений на р. Тагил встречаются отдельные фигуры, которые можно сопоставить с рисунками на межовской или чусовской керамике. Это меандры в третьей и четвертой группах изображений Писанного Камня (Чернецов В.Н. – 1964. – Табл.Х, 11), ромбы среди седьмой группы изображений скалы Зенковская, группа ромбов в решетке в третьей группе на той же скале. То же самое можно сказать и в елочках на Зиев-Камне, рядах зигзагов – на скале Зенковская (Чернецов В.Н. – 1964. – Табл.ХХIV, ХХV, ХХVII, ХХVIII).

Как известно, наскальные рисунки в этническом плане трудно интерпретируются, но, вероятнее всего, они оставлены местным угорским населением. Находки керамики межовской культуры имеются только на оз. Б.А.А.лак, на площадке между скальными останцами. Однако здесь же встречаются древности других эпох, а характер наскальных изображений не позволяет проводить прямых параллелей.

Оригинальной находкой на поселениях эпохи поздней бронзы и раннего железа на Урале являются игральные фишки – вюрфели (Рис.34). Насечки, которые имеются на ряде вюрфелей, сопоставляются с насечками на счетной бирке остяков XX века (Симченко Ю.Б. – 1965. – С.119. – Рис.62).

Поразительное сходство в орнаментации отмечено между кочедьком с Жукковского поселения (рис.51, 1) и металлической обкладкой деревянного ритуального меча манси (Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. – 1986. – С.21. – Рис.17).

Индикатором продвижения зауральских групп населения может служить керамика с примесью талька. Характерно, что в Зауралье тальковая керамика выделяется с неолита до средневековья, на других же территориях появляется только эпизодически и в небольших количествах. В эпоху поздней бронзы керамика с тальком встречена на стоянках по рекам Чусовая, Кама, Уфа и Белая. С керамикой распространяются литейные формы из талькового камня и куски талька: их толкли и примешивали в глину сосудов.

З.П.Соколова отметила удивительную особенность этнической стойкости древних угров – предков венгров и манси, – объясняя ее тем, что северо-западная волна угров во II тысячелетии до н.э. растворилась в малочисленной группе населения на территории меньшей, чем территория се-

рной волны угров (предков хантов), ушедших на север Западной Сибири, таким образом, в «приуральских предках венгров и манси сохранилось больше «генов уральского этноса», чем в предках хантов» (1979. – С.57–58).

Данный тезис З.П.Соколовой можно поддержать в том отношении, что протоугры были основным коренным уральским населением (черкаско-уральская культура), испытывавшим влияние степных скотоводов с протоиндоиранской этнической атрибуцией (Е.Е.Кузьмина). Расселившись во второй половине позднего бронзового века по Южному, Среднему Уралу и Приуралью в бассейне р. Белой (межовская культура), древние угры явились общим компонентом, вошедшим в культуру раннего железного века Зауралья (гороховской, иткульской, возможно, гафурийской).

Определенный свет на проблему контактов финно-угорского и индоиранских народов проливают данные лингвистики. До сих пор в языке финно-угров сохранились названия домашних животных, имеющие ираноязычные корни. В.И.Абаев считает, что иранские племена, оставшиеся в Европе, продолжали контактировать с финно-уграми. Эти контакты оставили след в заимствовании из иранского в угро-финские языки таких важных культурных терминов, как названия золота и железа, слов – боров, лось, кабан, рог и др. (Абаев В.И. – 1972. – С.29). Часть этих заимствований (кабан, железо) может относиться ко второй половине эпохи бронзы, к времени существования черкаскоуральских и межовских памятников. На это же указывали Л.П.Хлобыстин (1976. – С.62) и Н.Л.Членова. Последняя отмечает, что часть заимствований из общиндоевропейских языков «вполне отражает особенности хозяйства андроновских и черкаскоуральских племен» (1979. – С.48). Более уверенно об этнокультурном субстрате в позднем бронзовом веке можно судить, проследив преемственность археологических культур от эпохи бронзы до средневековья. В настоящее время археологи более или менее определенно устанавливают этническую принадлежность культур раннего железного века.

А.Ф.Шориным (1988а. – С.23; 1991. – С.30–39) выделено три направления «выхода» межовско-березовцев: в иткульскую, гамаюнскую и гороховскую культуру. Генетическую связь межовцы – гороховцы поддержала Н.П.Матвеева (1991. – С.85–87). Действительно, частичное совпадение ареалов распространения культур в лесном и лесостепном Зауралье, определенное сходство в погребальном обряде позволяют согласиться с таким заключением. Весьма существенно сходство керамических комплексов: наличие круглодонных сосудов, утолщенности основания шейки, намечающийся уступ на месте перехода шейки в тулово, орнаментация в виде горизонтальных елочек, зигзагов (Шорин А.Ф. – 1991. – С.33; Матвеева Н.П. – 1991. – С.85).

Дополнительным аргументом в пользу данной линии преемственности являются материалы северо-восточной Башкирии, в частности поселения Юкаликулево и гороховских памятников этого района. На Юкаликулевском поселении имеется небольшое число сосудов, сопоставимых с горо-

ховскими; рядом с этим поселением расположено Новомухаметовское р. рождение раннежелезного века и Нижне-Ибраевское межовское поселение на которых собрана гороховская керамика (Обыденнов М.Ф. – 1991в. С.88–89) с резным елочным орнаментом. В северо-восточной Башкирии где расположено Юкаликулевское поселение, известно около 20 гороховских памятников – 4 городища, 13 селищ и один могильник. Причем на те же территории имеются гамаюнские (13) и иткульские (6) памятники (Обыденнов М.Ф. – 1991в. С.82–91). Учитывая относительно ранний возраст гамаюнских и иткульских комплексов, можно полагать, что это население также приняло участие в формировании уральского гороховского населения.

Предложенная Н.П.Матвеевой (1991) этногенетическая линия преемственности межовцы – гороховцы – древние мадьяры является вполне приемлемой, но здесь необходима более обоснованная аргументация мадьяр венгерского родства гороховцев или хотя бы родства части потомков гороховцев с культурой приуральских угров, которая этнически атрибутируется относительно уверенно (Иванов В.А. – 1990а. – С.32–34). В принципе же угорская принадлежность гороховцев не вызывает возражений (Чернецов В.Н. – 1953; Сальников К.В. – 1956; Матвеева Н.П. – 1987а).

В настоящее время высказано несколько гипотез происхождения саргатской культуры, детальный анализ которых дан В.А.Могильниковым (1989. – С.72–73). В итоге он отмечает три основных компонента в генезисе саргатской культуры – лесной сузгунский, западно-барабинский ирменский, а основой послужила саргаринская культура (1989. – С.72–73).

Несколько раньше В.И.Молодин предложил считать саргатцев потомками зауральских межовцев (1985. – С.175). А.В.Матвеев в свою очередь доказывает, что прародиной саргатцев была Западно-Барабинская лесостепь, где они сформировались в VIII–VII вв. до н.э. на позднеирменской основе (1988. – С.62).

Существует и другая точка зрения на дальнейший генезис ирменской культуры; В.И.Молодин, Н.Л.Членова и др. считают, что на ее основе складывается большереченская культура (Молодин В.И. – 1985. – С.174; Членова Н.Л. – 1990а. – С.27). Правда, В.А.Могильников (1989. – С.65–66) реконструирует более сложную картину формирования большереченцев – не менее четырех компонентов, среди которых присутствует и ирменский.

Импонирует точка зрения Н.В.Полосьмак, полагающей, что саргатская культура формировалась на широкой территории в результате взаимодействия ирменской и саргаринской общностей эпохи поздней бронзы (1987. – С.93); а в лесостепном Притобье на базе бархатовской культуры складывается байтовская культура раннего железа (Матвеева Н.П. 1989. – С.98; Могильников В.А. – 1989. – С.73).

Хотя угорская концепция саргатской культуры наиболее обоснована (В.Н.Чернецов, В.И.Мошинская, К.В.Сальников, В.А.Могильников, П.В.

реш, З.П.Соколова, Л.Н.Корякова), имели место и другие точки зрения: ираноязычности (П.А.Дмитриев) и «самодийская» (В.И.Васильев).

Угорская принадлежность саргатской культуры подтверждается также принадлежностью ее древним мадьярам. Отрыв древних венгров от основного угорского ядра и передвижение их в Волго-Уральский район увязываются с прекращением существования саргатской культуры к IV в. н.э. (Могильников В.А. – 1983. – С.38).

Учитывая, что гороховская и саргатская культуры входят, по мнению ряда авторов, в одну культурно-историческую общность с угорской (протоугорской) идентификацией, ту же этническую атрибуцию мы должны перенести и на межовско-бархатовскую общность позднего бронзового века и считать носителей ее уграми (прауграми).

Традиции межовско-бархатовской общности на рубеже I и II тысячелетий до н.э. в период межовско-ирменского хронологического пласта, в этническом отношении относящейся к угорской общности, то затухали, то расцветали, сохраняясь длительное время. В частности, сохраняются основные традиции погребального обряда – трупоположение на спине, следы кострищ, бревенчатая обкладка в один венец, как в Козловском могильнике, который относят к сформировавшемуся угорскому этническому массиву (Могильников В.А. – 1988. – С.25–26). Поразительно сходство елочной орнаментации межовско-березовской посуды с кара-якуповской, а также с посудой сылвенской культуры, которую исследователи относят к разным частям угорского этноса эпохи средневековья. Эти сходства, а также целый ряд других сходных элементов, разделенных полутора тысячелетиями, наводят на мысль о незатухающем процессе этнического самосознания и систематическом возрождении древних традиций, особенно в условиях оторванности от основного ядра этноса.

Как выше отмечалось, межовская культура послужила основой сложения иткульской культуры восточных склонов Урала. В то же время известно, что история иткульцев тесно связана с гамаюнской культурой. М.Ф.Косарев полагал, что появление гамаюнов с кресто-струйчатой орнаментацией привело к смещению части черкаскульско-межовского населения к югу, в сторону степей, но не прервало местную черкаскульско-межовскую линию развития, т.к. сложившаяся на ее основе иткульская культура «не содержит в своих орнаментах ничего от кресто-струйчатого орнаментального комплекса» (1985. – С.11). Несколькими по-иному решает этот вопрос В.А.Борзунов. По его мнению, наоборот, гамаюнское влияние, носившее немирный характер, было очень сильно в период становления иткульской культуры, и в итоге произошла ассимиляция вторых, но гамаюнов восприняли на новой территории новые формы хозяйства – скотоводство и обработку железа (1984. – С.14). Как известно, один из типов иткульской керамики близок гамаюнской посуде и считается старше (Бельтикова Г.В. – 1977. – С.125). Поэтому правомерно рассматривать иткульскую культуру

как двухкомпонентную, сложившуюся на местной позднемежовской основе при решающем участии гамаюнского субстрата.

В.А. Могильников связывает иткульскую, входившую в иткульско-воробьевский культурно-этнический тип, и усть-полуйскую культуру с лесными уграми. Восточной границей угорского расселения в эпоху раннего железа была кулайская культура, носителей которой рассматривают как угро-самодийцев или самодийцев (Косарев М.Ф. – 1991. – С.21).

Таким образом, уже в начале раннего железного века прослеживаемыми в перспективе культурно-генетическая цепочка постоянно утончается, и в дальнейшем мы все более и более отдаляемся от основного ядра обществ, но в итоге приходим к основам формирования исторически зафиксированных средневековых этносов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Урал, занимая срединную часть Евразийского континента, с древнейших времен соединял азиатские и европейские культурные традиции, стимулируя синтезирование новых этнокультурных образований. Невысокие Уральские горы тысячелетиями служили объединяющим стержнем для финно-угороязычных народов и, будучи открытыми со стороны южно-уральских степей, создавали уникальные возможности для местного населения впитывать прогрессивные элементы культуры, распространявшиеся по Великому Поясу степей Евразии из очагов древних цивилизаций.

Выдающиеся запасы сырья (камня и руд), благоприятные условия для присваивающих и производящих форм экономики, развитая речная система, соединяющая зоны лесов и степей, способствовали развитию экономических, этнокультурных и политических контактов уральского населения как с племенами южно-таежной и лесной зон Западной Сибири и Поволжья, так и со степным населением Центрального Казахстана, Приаралья и Северного Причерноморья.

Северная полоса лесостепи и южная кромка лесной зоны в эпоху бронзы оказываются в очень удачном положении, являясь зоной контактов производящего и присваивающего хозяйства, позволяя по своим природно-климатическим факторам эффективно использовать собирательство. В этой зоне в ПБВ успешно развивается бронзолитейное производство, создаются предпосылки для формирования ярких культурных образований раннего железного века. Впоследствии именно здесь складывается раннефеодальное государство Волжская Булгария.

Целый ряд факторов способствовал формированию и развитию своеобразных и самобытных археологических культур ПБВ: на Урале – черкаскульской (XV–XII вв. до н.э.) и межовской (XII–VII вв. до н.э.), в Прикамье – луговской (XIV–XI вв. до н.э.) и маклашеевской (XI–VII вв. до н.э.). В развитии первых двух культур прослеживаются ранние и поздние черты, позволяющие выделять по два этапа в каждом. Маклашеевская культура

знаменующая переходный период от бронзового к железному веку в Прикамье, пока не поддается хронологическому членению. Каждая из рассмотренных археологических культур охватывает³ значительный территориальный ареал и распадается на ряд локальных вариантов. Наиболее удобна в этом отношении маклашеевская культура, в составе которой просматриваются пять локальных вариантов: кокшайский, маклашеевский, быргындинский, курмантауский и ерзовский.

В сложении археологических культур проявился целый комплекс факторов – природно-экологических, экономических и социально-исторических. Решающим фактором для населения лесной зоны явилось мощное непосредственное воздействие племен с производящей пастушеско-скотоводческой экономикой – племен андроновско-федоровской культуры. Это привело в конечном счете к окончательному оформлению черкаскульского и луговского комплексов. Миграция населения срубной и андроновской культур к границам лесостепной зоны в середине II тысячелетия до н.э. и формирование в этой зоне культуры степных и лесостепных древнеиндоиранских племен с местной спецификой привели к глубоким изменениям в лесной полосе срединной Евразии – на Урале и в Прикамье.

Судя по керамическим комплексам, вся совокупность типов культурных групп в Прикамье, на Урале и в Западной Сибири в конце бронзового века образует одну культурную провинцию, включающую ряд культур – луговскую на ее позднем этапе в Прикамье, межовскую на Урале, бархатовскую в лесостепи Тоболо-Иртышья. Вместе с ирменской культурой Западной Сибири они составили межовско-ирменский хронологический горизонт культур поздней бронзы.

Упрочение производящего хозяйства в лесостепной и южно-лесной зоне в форме комплексной, многоотраслевой экономики привело к возрастанию ее продуктивности, способствовало укрупнению скотоводческо-земледельческих общин; вело к последующей специализации древних уральских коллективов в области скотоводства, земледелия и металлургии; возникновению ранних форм ремесленной специализации; налаживанию регулярного обмена; накоплению богатств в виде скота и металлических изделий и зарождению социальной дифференциации общества. Сделав самые первые шаги в южно-лесной зоне Прикамья и Урала, этот процесс затянулся на многие тысячелетия и форсировался в дальнейшем при воздействии внешних факторов.

Причины объединения, консолидации, а затем дробления археологических культур были прослежены для железного века Прикамья В.Ф.Генингом (1970. – С.180; 1988. – С.220). Близкая картина прослеживается и в эпоху поздней бронзы в Прикамье (деление на локальные варианты луговской, а затем маклашеевской общностей, сложение луговско-межовского единства). Причину этой ситуации раскрывает, как нам кажется, высказывание С.А.Арутюнова относительно причин этнических процессов в первобытном обществе. Он пишет: «Постоянная демографическая экспансия

земледельческих общин в начальном периоде их формирования сопровождается процессами вовлечения в свою орбиту, втяжения, присоединения мелких соседних коллективов. Происходит интеграция мелких соседних коллективов, слияние их в более крупные единства, что сопровождается укрупнением, снижением дробности диалектов, гомогенизацией культуры и языка. Такой рост продолжается до тех пор, пока не будет достигнут уровень... максимальной хозяйственной функции. Значительное превышение этого уровня ведет уже вновь к дифференциации и почкованию общин с последующим образованием у отпочковавшихся общин своих специфических диалектов, культурных и языковых особенностей» (1982. – С.72).

Интенсивные связи с инокультурным населением, говорящим на индоиранских языках, во многом предопределили то обстоятельство, что древнее уральское население, являвшееся предками современных угорских народов, было тем передаточным звеном, посредством которого в среду древних угров проникали новые элементы материальной и духовной культуры, выработанные в ираноязычной среде. Часть этих элементов до сих пор сохраняется в культуре современных угров.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамашвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тбилиси, 1962.
- Аванесова Н.А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы//Материалы по археологии Узбекистана//Тр. СГУ. №270. – Самарканд, 1975 а. – С. 34–66.
- Аванесова Н.А. Серьги и височные подвески андроновской культуры //Первобытная археология Сибири. – Л., 1975 б. – С. 67–73.
- Аванесова Н.А. К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива//Тр. СГУ. №348. – Самарканд, 1978. – С. 21–62.
- Аванесова Н.А. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1979.
- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. – Ташкент: ФАН, 1991.
- Авдусин Д.А. Археология СССР. – М.: ВШ, 1977.
- Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. – М., 1967.
- Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1990 а.
- Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевске и Заволжье//Очерки истории и культуры Поволжья//Тр. САЭ. Вып.2. – Куйбышев: КГУ, 1976. – С. 113–135.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ средневолжской археологической экспедиции)//Культура бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев: ИГПИ, 1983. – С. 6–58.
- Агапов С.А., Иванов А.Ю. Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья//Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: КГПИ, 1978. – С.49–51.
- Акимова М.С. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья//ВАУ. №1. – Свердловск, 1961. – С. 121–129.
- Акимова М.С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника//Бадер О.Н. Балановский могильник. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 322–362.
- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968.
- Акимова М.С. Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху раннего железа//Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени//МИА. №153. – М., 1972. – С. 150–159.
- Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры//СА. – 1967. – №1. – С. 22–26.
- Алексеев В.П. Палеодемография СССР//ПССА. – 1972. – №1. – С. 3–21.
- Алексеев В.П. Историческая антропология. – М., 1979.

Алексеев В.П. К палеоантропологии ананьинской культуры//СЭ. – 1981. – №4. – С. 53–62.

Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М.: Наука, 1971.

Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. – Л.: Наука, 1986.

Алекшин В.А. Социальная дифференциация в среде земледельческого населения центральной Анатолии конца III тыс. до н.э. по материалам могильников//Возникновение раннеклассового общества: Тезисы. – М., 1973. – С. 83–84.

Алихова А.Е. Комаровское поселение у Моечного озера//МИА. №61. – М., 1958. – С. 157–180.

Алихова А.Е. Памятники срубной культуры Самарской луки//МИА. №80. – М., 1960. – С. 96–119.

Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ (ромб с крючком)//СА. – 1965. – №3. – С. 14–22.

Андроновская культура//САИ. Вып. В 3-2. – М.–Л., 1966.

Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. – М.–Л., 1959.

Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М.: Наука, 1990.

Арутюнов С.А. Этнические общности доклассовой эпохи//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М.: Наука, 1982. – С. 55–82.

Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики//СЭ. – 1979 б. – №6. – С. 79–89.

Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987.

Археология Украинской ССР. Т.1. – Киев: Наукова Думка, 1985.

Аспелин И.Р. О потребности изучения форм предметов и постепенном развитии их форм в доисторические времена//Тр. IV АС. Т.1. – Казань, 1884.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1985 а.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье: Препринт. Вып.119. – Сыктывкар, 1985 б.

Бадер О.Н. Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком//УЗ ПГУ. Т.5. Вып.2. – Пермь, 1947.

Бадер О.Н. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг.//УЗ ПГУ. Т.11. Вып.3. – Харьков, 1956.

Бадер О.Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала//МИА. №79. – М., 1960. – С. 88–103.

Бадер О.Н. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры//Тр. КАЭ. Вып.3; УЗ ПГУ. Т.12. Вып.1. – Пермь, 1960 б. – С. 132–150.

Бадер О.Н. Поселения у Бойцева и вопросы периодизации среднекавказской бронзы//ОК (В) АЭ. Вып.2. – М., 1961. – С. 110–271.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье//МИА. №99. – М., 1961 а.

Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья: Докл. по опубл. работам. М.: ИА АН СССР, 1963.

Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970.

Бадер О.Н. Уральский неолит//Каменный век на территории СССР//МИА. №166. – М., 1970. – С. 157–171.

Бадер О.Н. Археологическое изучение зоны строительства Нижнекамской гидроэлектростанции и работы Нижнекамской экспедиции в 1968 и 1969 гг.//ОНКАЭ. Вып.1. – М., 1972. – С. 7–26.

Бадер О.Н. Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология//Первобытный человек и природная среда. – М., 1974. – С. 225–229.

Бадер О.Н., Соколова З.П. Новые стоянки Чусовского Прикамья//Тр. СКАЭ. Вып.1; УЗ ПГУ. Т.9. Вып.3. – Харьков, 1953.

Бадер О.Н., Кадиков Б.Х. Поселения эпохи бронзы на Каме между городами Оханском и Сарапулом//СА. – 1957. – №20.

Банников А.Г., Флинт В.Е. Семейство свиней//Жизнь животных: млекопитающие, или звери. Т.6. – М., 1971.

Бгажба О.Х., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Обработка железа в древней Колхиде//Естественнонаучные методы в археологии. – М.: Наука, 1989. – С. 117–139.

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения//ВАУ. Вып.14. – Свердловск, 1977. – С. 119–133.

Березанская С.С. Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине//Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев, 1976. – С. 190–221.

Березанская С.С. Пустынка. – Киев: Наукова Думка, 1974.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы (середина и вторая половина II тыс. до н.э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Киев: ИА АН УССР, 1977.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. – Киев: Наукова Думка, 1982.

Березанская С.С. Усово озеро – поселение срубной культуры на Северном Донце. – Киев: Наукова Думка, 1990.

Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей//МИА. №21. – М., 1951. – С. 182–243.

Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Д.П., Падеков С.В. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н.э. – III в. н.э.). – Киев, 1983.

Бирюков И.Е. Находки первых железных изделий на памятниках донской лесостепной срубной культуры//Проблемы исследования памятников археологии Северного Донца. – Луганск, 1990. – С. 46–47.

Борзунов В.А. Хронология гамаюнской культуры//Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: УдГУ, 1984. – С. 3–8.

Борзунов В.А. Становление производящего хозяйства и генезис укрепленного поселения//Становление и развитие производящего хозяйства. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 120–131.

Бочкарев В.С., Распопова В.И. Дискуссия о характере ремесленного производства//СА. – 1971. – №4. – С. 299–305.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983.

Брук С.Н. Население мира: Этнодемографический справочник. – М.: Наука, 1986.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М.: Наука, 1952.

Бугинов Н.А. Разделение труда в первобытном обществе//Проблемы истории первобытного общества. ТИЭ, н.с. Т. 54. – М.–Л., 1960. – С. 109–150.

Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975.

Васильев И.Б. Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии//СА. – 1975 а. – №4. – С. 250–256.

Васильев И.Б. Лузановский курганный могильник//САЭ. – Куйбышев, 1977. – С. 3–43.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. – Куйбышев, 1981.

Васильев И.Б., Горбунов В.С. Бирское поселение//СА. – 1975. – №3. С. 149–157.

Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Итоги исследований стоянки им. М.И.Касьянова в Гафурийском районе БАССР//Бронзовый век Южного Приуралья. – Уфа, 1985. – С. 21–40.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-европейской лесостепи. – Куйбышев, 1985.

Вереш П.Т. Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа//Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979 б. – С. 179–188.

Вереш П.Т. Этногенез и этническая история венгерского народа до 890 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИЭ АН СССР, 1979 а.

Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1983.

ВРЗ – Возникновение и развитие земледелия. – М.: Наука, 1967.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. – Киев: Наукова Думка, 1989.

Галкин Л.Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов//СА. – 1975. – №3. – С. 186–192.

Генинг В.Ф. Удмуртская археологическая экспедиция//КС ИИМК. Вып. 74. – М., 1959. – С. 92–109.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (чегандинская культура)//ВАУ. Вып.10. – Свердловск–Ижевск, 1970.

Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса//Вопросы этнографии Удмуртии. – Ижевск, 1976. – С. 3–37.

Генинг В.Ф. Олугатское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье//Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск, 1980. – С. 92–135.

Генинг В.Ф. Происхождение и древнейшие этапы развития индоевропейской и уральской этнических общностей//Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск, 1983. – С. 7–14.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. – М.: Наука, 1988.

Генинг В.Ф. Вопросы периодизации археологических эпох (Прикамье в эпоху племенного строя)//Взаимодействие древних культур Урала. – Пермь: ПГУ, 1990. – С. 9–28.

Генинг В.Ф. Проблемы исследования духовной жизни древних обществ//Духовная культура древних обществ на территории Украины. – Киев: Наукова Думка, 1991. – С. 3–7.

Генинг В.Ф., Барзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда//ВАУ. №13. – Свердловск, 1975. – С. 42–74.

Генинг В.Ф., Сгоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии//ВАУ. Вып.1. – Свердловск, 1961. – С. 76–90.

Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности//Тр. IV УАС; УЗ ПГУ. №148. – Пермь, 1967. – С. 51–71.

Гемуев И.Н., Сигалаев А.М. Религия народа манси (культовые места XIX – начала XX вв.). – Новосибирск: Наука, 1986.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и космос. – Новосибирск: Наука, 1990.

Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья//МИА. – 1959. – №60. – С. 524–594.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972.

Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам)//Проблемы этногенеза удмуртов. – Устинов: НИИ при СМ УдАССР, 1987. – С. 6–36.

Горбунов В.С. История племен абашевской культуры в бассейне р. Белой: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1977 г.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. – Куйбышев: КГПИ, 1989.

Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Находки костяных псалий эпохи бронзы в Башкирии//СА. – 1975. – №2. – С. 254–257.

- Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., Юсупова Г.Т. Исследования у д. Юкаликулево в северо-восточной Башкирии//АО 1978 года. – М., 1980. С. 164–165.
- Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Жилища Юкаликулевского поселения//Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1983. – С. 41–58.
- Граков Б.Н. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР//СА. – 1958. – №4. – С. 3–9.
- Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). – М.: Наука, 1975.
- Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. – М.: Наука, 1980.
- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане//Казаки. – Л., 1927. – С. 179–221.
- Грязнов М.П. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы//КСИЭ. Вып.26. – М., 1957.
- Дебеч Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.–Л., 1948.
- Денисов В.П. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы//Из истории Урала. – Свердловск, 1960. – С. 28–37.
- Денисов В.П. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье//ВАУ. Вып.1. – Свердловск, 1961. – С. 66–75.
- Денисов В.П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры//Тр. IV УАС: УЗ ПГУ. №148. – Пермь, 1967. – С. 29–50.
- Дмитриев П.А. Раскопки стоянки Калмацкий Брод. – Свердловск, 1934.
- Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала//МИА. №21. – М., 1951. – С. 28–93.
- Днепров С.А., Коноркин В.М., Шорин А.Ф. Раскопки поселения Дружный I в Челябинской области//АО – 1978 г. – М., 1979. – С. 169–170.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.
- Долуханов П.М. География каменного века. – М.: Наука, 1979.
- Дремов В.А. Антропология Верхнего Приобья в эпохи неолита и бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИЭ АН СССР, 1981.
- Дьяченко И.П. Фауна и некоторые биологические особенности рыб в эпоху поздней бронзы//Бронзовый век Южного Приуралья. – Уфа: БГПИ, 1985. – С. 100–110.
- Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1984.
- Евдокимов В.В., Поваляев Н.Л. Оценка численности населения эпохи бронзы Кустанайского Притоболья по экологическим данным//Вопросы археологии центрального и северного Казахстана. – Караганда: КарГУ, 1989. – С. 104–110.

- Ефименко П.П. К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья//Археология. Ч.II. – Киев, 1948. – С. 3–43. (на укр. яз.)
- Железчиков Б.Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. //История и культура сарматов. – Волгоград: ВГУ, 1983. – С. 48–60.
- Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савроматов-сарматов Южного Приуралья-Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. по демографическим и экологическим данным//Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 65–68.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы//МИА. №118. – М., 1962.
- Збруева А.В. Ананьинский могильник//СА. – 1937. – №2. – С. 95–111.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху//МИА. №30. – М., 1952 а.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1952 б.
- Збруева А.В. Культура поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры//СА. – 1957. – №2. – С. 28–37.
- Збруева А.В. Итоги и задачи археологического изучения территории Башкирии//Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к русскому государству. – Уфа, 1958.
- Збруева А.В. Стоянка им. М.И.Касьянова//БАС. – Уфа, 1959. – С. 47–57.
- Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье//МИА. №80. – М., 1960. – С. 10–95.
- Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии//Древности Башкирии. – М., 1970. – С. 40–127.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: УрГУ, 1988.
- Зданович С.Я. Саргаринская культура – заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979.
- Зданович С.Я. Новые материалы к истории скотоводства в Зауралье и Северном Казахстане в эпоху финальной бронзы//Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1981. – С. 44–56.
- Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса)//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983 а. – С. 69–80.
- Иванов В.А. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау//Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1977. – С. 94–102.
- Иванов В.А. Население нижней и средней реки Белой в ананьинскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1978 а.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау//Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. – Уфа, 1982. – С. 52–77.

Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н.э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1990.

Иванов В.В. История славянских и балканских названий металлов М.: Наука, 1983.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.–Л.: Наука, 1963.

История Татарской АССР. – Казань, 1973.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986.

История первобытного общества. Эпоха классовообразования. – М.: Наука, 1988.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989.

Итина М.А. Поселение Якке-Парсан II (раскопки 1958–1959 гг.)//МХ. Вып.6. – М., 1963. – С. 107–129.

Итина М.А. История степных племен Южного Приуралья. – М.: Наука, 1977.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата: Гылым, 1992.

Казakov Е.П. Памятники черкаскульской культуры Бельского междуречья Татарии//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1976.

Казakov Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук//Древности Икско-Бельского междуречья//ОИКАЭ. №2. – Казань, 1978 а – С. 67–108.

Казakov Е.П. Подгорно-Байларский курганный могильник//Древности Икско-Бельского междуречья//ОИКАЭ. №2. – Казань, 1978 б. – С. 121–125.

Казakov Е.П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии//СА. – 1979. – №1. – С. 145–160.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг.//Тр. КФ АН СССР. – Казань, 1954.

Карлов В.В. Советская историография об общинных институтах и обычном праве народов Сибири//Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. – М.: МГУ, 1989. – С. 125–155.

Качалова Н.К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре//АСГЭ. – 1977. – №18. – С. 23–28.

Килейников В.В. Ремесло и домашнее производство у населения лесостепной срубной культуры//Исследование памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж: ВГПИ, 1988. – С. 97–109.

Кипарисова Н.П. О культурах лесного Зауралья//СА. – 1960. – №2. С. 7–24.

Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. – М.: МГУ, 1978.

Колесников Б.Н. Леса Челябинской области//Леса СССР. Т.4. – М.: Наука, 1969. – С. 125–156.

Колчин Б.А., Сайко Э.В. Особенности развития и организация производства//Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1981. – С. 9–34.

Коренько В.А. Погребальный обряд как система//Археология и вопросы атеизма. – Грозный, 1977. – С. 5–7.

Корепанов К.И. Звериный стиль в искусстве племен Среднего Поволжья и Прикамья в VII–III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1980.

Корепанов К.И. Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тыс. до н.э.//ВАУ. Вып.15. – Свердловск, 1981.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Заключительный этап бронзового века в Тюменском Притоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской культуры)//Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тезисы. – Уфа, 1991. – С. 59–62.

Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры (опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское II)//Становление и развитие производящего хозяйства. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 165–177.

Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы//СА. – 1972 а. – №2. – С. 81–95.

Косарев М.Ф. Древние культуры томско-нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1976 а.

Косарев М.Ф. Географическая среда, хозяйственные типы и факторы первобытного обмена по материалам Западной Сибири//Археология Прииртышья. – Томск: ТГУ, 1980. – С. 57–67.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984.

Косинцев П.А. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы//Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 84–104.

Косинцев А.П., Варов А.И. Костные остатки из поселений срубной и межовской культур Южного Приуралья//Материалы по археологии Южного Урала. – Уфа, 1992.

Косинцев П.А., Стефанов В.И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному//Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 105–119.

Котович В.Г. Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе//СА. – 1977. – №3. – С. 69–78.

Краснов Ю.А. Ранние земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы//МИА. №174. – М., 1971.

Краснов Ю.А., Смирнов А.П. Уфимская конференция по этногенезу башкир//СА. – 1970. – №2.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: ЛГУ, 1977.

Крутских Н.А., Шорин А.Ф. Новые черкаскульские могильники в Южном Зауралье//Вопросы финно-угроведения: Тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. – Сыктывкар, 1979. – С. 53.

Круц С.И. Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины//Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев: Наукова Думка, 1976. – С. 222–232.

Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: Проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978.

Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978.

Кузьмина Е.Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале//Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 153–164.

Кузьмина Е.Е. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы//В глубь веков. – Алма-Ата, 1974. – С. 16–24.

Кузьмина Е.Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника)//Памятники древнейшей истории Евразии. – М., 1975. – С. 220–229.

Кузьмина Е.Е. Еще о дисковидных псалях Евразийских степей //КСИА АН СССР. Вып.161. – М.: Наука, 1980. – С. 8–21.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.

Кузьмина Е.Е. Об этнической принадлежности андроновцев//ВДИ. 1988. – №2.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1988 а.

Кузьминых С.В. Металлообработка срубных племен Закамья//Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань: КФ АН СССР, 1981. – С. 41–70.

Кузьминых С.В. Предананьинская металлообработка Волго-Камья//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. – С. 126–133.

Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности//Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 178–197.

Курманкулов Ж. Поселения и могильники эпохи бронзы северной Бетпак-Далы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово: КемГУ, 1988.

Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции//КСИА АН СССР. Вып.148. – М., 1977. – С. 24–30.

Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.)//МИА. №152. – М., 1968.

Максименков Г.А. Своеобразие окуневских погребений//Из истории Сибири. Вып.21. – Томск: ТГУ, 1976. – С. 53–60.

Малахов М.В. Доисторические времена на Уральских горах//ЗУОЛЕ. Т.27. – Екатеринбург, 1908. – С. 11–17.

Малютина Т.С. Могильник Приплодный Лог I//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: ЧГУ, 1984. – С. 58–79.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Археологическая поездка по Уралу. (Прилож. №3)//Тр. МАО. Т.15. Вып.1. – М., 1894.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л.: ЛО ИА АН СССР, 1988.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. – М.: МГУ, 1976.

Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. – М.: Наука, 1978.

Мартirosян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. – Ереван, 1964.

Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. – М.: Наука, 1978.

Массон В.М. Поселение Джейтун//МИА. №180. – Л., 1971.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., Наука, 1976.

Массон В.М. Первые цивилизации. – Л., 1989.

Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1985.

Матвеев А.В. О происхождении и начальном этапе истории саргатской культуры//Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск: Наука, 1988 а. – С. 56–65.

Матвеев А.К. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка)//УЗ ПГУ. №191. – Пермь, 1968. – С. 136–146.

Матвеев А.К. Топонимия Урала: Учеб. пособ. – Свердловск: УрГУ, 1985.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи//Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: ТюмГУ, 1989. – С. 77–103.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч.IV. Еловско-ирменская культура. – Томск, 1974 а.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч.IV. Приложения. – Томск, 1974 б.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. – М.: Наука, 1976.

Матюшин И.Н. Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982.

Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. – М.: Наука, 1967.

Мерперт Н.И. Материалы по археологии Среднего Заволжья//МИА. №42. – М., 1954. – С. 37–156.

Мерперт Н.И. Из древней истории Среднего Поволжья//МИА. №61. – М., 1958. – С. 45–56.

Мерперт Н.И. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974.

Мерперт Н.И., Прякин А.Д. Срубная проблема и лесостепь//Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1978. – С. 9–13.

Мильков Ф.И. Среднее Поволжье. – М., 1953.

Митрофанов А.Г. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в. до н.э.). Минск, 1978.

Могильников В.А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа//Проблемы древних укров на Южном Урале. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. – С. 20–30.

Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири//Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: ТюмГг, 1989. – С. 62–77.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985.

Монгайт А.И. Археология Западной Европы. Каменный век. – М.: Наука, 1973.

Моргунова Л.Л. Некоторые итоги изучения неолита и энеолита в южной зоне лесостепей Приуралья//Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. – Уфа, 1988. – С. 17–35.

Морозов Ю.А. Проявление специализации производства в хозяйстве срубного населения Южного Урала//Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981. – С. 57–68.

Морозов Ю.А. Срубные памятники Приуралья (вопросы периодизации и хронологии)//Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. – Уфа: БФ АН СССР, 1992. – С. 3–19.

Морозов Ю.А. Тавлыкаевские поселения срубной культуры//Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа: БФ АН СССР, 1983. – С. 19–40.

Морозов Ю.А., Мукатанов А.Х. Об ископаемой почве Старо-Ябалаклинского могильника//Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1991. – С. 97–100.

Морозов Ю.А., Рутто Н.Г. Чишминское поселение срубной культуры на реке Уршак//Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 72–84.

Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири//МИА. №58. – М., 1957.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М., 1976.

Народы Сибири. – М., 1956.

Немкова В.К. История растительности Предуралья за поздне- и послеледниковое время//Актуальные вопросы геохронологии. – М.: Наука, 1976.

Немкова В.К. Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья//К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. – Уфа, 1978. – С. 4–45.

Оборин В.А. Обсуждение докладов... //Тр. IV УАС; УЗ ПГУ. №148. – Пермь, 1967. – С. 216–223.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. – Пермь, 1976.

Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. – Уфа, 1986 а.

Обыденнов М.Ф. Периоды развития археологии на Урале//Народы Урала и Поволжья накануне Октябрьской революции и осуществление ленинской национальной политики. – Уфа, 1989 б. – С. 144–147.

Обыденнов М.Ф. Изучение эпохи поздней бронзы Волго-Камья. – Уфа, 1990 а.

Обыденнов М.Ф. Этапы археологического изучения Урала//Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тезисы. Вып.1. – Свердловск, 1990 б. – С. 81–83.

Обыденнов М.Ф., Соколова Т.Л. К изучению демографии культур бронзового века Южного Приуралья//Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Ч.1. – Кемерово, 1987. – С. 94–96.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры бронзового века древних угров. – Екатеринбург: УрГУ, 1995.

Панина С.Н. Экспедиция Свердловского краеведческого музея//АО – 1979 г. – М., 1980. – С. 164–165.

Патрушев В.С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае: Учеб. пособ. – Йошкар-Ола, 1986.

Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. – Йошкар-Ола, 1989.

Патрушев В.С. Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X–VI вв. до н.э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Л.: ИА АН СССР, 1990 а.

Петренко А.Г. Фауна с памятников бронзы Икско-Бельского междуречья//ОНКАЭ. Вып.2. – Казань, 1978. – С. 145–147.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984.

Петрин В.Т. Писаница на реке Уфе около ж/д станции Арсланово//СА. – 1971. – №4.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. – Томск, 1977.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балугева Т.С. Неолитические могильники северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989.

Порохова О.И. Срубно-алакульское Покровское поселение в западном Оренбуржье//Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 60–71.

Потемкина Т.М. Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1976 а.

Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье//СА. – 1979. – №2. – С. 19–30.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985.

Природные ресурсы Башкирии и их охрана. – Уфа, 1965.

Проблемная ситуация в современной археологии. – Киев: Наукова Думка, 1988.

Прокаев В.И. Физико-географическое районирование Свердловской области. Ч.1. – Свердловск, 1976.

Прокошев Н.А. Памятники эпохи бронзы в Устье Камы//КСИИМК. Вып.25. – М., 1949. – С. 59–66.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж, 1976.

Пшеничнюк А.Х. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры//Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981. – С. 91–100.

Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы//Тр. ГИМ. Вып.29. – М., 1956.

Раушенбах В.М. Раскопки стоянок в южной части Аятского озера //ВАУ. №2. – Свердловск, 1962. – С. 49–53.

Россадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья//СА. – 1976. – №4. – С. 185–190.

Россёт З. Продолжительность человеческой жизни. – М., 1981.

Рудь Н.М. Одонтологическая характеристика населения из могильника Такталачук//Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978. – С. 120–128.

Рудь Н.М. Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Такталачук//Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань: КФ АН СССР, 1981. – С. 71–93.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981.

Рыжников Н.А. Доисторическая жизнь у Исетского озера//Округ. 1927. – №18. – С. 67–70.

Рябова Т.П. Развитие растительности Башкирского Предуралья в 10-м веке до н.э.//Научные доклады высшей школы. Биологические науки. №1. – М.: 1965.

- Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979.
- Сайко Э.В. Специализированные производства в развитии обществ раннеземледельческих культур. – М., 1990.
- Сайко Э.В., Терехова Н.Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства//Становление производства в эпоху неолита и бронзы. – М.: Наука, 1981. – С. 72–122.
- Савельева Э.А. Археология Коми АССР. – Сыктывкар, 1984.
- Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья//УАС. №1. – Молотов, 1948 б.
- Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья//МИА. №21. – М., 1951 а. – С. 94–151.
- Сальников К.В. Раскопки на оз. Березовом//КСИИМК. Вып.36. – М., 1951 б. – С. 122–130.
- Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. – Свердловск, 1952.
- Сальников К.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры//СЭ. – 1954. – №4. – С. 11–24.
- Сальников К.В. Исетские древние поселения//СА. – 1956. – №25. – С. 196–201.
- Сальников К.В. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии//Башкирский археологический сборник. – Уфа, 1959 а. – С. 30–47.
- Сальников К.В. Раскопки у с. Ново-Бурино//СА. – 1959 б. – №№29–30. – С. 172–185.
- Сальников К.В. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала//Из истории Урала. – Свердловск, 1960. – С. 7–17.
- Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы//ВАУ. Вып.6. – Свердловск, 1964 а. – С. 5–23.
- Сальников К.В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии//АЭБ. №11. – Уфа, 1964 б. – С. 67–83.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967.
- Сальников К.В., Дмитриев П.А. Уфа – Ишимбаево//Археологические исследования в РСФСР в 1933–1936 гг. – Л., 1941.
- Свердлов М.Б. Семья и община в Древней Руси//История СССР. – 1981. – №3. – С. 97–109.
- Свинья домашняя//БСЭ. 3-е изд. – М., 1976. – Т.23.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств (мезолит-энеолит). – Л.: Наука, 1983.
- Семенов Ю.И. Эволюция экономики раннего первобытного общества//Исследования по общей этнографии. – М.: Наука, 1979. – С. 61–125.
- Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. – М., 1970.
- Сергеев А.С. Поселение Заводоуковское X – новый памятник бархатовской культуры лесостепного Притобья//Проблемы поздней бронзы и

перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тезисы. Уфа, 1991. – С. 55–58.

Сериков Ю.Б. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке//Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – С. 32–45.

Сидоров Е.А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э.//Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, 1989 а. – С. 16–41.

Сидоров Е.А. Обработка и использование кожи (по материалам лесостепного Приобья IX–I тыс. до н.э.)/Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, 1989 б. – С. 41–45.

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. – М.: Наука, 1965.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии//МИА. №58. – М., 1957.

Смирнов А.П. Введение//Тр. КАЭ. Т.3; МИА. №80. – М., 1960. – С. 5–9.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей//СА. – 1961. – №1. – С. 46–72.

Смирнов Н.Г., Косинцев П.А., Бородин А.В. Влияние хозяйственной деятельности древнего населения на экосистемы Западной Сибири и Зауралья//Антропогенный фактор в истории формирования современных экосистем. – М., 1980.

Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров//Этногенез и этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1975. – С. 186–222.

Соколова З.П. К происхождению современных манси//СЭ. – 1979. – №6. – С. 46–58.

Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси)//Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 8–47.

Соколова З.П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора)//Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 118–133.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак в Западном Казахстане//МИА. №120. – М.–Л., 1962.

Старков В.Ф. Кокшарово I – многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье//СА. – 1970 а. – №1. – С. 97–108.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М.: Наука, 1972.

Стоколос В.С. Культура эпохи раннего металла Северного Приуралья. – М.: Наука, 1988.

Стоколос В.С., Королев К.С. Археологическая карта Коми АССР. – М.: Наука, 1984.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – М., 1985.

- Стоянов В.Е. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения зауральско-западносибирской лесостепи//ВАУ. Вып. 14. – Свердловск, 1977. – С. 152–159.
- Студзицкая С.В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы//Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987. – С. 318–326.
- Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1979.
- Тереножкин А.И. К истории изучения предскифского периода//Скифские древности. – Киев, 1973. – С. 7–19.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наукова Думка, 1976.
- Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. – М.: Наука, 1977.
- Тихонов Б.Т. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье//МИА. №90. – М., 1960. – С. 5–115.
- Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. – М., 1964.
- Токарев С.А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи//Охотники, собиратели, рыболовы. – Л.: Наука, 1972. – С. 236–279.
- Третьяков В.П. Поселение Имерка V в Мордовии//АО – 1982 г. – М., 1984. – С. 179–180.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979.
- Фадеев К.И. Отчет по исследованию Карасьего озера//Тр. ИМАО. Т.15. Вып.2. – Екатеринбург, 1894.
- Федоров В.К. О так называемых «медвежьих пещерах» в Башкирии//Народы Урала и Поволжья накануне Октябрьской революции и осуществление ленинской национальной политики (к 70-летию образования Башкирской АССР). – Уфа, 1989. – С. 150–151.
- Физическая география СССР. – М., 1976.
- Физико-географическое районирование БАССР//УЗ БГУ. Т.16. Сер. геогр. наук. №1. – Уфа, 1964.
- Фирштейн Б.В. Савроматы Нижнего Поволжья//Антропологический сборник №3; Тр. ИЭ АН СССР. Нов. сер. Т.21. – М., 1961. – С. 53–81.
- Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении//Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. – Л.: Наука, 1970. – С. 19–201.
- Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР//МИА. №29. – М., 1952.
- Халдеев В.В. Сколько было сарматов//СА. – 1987. – №3. – С. 230–231.
- Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье.//СИИМК. Вып.50. – М., 1953.
- Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы//Тр. МАЭ. Т.1. – Ленинград-Ола, 1960.

- Халиков А.Х. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье//АЭБ. Т.2. – Уфа, 1964. – С. 43–54.
- Халиков А.Х. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Казань, 1966.
- Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры//Тр. IV УАС; УЗ ПГУ. №148. – Пермь, 1967. – С. 7–28.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в эпоху неолита и бронзы//V УАС: Тезисы. – Сыктывкар, 1967 б. – С. 12–16.
- Халиков А.Х. Приказанская культура//СА. – 1968. – №2. – С. 23–38.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969.
- Халиков А.Х. Приказанская культура//САИ. Вып.131–24. – М.: Наука, 1980.
- Халиков А.Х. Преемственность в развитии археологических культур Волго-Камья//Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск: УдмГУ, 1983. – С. 15–20.
- Хисамитдинова Ф.Г. Угорская субстратная топонимия на ш/-с в Башкирии//Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа, 1988. – С. 102–111.
- Хлобыстин Л.П. Жилище и его экономическая и социальная обусловленность//Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. – Л., 1974.
- Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. – Л.: Наука, 1976.
- Хлобыстина М.Д., Хлобыстин Л.П. Литейная форма из Южного Зауралья//СА. – 1967. – №2. – С. 236–240.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977.
- Хотинский Н.А. Следы прошлого ведут в будущее. – М.: Наука, 1981.
- Хотинский Н.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г. Главные этапы развития растительности в голоцене//Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск, 1982. – С. 145–153.
- Цалкин В.И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных на раскопках археологических памятников позднего бронзового века//КСИА. Вып.101. – М., 1964. – С. 24–30.
- Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – М.: Наука, 1970.
- Цалкин В.И. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 1//БМОИП биол. Т.77(1). – МГУ, 1972 (1). – С. 46–65.
- Челякин Ю.П. Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье//АО – 1975 г. – М., 1976. – С. 206–207.
- Чернай И.Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита – бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана//Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 93–110.
- Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров//СЭ. – 1947. – №6–7. – С. 159–183.

- Чернецов В.Н. Орнамент ленточного типа у обских угров//СЭ. – 1948. №1. – С. 139–152.
- Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы//Тез. докл. по методологии этногенетических исследований. – М.: Наука, 1951. – С. 24–29.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья//МИА. №35. – М., 1953. – С. 7–71.
- Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров//Исследование и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М., 1959. С. 114–156.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Ч.1//САИ. Вып.4–12. М.: Наука, 1964.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Ч.II//САИ. Вып.4–12. М.: Наука, 1971.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья//МИА. №172. – М., 1970.
- Черных Е.Н. Человек – металл – время. – М.: Наука, 1972.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976.
- Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР//СА. – 1978 а. – №4. – С. 53–82.
- Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. – София: Изд-во Болг. АН, 1978 б.
- Черных Е.Н. Общность культур валиковой керамики Евразии (К постановке проблемы)//Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. – М., 1984. – С. 246–258.
- Черных Е.Н., Агапов С.А., Кравцов А.Ю., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Моргунова Н.М., Орловская Л.Б., Тонейшвили Т.О. О работах Волго-Уральской комплексной экспедиции в 1989–1990 гг.//Археологические открытия Урала и Поволжья. – Ижевск, 1991. – С. 159–164.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (Сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989.
- Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976 б.
- Членова Н.Л. О природе черкаскульской культуры//VI УАС: Тезисы. – М., 1977. – С. 44–46.
- Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу о контактах финно-угров с индоиранцами//Вопросы финно-угроведения: Тез. докл. на VI Всесоюз. конф. финно-угроведов. – Сыктывкар, 1979. – С. 48.
- Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века//Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. – С. 4–42.
- Членова Н.Л. Предыстория торгового пути Геродота (из Северного Причерноморья на Южный Урал)//СА. – 1983. – №1. – С. 47–66.

Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах//СА. – 1984. – №1. – С. 88–103.

Членова Н.Л. Степь и лесостепь Западной и Средней Сибири в эпоху поздней бронзы и перехода к эпохе железа (хронология памятников: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990 а.

Шаландина В.Т. История растительности бассейна реки Малый Черемшан в голоцене//Исследования Великого города. – М., 1976. – С. 252–260.

Шевченко А.В. Об антропологических особенностях носителей черкаскульской культуры//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. – С. 84–86.

Шевченко А.В. Еще раз об антропологическом облике черкаскульцев //VI УАС: Тезисы. – М., 1977. – С. 35–37.

Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы//Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986.

Шилов В.П. К вопросу о происхождении ананьинской культуры//Исследования по археологии СССР. – Л., 1961. – С. 120–126.

Шилов В.П. Модели скотоводческого хозяйства степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века//СА. – 1975. – №1. С. 5–16.

Шмидт А.В. Очерки по истории Северо-восточной Европы в эпоху родового общества//СГАИМК. Вып.106. – М., 1934. – С. 13–96.

Шорин А.Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1988 а.

Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период)//СА. – 1977. – №1. С. 57–74.

Штуkenберг А., Высоцкий Н. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии//Тр. об-ва естествоиспытателей КГУ. Т.14. Вып. 5. Казань, 1885.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. – Новосибирск: Наука, 1988.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала//Тр. ГИМ. Вып.10. – М., 1940 а.

Эрлих В.А. К вопросу о численности населения Западной Сибири в эпоху бронзы//Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып.1. – Новосибирск, 1989. – С. 14–16.

Юсупов Р.М. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья//Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа, 1989. – С. 127–138.

СОКРАЩЕНИЯ

- АО – Археологические открытия. Москва
 АК – Археологическая культура
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии
 БАС – Башкирский археологический сборник
 БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВДИ – Вестник древней истории
 ВРЗ – Возникновение и развитие земледелия
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГМТР – Государственный музей Татарской республики. Казань
 ДФ АН СССР – Дагестанский филиал Академии наук СССР
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИИМК – Институт истории материальной культуры
 ИИЯЛ БФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. Уфа
 ИПО – История первобытного общества
 ИЯЛИ КФ АН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Иб-гимова. Казань
 КА БГУ – Кабинет археологии Башкирского госуниверситета. Уфа
 КА УГУ – Кабинет археологии Уральского госуниверситета. Екатеринбург
 КГПИ – Куйбышевский (Самарский) государственный педагогический институт
 КГПИ – Курганский государственный педагогический институт
 КО МК – Куйбышевский (Самарский) областной музей краеведения
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КС ИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
 ЛГУ – Ленинградский (Санкт-Петербургский) государственный университет
 ЛО АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАВГ – Материалы по археологии восточных губерний
 МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-востока
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции
 ОКВАЭ – Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции
 ОНКАЭ – Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции
 ПБВ – Поздний бронзовый век
 ПАЭС – Поволжское археолого-этнографическое совещание

ПГУ – Пермский государственный университет

ПССА – Проблемная ситуация в современной археологии

СА – Советская археология

СГУ – Самаркандский государственный университет

САИ – Свод археологических источников

САЭ – Средневожская археологическая экспедиция

СЭ – Советская этнография

Труды ИЭ – Труды Института этнографии

Труды Мар.НИИ – Труды Марийского научно-исследовательского института

Труды МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции

Труды ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

УАС – Уральское археологическое совещание

УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета

ЧГУ – Челябинский государственный университет

ЧГПИ – Челябинский государственный педагогический институт

ЧОМК – Челябинский областной музей краеведения

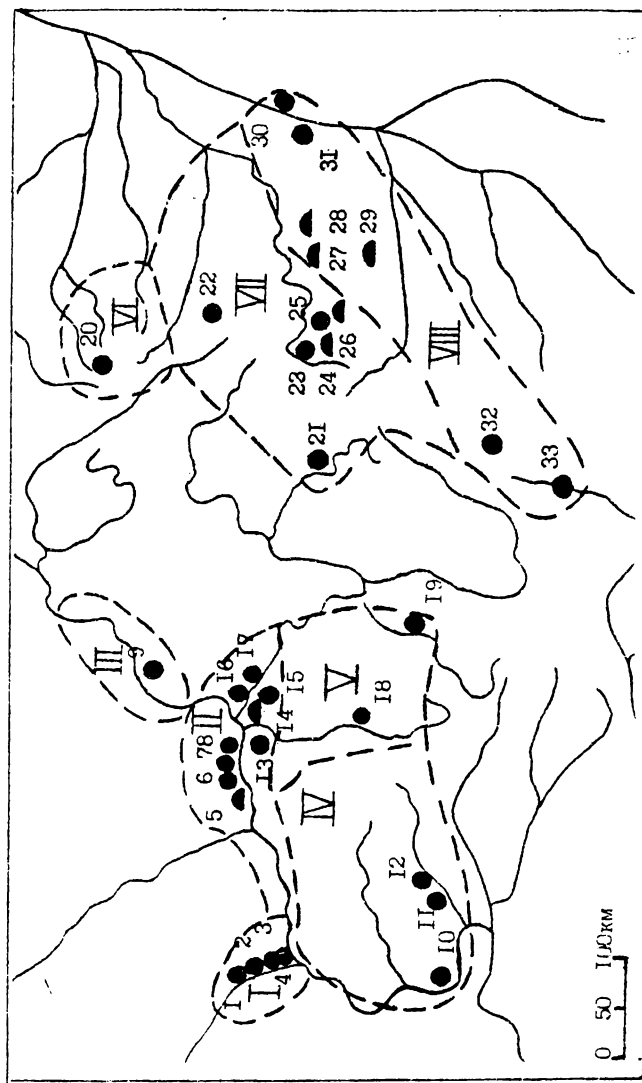

Рис.1.

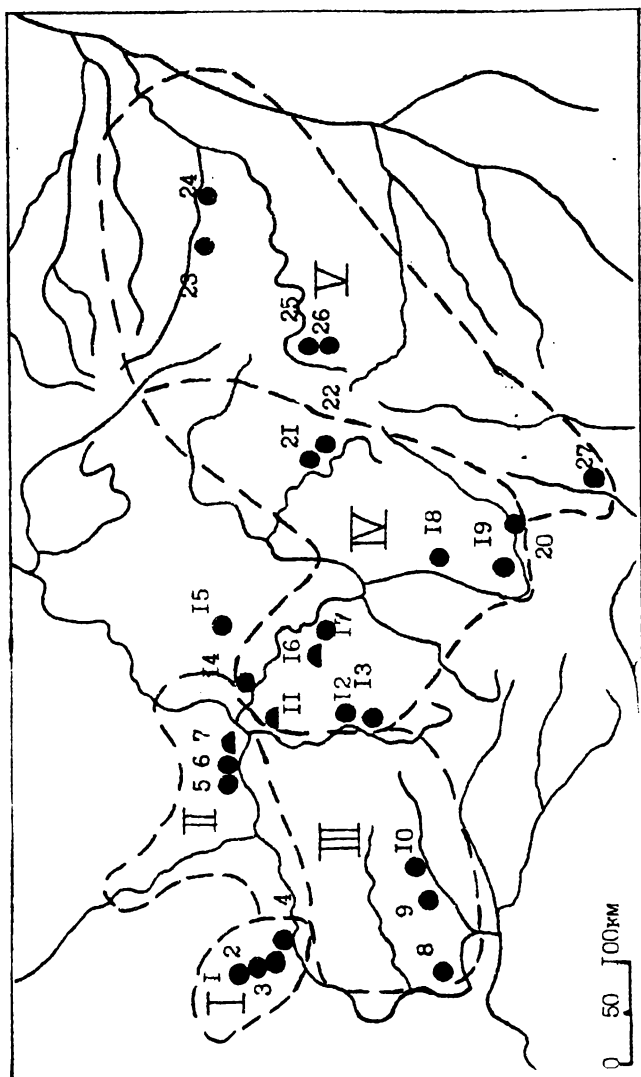

Рис.2.

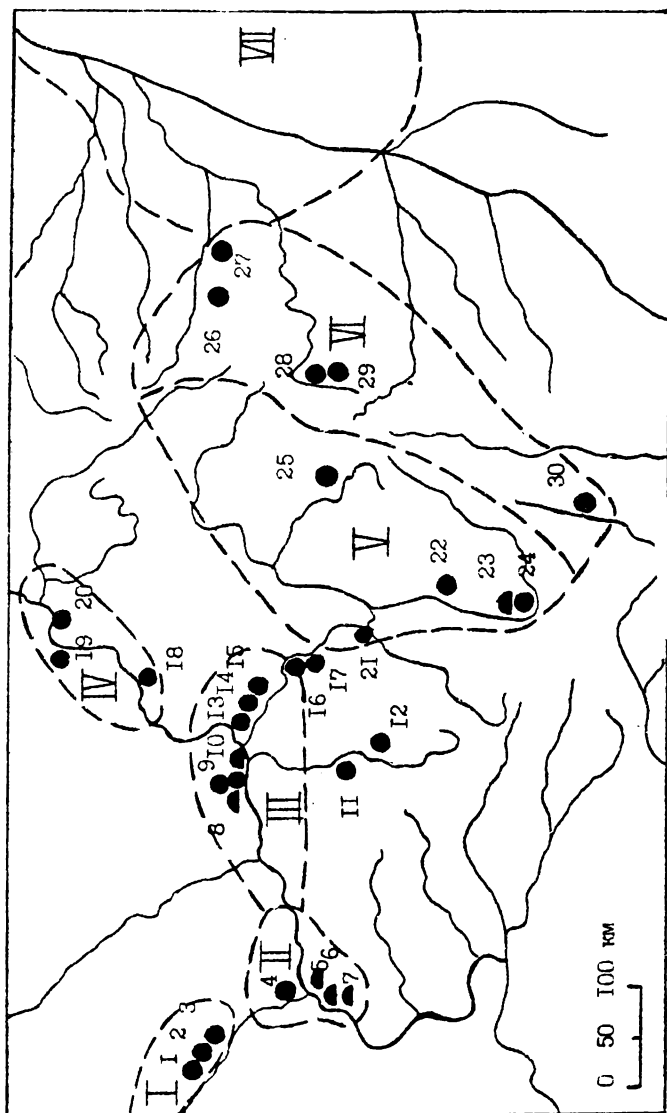

Рис.3.

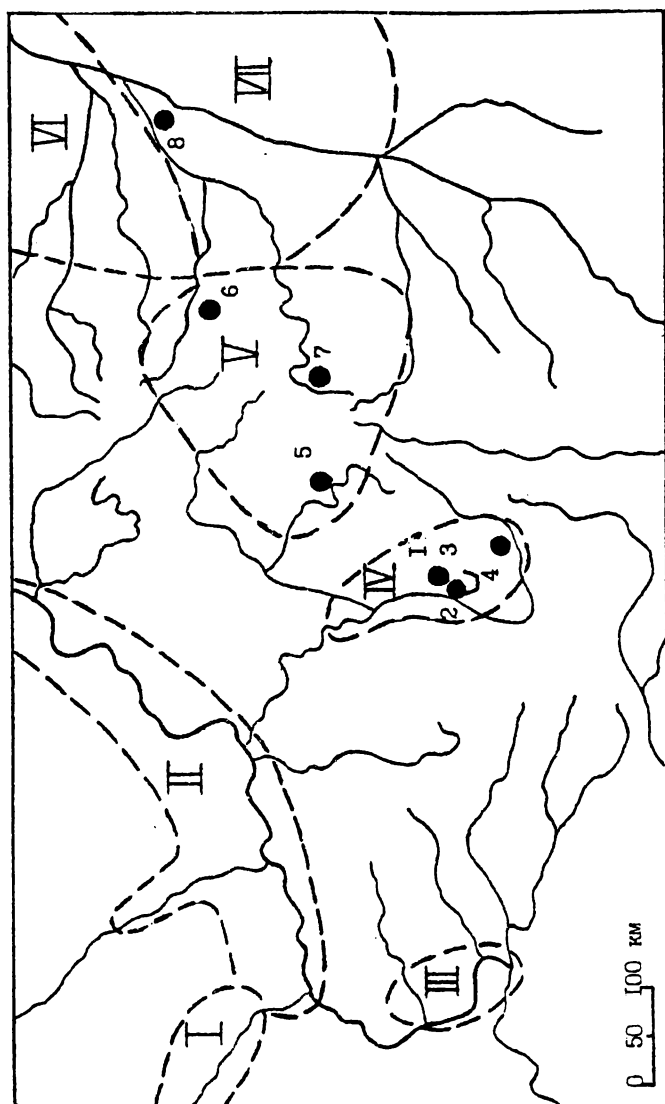

Рис.4.

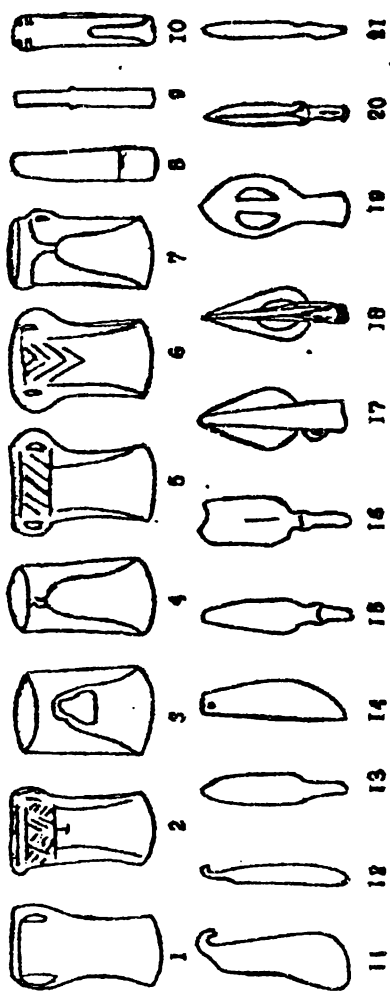

Рис.5.

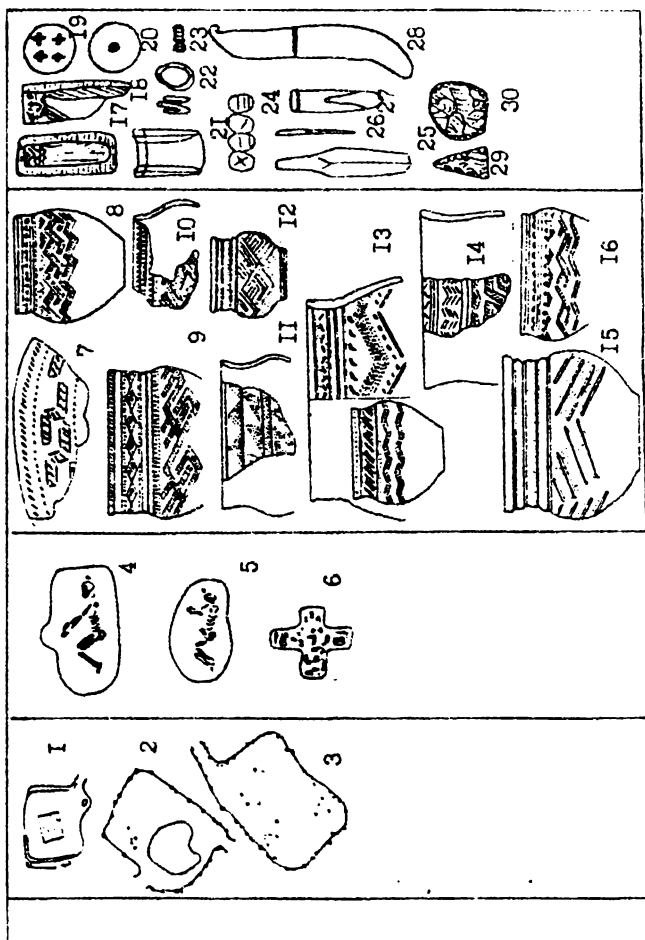

Рис.6.

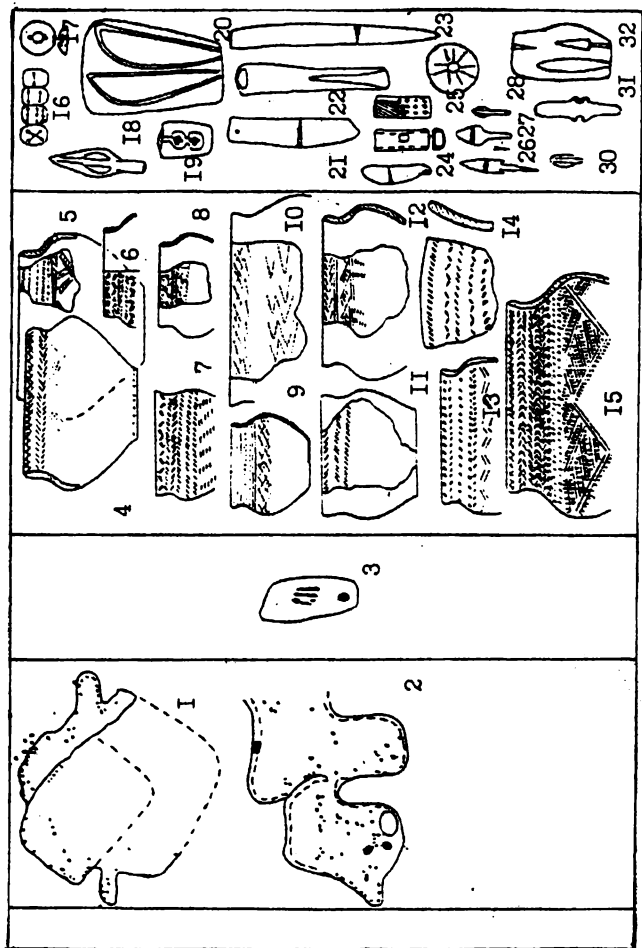

Рис.7.

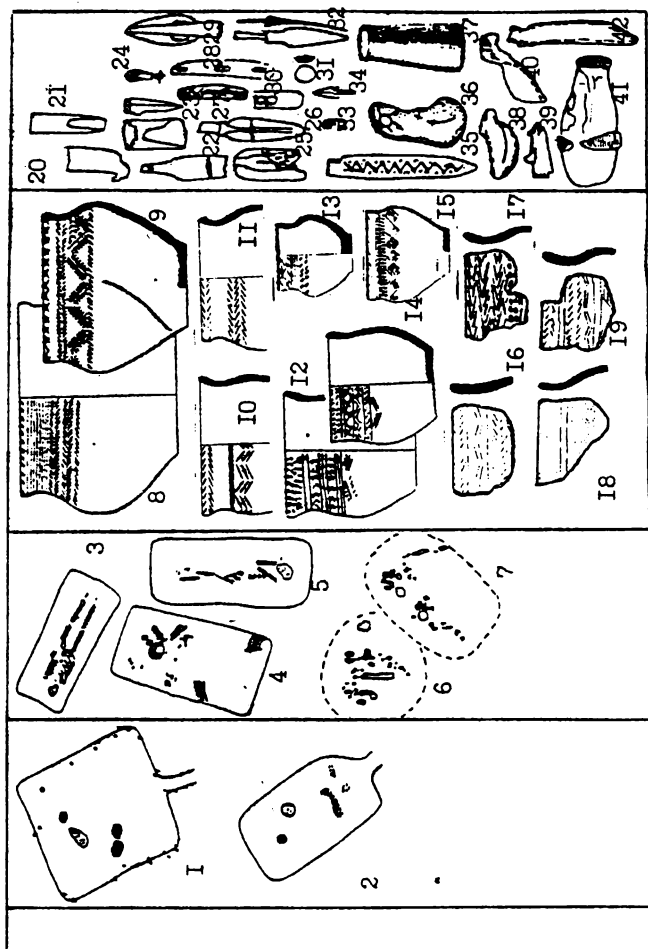

Рис.8.

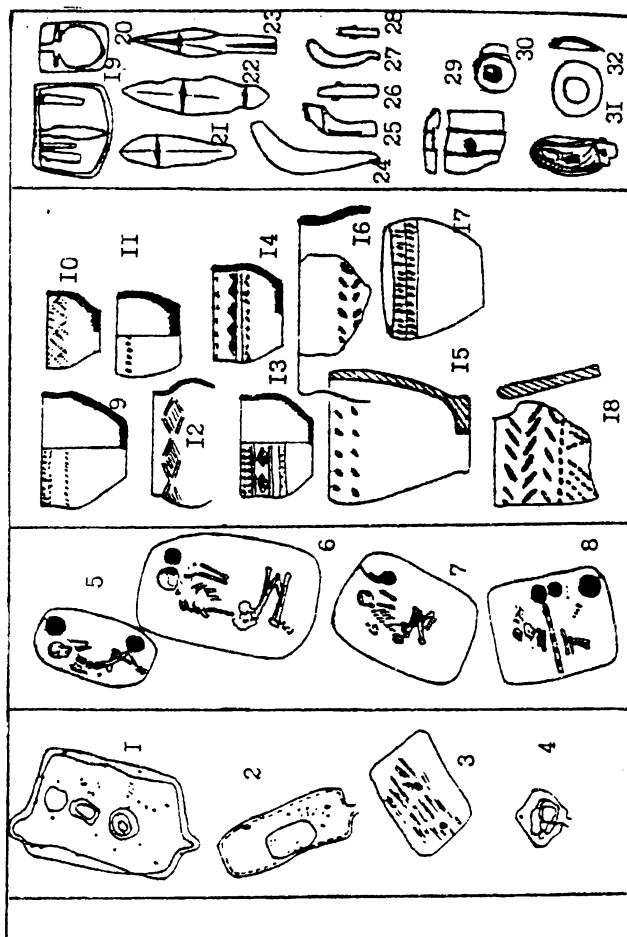

Рис.9.

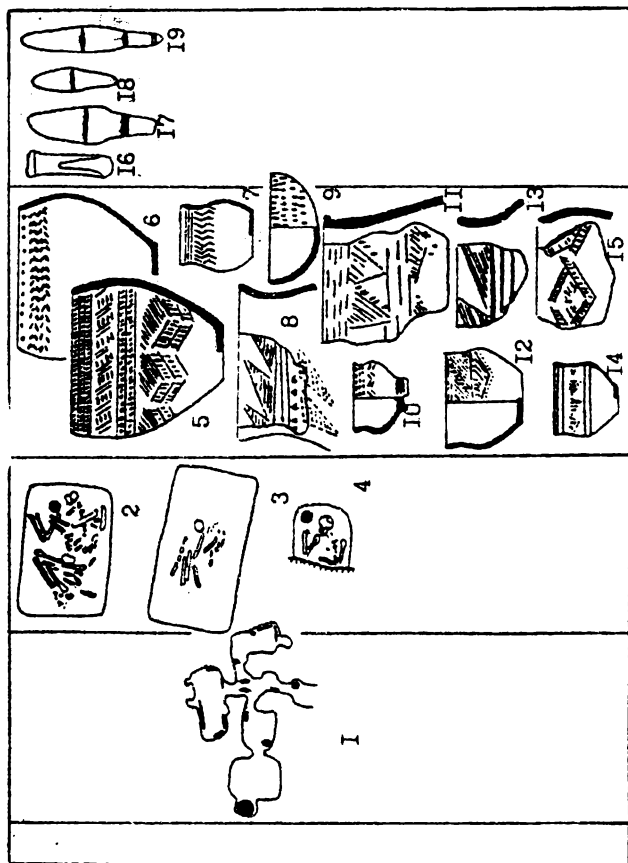
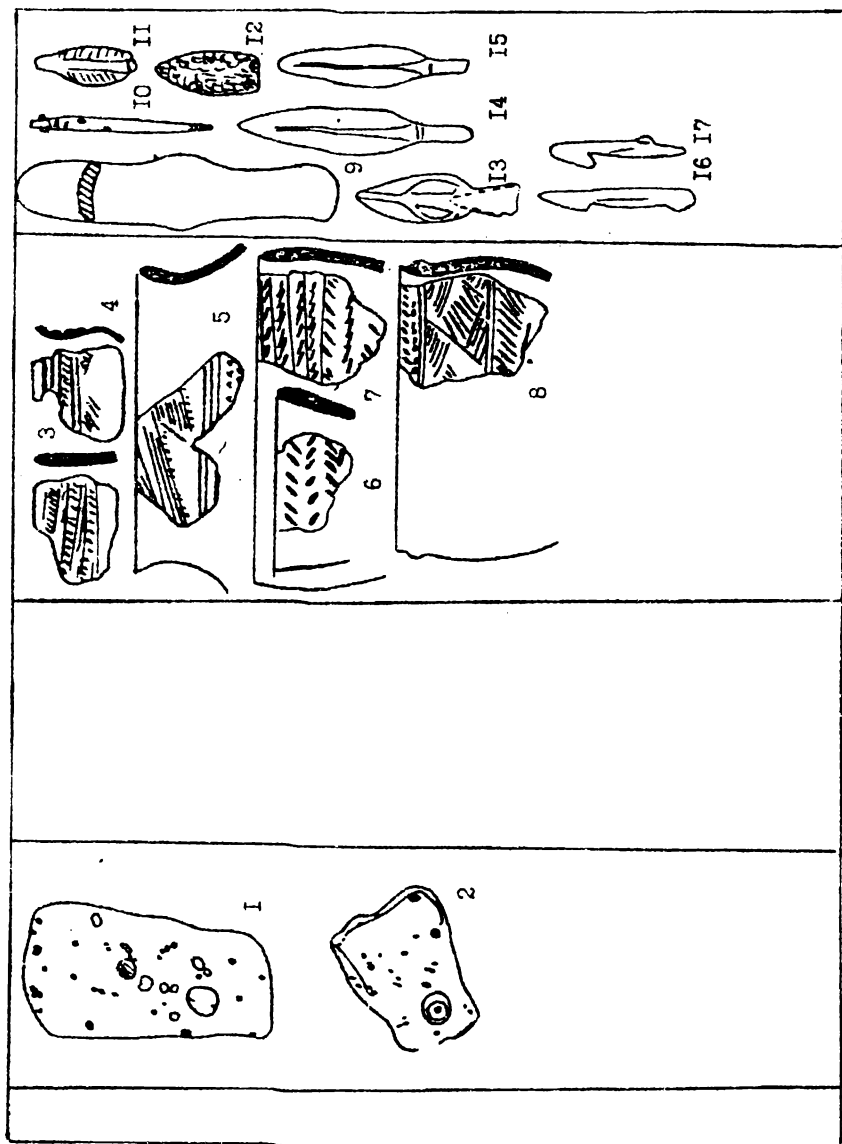

Рис.10.

Судовые орудия

Рис.11.

Пружковал

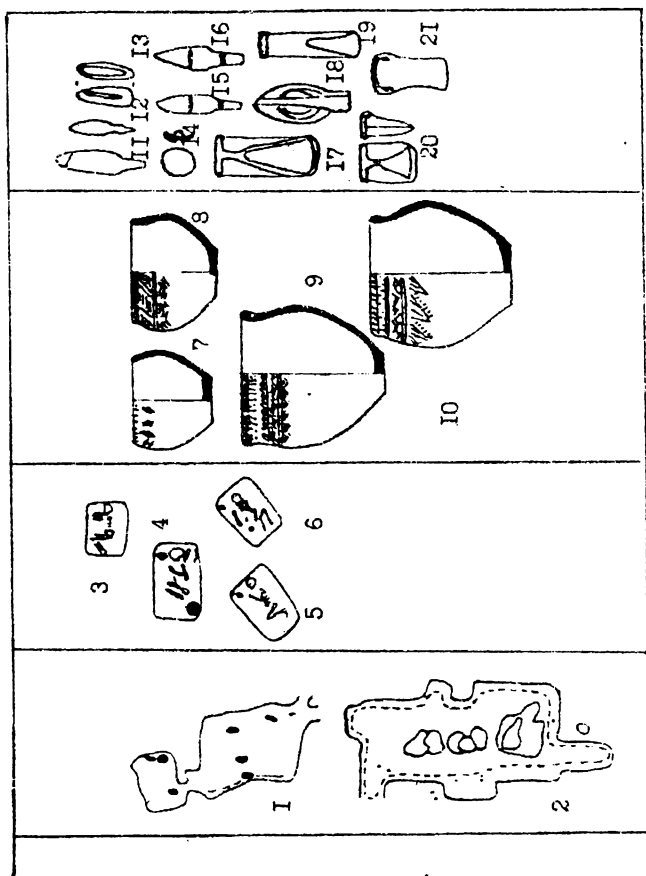
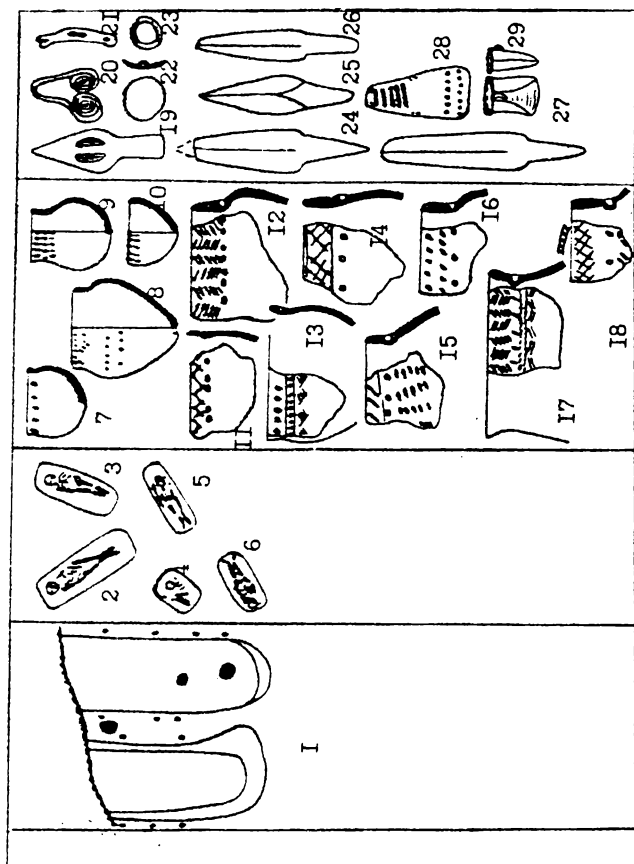

Рис.12.

на рисунке

Рис.13.

maximales 50 in fragmentos de p.

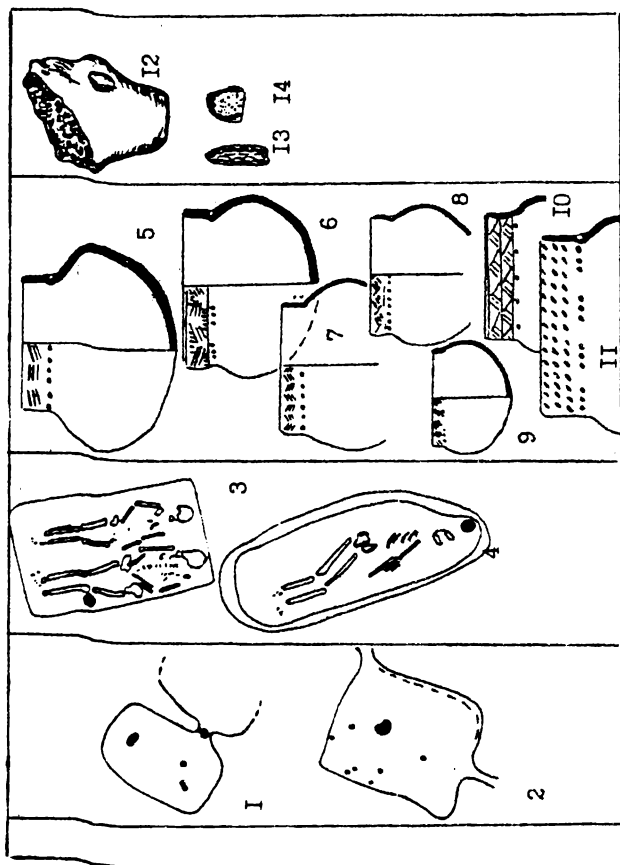
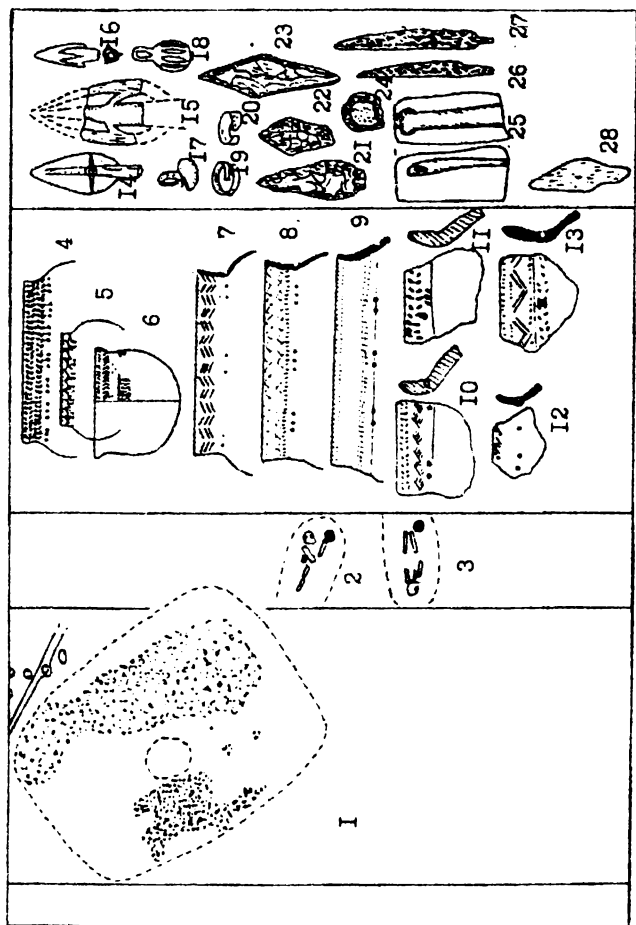

Рис.14.

Борисов

Рис.15.

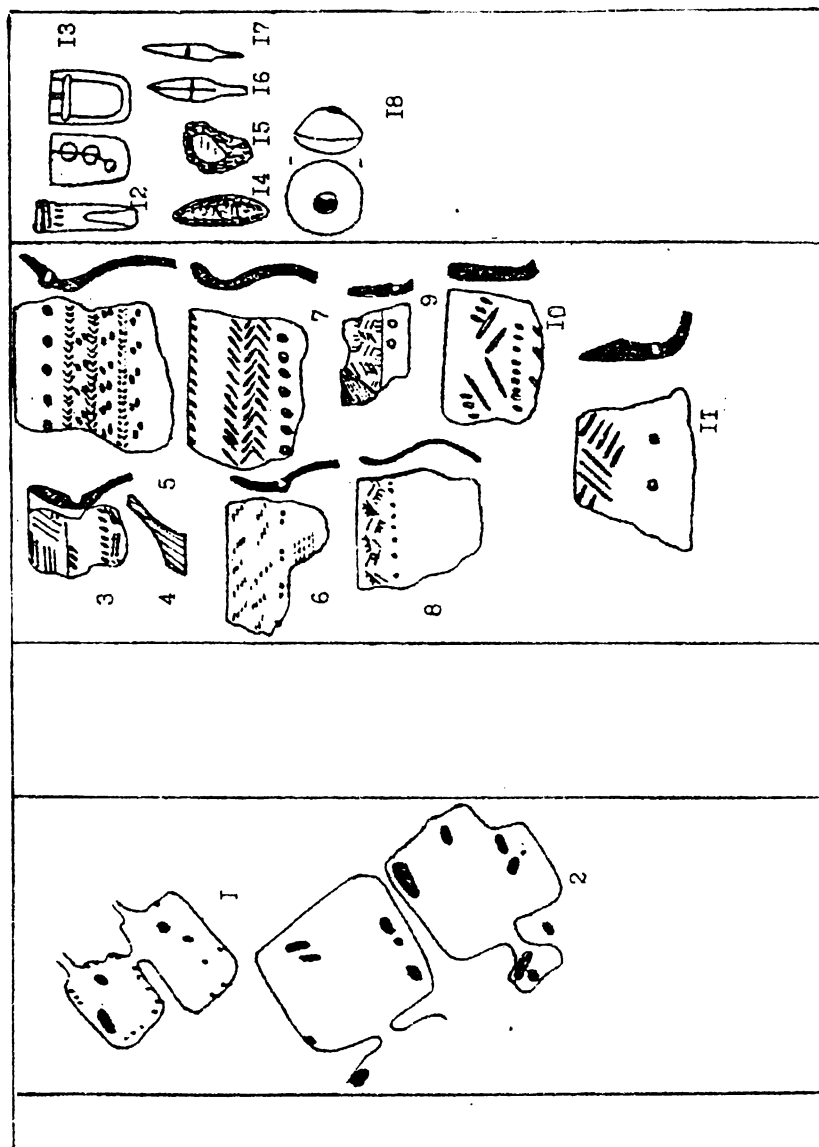

Рис.16.

Описание рисунков 1–16

Рис.1. Урал и Прикамье в период ранней фазы постсейминского хронологического горизонта (XIV–XIII вв. до н.э.).

I. – БАЛЫМСКО-ПРИКАЗАНСКАЯ КУЛЬТУРА. Балымско-Карташихинский этап. Опорные памятники: 1 – Займищенское I; 2 – Балымское; 3 – Карташихинское I; 4 – Карташихинское II.

II. – ЛУГОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Нижнекамский (луговой) вариант. Ранний этап. 5 – Луговой мог.; 6 – Луговское I; 7 – Кумыское; 8 – Зуево-Ключевское; 17 – Старо-Кабановское II.

III. – ЛУГОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Симонихинский (среднекамский) вариант. 9 – Симонихинское.

IV. – ЛУГОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Сусканский (заволжский лесостепной) вариант. 10 – Сусканское I; 11 – Лебяжинское; 12 – Русская Селитьба.

V. – ЛУГОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Старо-Яппаровский (икско-демский) вариант. 18 – Куштирякское; 19 – Старо-Яппаровское I.

VI. – ЧЕРКАСКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА. Кокшаровский (тагильский) вариант. 20 – Кокшаровское I пос. и мог.

VII. – ЧЕРКАСКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА. Невьяно-миасский вариант. 21 – Юкаликулевское; 22 – Черкаскуль II; 23 – Березки V; 24 – Березки Ia мог.; 25 – Липовая Курья; 26 – Перевозной Ia мог.

VIII. – ЧЕРКАСКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА. Лесостепной зауральский вариант. 27 – Туктубаево мог.; 28 – Приплодный лог мог.; 30 – Камышное II; 31 – Язево I; 32 – Кизыльское; 33 – Тавлыкаевское.

Рис.2. Урал и Прикамье в период средней фазы постсейминского хронологического горизонта (XII–XI вв. до н.э.).

I. – БАЛЫМСКО-ПРИКАЗАНСКАЯ КУЛЬТУРА. Атабаевский этап. 1 – Балымское; 2 – Карташихинское; 3 – Большое-Отарское; 4 – Атабаевское.

II. – ЛУГОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Нижнекамский вариант. Поздний этап. 5 – Кумыское; 6 – Луговское II; 7 – Луговой мог.

III. – ЛУГОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Сусканский вариант. 8 – Сусканское I; 9 – Лебяжинское; 10 – Русская Селитьба.

IV. – МЕЖОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Приуральский вариант. 11 – Подгорно-Байларский мог.; 12 – Русско-Шуганское III; 13 – Батраковское; 14 – Старо-Кабановское II; 15 – Ново-Кизгановское II; 17 – Ахметовское I; 18 – Инзелга; 19 – Тюбьяк; 20 – Юмагузинское; 21 – Юкаликулевское; 22 – Ибраевское.

V. – МЕЖОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Зауральский вариант. 23 – Межовское; 24 – Лужки I; 25 – Березки V; 26 – Перевозное Ia; 27 – Тавлыкаевское.

Рис.3. Урал и Прикамье в период поздней фазы постсейминского хронологического горизонта (X–IX вв. до н.э.).

I. – МАКЛАШЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА. Кокшайский вариант. 1 – Кокшайское; 2 – Кокшайский залив; 3 – Кокшамарское.

II. – МАКЛАШЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА. Маклашеевский вариант. 4 – Казанка II; 5, 6 – Березовогривские II, VII; 7 – Полянки II мог.

III. – МАКЛАШЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА. Быргындинский вариант. 8 – Луговское II и Луговское мог.; 9 – Быргындинское; 10 – Кумысский мог.

IV. – МАКЛАШЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА. Ерзовский вариант. 18 – Бойцево II; 19 – Ерзовка; 20 – Заосиновское VI.

V. – МЕЖОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Приуральский вариант. 21 – Жуковское; 22 – Инзелга; 23 – Красногорский I мог.; 24 – Тюбяк; 25 – Юкаликулевское.

VI. – МЕЖОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Зауральский вариант. 26 – Межовское; 27 – Лужки I; 28 – Березки V; 29 – Перевозное I; 30 – Тавлыкаевское.

VII. – БАРХАТОВСКАЯ КУЛЬТУРА.

Рис.4. Урал и Прикамье в переходный период от бронзового века к железному (VIII – нач. VII вв. до н.э.).

I. – АХМЫЛОВСКАЯ КУЛЬТУРА.

II. – АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА.

III. – АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА. Белогорский вариант.

IV. МАКЛАШЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА. Курмантаусский вариант. 1 – Касьяновское; 2 – Куштау Западное; 3 – Урнякский мог.; 4 – Максютовское II.

V. МЕЖОВСКАЯ КУЛЬТУРА. Березовский этап. 5 – Юкаликулевское; 6 – Березовское; 7 – Аргази XIII.

VI. – ГАМАЮНСКАЯ КУЛЬТУРА.

VII. БАРХАТОВСКАЯ КУЛЬТУРА. 8 – Красногорское городище.

Рис.5. Основные формы медно-бронзового инвентаря (орудия труда и оружие) постсейминского времени на Урале и в Прикамье.

Рис.6. Уральский район. Черкаскульская культура.

1 – Лужки I; 2, 3 – Юкаликулево; 4, 5 – Мог. Березки VI; 6 – мог. Приплодный лог; 7 – Горбуновский торфяник; 8, 16 – Линовая Курья; 10 – Черкаскуль II; 11, 13, 14 – Юкаликулево; 12 – Новая III; 15 – мог. Приплодный лог.

Рис.7. Уральский район. Межовская культура.

1, 2, 9, 13, 15 – Юкаликулево; 3 – Березки Vг; 4, 8 – Черкаскуль II; 5 – Березовское; 6 – Замаараевское; 7 – Горбуновский торфяник.

Рис.8. Южное Приуралье. Межовская культура.

1 – Кумлекуль; 2 – Тюбьяк; 3–5 – Красногорский мог.; 6, 7 – Подгорно-Байларский мог.; 8, 10, 11–13 – Ново-Кизгановское II; 9 – Красногорский мог.; 12, 14 – Тюбьяк; 15 – Жуковское; 16–19 – Ахметовское I; 20 – Батраковское; 21 – Тюбьяк; 22 – Инзелга; 23 – Юрак-Тау; 24 – Керенево; 25 – Ахметово I; 26 – Ново-Кизганово II; 29 – Красногорский I мог.; 30 – Жуковское; 31, 32, 33 – Красногорский I мог.; 34 – Юмагузинское; 35 – Жуковское; 35 – Нижегородское III; 37 – Ахметовское I; 38 – Батраковское; 39 – Ново-Кизгановское II; 40 – Старо-Яппаровское; 41, 42 – Тюбьяк.

8–19 – керамика; 20–24, 26, 29, 31, 33 – бронза; 25, 36, 38 – глина; 27, 28, 34, 35, 39, 42 – кость; 30, 37, 41 – камень.

Рис.9. Срубная культура лесостепного Приуралья.

1 – Береговское, постр.5; 2 – Береговское, постр.2; 3 – Куштиряк; 4 – Береговской мог., погр.3; 6 – Татышевский Ia, погр.20; 7, 8 – Старо-Ябалаклинский мог.; 15 – Старо-Яппаровское; 16 – Чесноковское; 17 – Воскресенский мог.; 18 – Жуковское; 19 – Воскресенское; 20 – Затонское III; 23 – Уямское; 24, 26 – Бахчинский клад; 25 – Миловский клад; 31 – Казан-туловское I.

9–18 – глина; 19, 20 – камень; 21–28 – бронза; 29–31 – кость; 32 – раковина.

Рис.10. Нижнекамский район. Луговская культура.

1 – Луговская I; 2 – Такталачукский мог., погр.266; 3 – погр.219; 10, 12, 9 – Такталакский мог.; 4, 14 – Соколовский мог.; 5, 6 – Луговское I; 7, 9 – Старо-Кабановское II; 8 – Ново-Мордовское; 11, 13, 15 – Агидельское; 17 – Старо-Кабановское; 18 – Кумыское.

5–15 – керамика; 16–19 – бронза.

Рис.11. Заволжский район. Луговая общность. Сусканский вариант.

1 – Сусканское левобережное; 2, 10, 11, 12 – Сусканское I; 5–8, 13, 17 – Лебяжинское II; 9 – Русская Селитьба; 14 – Старский мог.; 14 – Ильичевка; 15 – Екатериновка; 16 – Сусканское I.

3–8 – керамика; 9, 10 – кость; 11, 13–15 – бронза; 12 – камень.

Рис.12. Приказанская (балымско-приказанская) культура.

1, 15, 16 – Гулькинское; 2, 7, 10 – Балымское (Отарское); 3–6 – Рождественский мог.; 11, 13, 14 – Отарский мог.; 12 – Балымский мог.; 17–20 – Лебединское VII; 18 – Ташкирмень; 19, 20 – Ново-Мордово.

Рис.13. Волго-Камский район. Маклашеевская культура.

1, 21 – пос. Курган; 2 – Ново-Мордовский VIII, погр.28; 3 – Березовогривский II мог., погр.5; 22, 23 – Березовогривский II мог.; 4–6, 8, 21, 25 – Полянский II мог.; 7, 24 – Ново-Мордовский VIII; 9, 10, 19, 20 – Маклашеевский мог.; 12 – Коминтерновский Курган пос.; 13 – Кузькинское VIII; 14–16 – Степное озеро II; 17, 18 – Гулькинское; 26 – Ново-Мордовский V мог.; 27, 28 – Полянский I; 29 – Ново-Мордовские.

7–18 – глина; 19, 20, 22, 23–29 – бронза; 21 – кость.

Рис.14. Камско-Бельский район. Маклашеевская общность. Быргындинский вариант.

1, 10, 11 – Какрыкульское; 2, 13, 14 – Быргындинское; 3 – Кумысский мог.; 7, 8 – Кюнь II; 9 – Какры-Куль VII; 12 – Кунь II.

5–11 – керамика; 12–14 – камень.

Рис.15. Бельский район. Маклашеевская общность. Быргындинский вариант.

1, 5, 9, 14–18, 21, 22, 25–27 – Касьяновское; 2, 3, 6, 19, 20 – Урнякский мог.; 4 – Бирское; 10, 11, 23 – Куш-Тау Западное; 12 – Старо-Яппаровское III; 13 – Максютовское II; 28 – Демское.

Рис.16. Среднекамский район. Маклашеевская общность. Ерзовский вариант.

1, 3, 4, 5, 14, 18 – Заосиновское VI; 2, 7–11, 16, 17 – Ерзовское; 6 – Бойцево III; 12 – Заюрчим; 13 – Еловское.

3–11 – керамика; 12, 16, 17 – бронза; 14, 15, 18 – камень.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УРАЛА И ПРИКАМЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II – НАЧАЛА I ТЫС. ДО Н.Э.	7
1.1. Дореволюционный этап	9
1.2. Второй этап (20–50-е гг.)	12
1.3. Третий этап (конец 50-х – 60-х гг.)	20
1.4. Четвертый этап (70–80-е гг.)	33
ГЛАВА II. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	44
2.1. Физико-географический очерк	44
2.2. Данные палеографии	52
ГЛАВА III. КРАТКИЙ ОЧЕРК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР	57
3.1. Черкаскульская культура	57
3.2. Межовская культура	59
3.3. Луговская культура	62
3.4. Маклашеевская общность	66
ГЛАВА IV. МНОГООТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЮЖНОЛЕСНОЙ ЗОН УРАЛА И ПРИКАМЬЯ В ПОЗДНЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ	70
4.1. Особенности производящих отраслей хозяйства	71
4.2. Присваивающие отрасли	87
4.3. Производственная специализация и вопросы древнейшего ремесла	96
ГЛАВА V. ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	110
5.1. К демографической оценке археологических культур позднего бронзового века	110
5.2. О характере общественных отношений	117

Глава VI. Духовная культура и искусство	123
Глава VII. Этнокультурная история	136
7.1. Некоторые общие замечания по этногенезу финно-угорских народов	143
7.2. К вопросу об угорском этно-культурогенезе	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
ЛИТЕРАТУРА	159
СОКРАЩЕНИЯ	179
ПРИЛОЖЕНИЕ	181

**У истоков
уральских народов:
экономика, культура, искусство, этногенез**

Михаил Федорович Обыденнов

Редактор Г.П. Ников

Компьютерная вёрстка: Т.И. Ермолаева

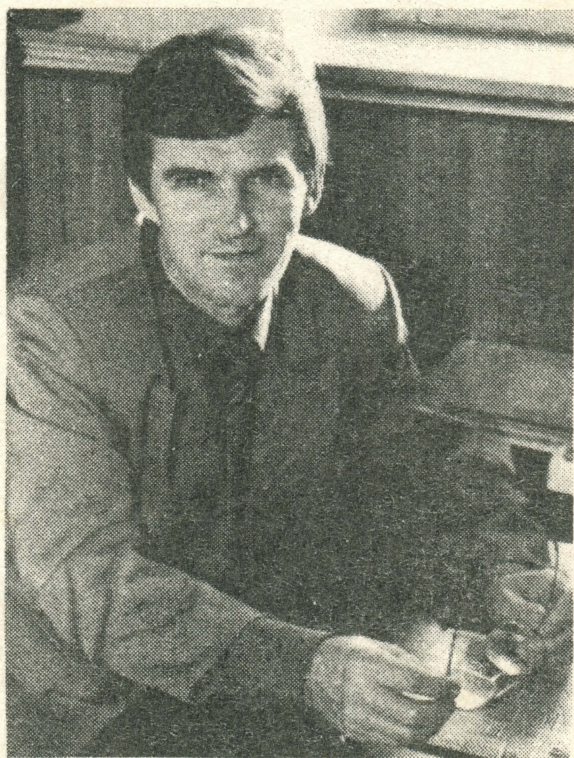
Подписано к печати 25.05.97 г.
Отпечатано на ризографе.
Уч.-изд. л. 12, 6. Усл. печ. л. 11, 7.
ЛБ №0116 от 17.11.93 г. 7Ю5(03)

Формат 60х84 1/16.

Тираж 500 экз. Заказ № 182.

Издательство «Восточный университет» Восточного института экономики,
гуманитарных наук, управления и права.
Типография издательства «Восточный университет»
450000, Уфа, ул. Свердлова, 92.

Об авторе

Михаил Федорович Обыденнов родился в 1949 году в городе Уфе. После окончания в 1975 году исторического факультета Башкирского государственного университета работает на кафедре истории СССР, затем археологии, древней и средневековой истории этого же университета ассистентом (1975 г.), доцентом (1982 г.), профессором (1992 г.), читая лекции по истории первобытного общества, отечественной истории, историческому краеведению Башкортостана и спецкурсы. Одновременно с 1993 года — проректор по учебной работе Восточного института Экономики, Гуманитарных наук, Управления и права, заведует там же кафедрой истории государства и права юридического факультета. В феврале 1997 г. Михаил Федорович Обыденнов избран действительным членом Академии социального образования (г. Москва).